

МИНООБРНАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Аль- Масуд Мохаммед Кадим Хассун

**Рецепции произведений М.Горького о русской революции в литературах
стран арабского Востока**

Специальность 10.01.01. – русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Т.А.Никонова

Воронеж
2014

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Особенности развития арабской литературы XX века. Общая характеристика.....	17
1.1. Литература Ирака.....	20
1.2. Литература Египта.....	26
1.3. Литература Сирии и Ливана.....	35
1.4. История ознакомления арабов с русской литературой, первые переводы на арабских язык произведений русских писателей.....	44.
Глава 2. Творчество М.Горького в общественном и художественном восприятии XX столетия	
2.1. Эстетические и социально-политические векторы прочтения произведений М. Горького его современниками	50
2.2. Этапы восприятия творчества М. Горького в России и в европейском зарубежье	71
2.3. Горький-художник в восприятии арабских писателей и критиков.....	85
Глава 3. Произведения М.Горького о революции в странах арабского Востока. Роман «Мать»: переводы, влияние, истолкование	
3.1. История публикаций произведений М.Горького в арабских странах.....	112
3.2. История публикации романа Горького «Мать». Восприятие романа американской и русской критикой.....	130
3.3. Об арабских переводах романа Горького «Мать». Влияние и истолкование.....	140
Заключение.....	159
Список использованной литературы	167

Введение

М.Горький принадлежит к числу писателей, отношение к которым радикально менялось в связи со сменой общественной обстановки в России и в мире. Его триумфальное вхождение в литературу на рубеже XIX-XX веков было связано с повышенным интересом к писателям «из народа», с ростом революционных идей в общественном сознании, с поисками новых художественных форм. Как певец босячества, как «буревестник революции» первоначально М.Горький был оценен не только в России, но и на Западе. Английский критик Э. Диллон отмечал в книге «Maxim Gorky. His life and writings» (1901):

«В Горьком чествовали главным образом пророка, предвещающего наступление новой эры и новых порядков. Русское общество вообще смотрит на своих писателей не только как на представителей искусства, но и как на своих политических вождей, обязанность которых принять близкое и горячее участие в общественном движении. Таким образом, русскому писателю приходится быть не только умственным, но и общественным руководителем своих современников, а так как Горький – горячий поборник свободы во всех ее видах, то он удовлетворял этой общественной потребности больше, чем кто-либо другой»¹.

Роль «политического вождя» определяла отношение к писателю на протяжении всего XX века. В советские годы М.Горький был трактован советским литературоведением как певец революции, как создатель образа «нового человека», борца за революционные идеалы. Так же его воспринимали социалистические силы за рубежами Советского Союза. Сходное политизированное и социологизированное представление о писателе определило его восприятие в конце XX века и в России, и за ее

---

¹ Цит по: Никонова Т.А. «Новый человек» в русской литературе 1900-1930-х годов: Проективная модель и художественная практика. – Воронеж: Изд-во Воронеж.гос. ун-та, 2003. - С. 60-61.

рубежами. Не входя в детальное обсуждение проблемы восприятия творчества М.Горького постсоветским литературоведением, сошлемся на мнение Ю.В.Зобнина: «В наше время Горького принято “разоблачать”. С первых лет “перестройки” на этом специализируется целая армия отечественных и зарубежных историков литературы. Полемицировать или соглашаться с ними у нас желания нет — хотя бы потому, что в Горьком — в его личности, в его произведениях — **много есть разного**. Можно лишь заметить мимоходом: если Горького «развенчивают» до сих пор, из года в год на протяжении десяти лет, к вящему интересу читающей публики, это показательно: значит, есть что развенчивать» (Выделено Ю. Зобниным. – МКХ)².

Соглашаясь с мнением исследователя, акцентирующего внимание на **актуальности** горьковского наследия для современности, остановимся на наиболее важных, с точки зрения нашей темы, идеях, разрабатываемых русской и зарубежной критикой конца XX-нач. XXI веков.

Объявленный советским литературоведением основоположником социалистического реализма, М.Горький именно в этом качестве был подвергнут резкому осуждению «разоблачительной» критикой и публицистикой 1980-х годов. Однако довольно скоро стало ясно, что весь комплекс проблем, связывавшихся в советском литературоведении с именем писателя, требует кардинального пересмотра. В целом ряде работ была подвергнута пересмотру теория социалистического реализма, исторические границы ее использования. И это стало началом развенчания наиболее устойчивых мифов, связанных с именем М.Горького .

«Один из самых вредоносных мифов, созданных горьковедомы еще в 30-х годах, утверждает, будто бы Горький своим романом «Мать» от 1907

---

² Зобнин Ю. В По ту сторону истины (Случай Горького) // Максим Горький: Pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890—1910-е гг. Антология. – Санкт-Петербург: изд-во РХГИ, 1997. – С.4

года положил начало «соцреализму» — тому самому, который сталинистскими идеологами был объявлен и на самом деле стал “основным творческим методом” советской литературы после Первого съезда советских писателей в 1934 году», – пишет Г.Митин, касаясь традиционного для советского литературоведения утверждения, что М.Горький был основоположником социалистического реализма. Он спорит с этим «политическим» утверждением прежде всего как с историко-литературным термином: «Грубейшей фальсификацией было распространение понятия «соцреализма» даже на литературу 20-х годов, не говоря уж о дореволюционном творчестве А. М. Горького»³.

Автор монографии «Феномен М.Горького как эстетическая реальность: генезис и функционирование (1880-е-начало 1900-х годов)» А.Б.Удодов, чья концепция представляется наиболее интересной и развернутой в интересующем нас плане, указывает, что даже привычный «термин “пролетариат” ... первоначально потреблялся критикой в значении, не совпадавшим с канонически-“классовым”»⁴. А.Б.Удодов отмечает далее, что такое политизированное отношение к писателю, «творчество которого стали растаскивать на “лозунги”, “призывы”, “афоризмы” и пр.», и стало основанием для рождения многих мифов, которые нередко становились преградой, возводимой между писателем и его читателем. Опираясь на утверждение самого М.Горького, сказавшего в «Несвоевременных мыслях»: «Где слишком много политики, там нет места культуре», исследователь выступает против «политической утилизации» художника, видя в ней «одну из ипостасей мифопорождающего начала, ставшего необычайно продуктивным для XX столетия»⁵.

---

³ Митин Г.Евангелие от Максима: [Заметки о романе А.М.Горького «Мать»] // Литература в школе.– 1989.– №4. С.48

⁴ Удодов А.Б.Феномен М.Горького как эстетическая реальность: генезис и функционирование (1880-е-начало 1900-х годов). - Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 1999. - С.220-221.

⁵ Там же. С.3

Говоря о мифах, сложившихся вокруг имени и творчества М.Горького, мы должны иметь в виду, что их наполнение и возникновение в русской литературе и зарубежных литературах не совпадают. Они опираются на разные исторические реалии, выполняют разные задачи. В нашей работе мы говорим о двух горьковских мифах, актуальных, с нашей точки зрения, для литератур арабских стран периода национально-освободительных движений. Это миф политический, связывающий имя М.Горького с развитием революционного сознания в Ираке, Египте, Сирии и Ливане, обращенный к читательской аудитории, и миф биографический, создаваемый в том числе и арабскими писателями, видевшими в М.Горьком тип художника, вышедшего из «низов» общества.

Идеологическая составляющая в обоих мифах о Горьком была значительной, создавалась в обстановке политического противостояния и опиралась на феноменальную популярность творчества писателя. В большинстве своем писавшие о Горьком использовали вполне реальные факты, обеспечивавшие убедительность создаваемой мифологии, ее востребованность общественным сознанием как в России, так и за рубежом. «Исследователи книжного чтения свидетельствуют, что среди читателей-рабочих уже в десятые годы Горький был одним из самых читаемых и почитаемых авторов, опережая даже Льва Толстого. В середине двадцатых он прочно входил в ряд литературных «генералов» вслед за Пушкиным, Гоголем, Тургеневым, причем известность романа «Мать» превышала известность всех других его произведений. И только потом, в тридцатые, Горького, как и Маяковского, «стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине (Б. Пастернак)»⁶.

Современный русский исследователь И.Сухих вписывает М.Горького в реальный контекст его времени, споря с концепцией советской литературы, согласно которой писатель разрывал связи как литературой «позорного»

---

⁶ Сухих И. Между Марксом и богородицею (1906—1907. «Мать» М. Горького) // Звезда.— 1998. — №10 С.227.

предреволюционного десятилетия, так и с русской классикой, создавая принципиально новую литературу. Эта идея сегодня разрабатывается не только в русском, но и зарубежном литературоведении. В работе американского слависта Э.Дж Брауна читаем: «Горький значительно сложнее и интереснее, чем мы предполагаем; большую часть своей жизни он прожил в литературном мире, где доминирующим течением был “символизм”, о котором впоследствии сложилось столь расплывчатое представление. Мне хотелось бы привести доказательства воздействия символизма и других модернистских течений на творчество Горького и одновременно его тесной связи с массовой культурой того времени»⁷.

Мысль о включенности М.Горького не только в литературные, но и философские контексты его времени также представляются важными для раскрытия нашей темы. Это мысль о социалистических, марксистских идеях писателя. И здесь в центре внимания исследователей естественно оказывается роман «Мать», миф о чрезвычайной популярности которого сегодня развенчивает русская литературная критика.

«Еще сравнительно недавно, если верить доперестроечному социологическому официозу, повесть эта чуть ли не лидировала в реестре наиболее “читаемых и любимых”. Конечно, это очевидный пропагандистский перехлест. И не в том даже дело, что в эстетическом смысле она далеко не безупречна. Тут — другое. От Горького, подстриженного под Жданова, десятки миллионов читателей, и в первую очередь школьников и студентов, что называется, с души воротило. И только лицемеры и простофили восклицали этому литературному призраку осанну. Энергично подчеркнем: пели осанну не горьковской повести, а той

---

⁷ Браун Э.Дж. Символистское влияние на «реалистический» стиль Горького // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. – СПб., 1993.– С. 157.

пропагандистской мифологеме, что симулировала определенное сходство с нею»⁸.

Последняя мысль С.Ваймана обозначает важную для современного горьковедения мысль: в советские времена реальный текст подменяли политическим лозунгом, уничтожая писателя, зачеркивая его реальные открытия. А между тем С.Вайман указывает на идейную новизну горьковского романа «Мать», сознательное искажение которого нанесло вред не только репутации М.Горького, но обернулось реальными потерями для русской литературы советского времени.

«Задолго до Октябрьского переворота горьковская повесть художественно оповестила российскую читательскую аудиторию, в ту пору “насыщенную” бездной философских и политических концепций, об угрозе формального соединения человека с социалистической идеей. Когда идея эта узурпирует личность, она способна искорежить ее или даже сломить. Вне индивидуальных духовных рельефов и корней она — ничья и потому опасна. Человек, позволивший ей овладеть собою, с самого начала занимает по отношению к ней позицию носителя, а не родителя»⁹.

С точки зрения исследователя, принципиальная подмена при анализе горьковской повести состояла в том, что человек, всегда стоявший в центре внимания писателя, отодвигался на второй план, как это и было положено в практике социалистического реализма. А между тем совсем не «каноническое» отношение основоположника пролетарской литературы к социалистическим идеям, в частности, к марксизму, отмечают и другие современные исследователи.

«Имя Маркса, кажется, ни разу не поминается в горьковском тексте. Но его идеи и идеи его русских последователей оказываются одним из

---

⁸ Вайман С. Под руинами соцреализма: Человек и идея в повести М. Горького «Мать» // Литературное обозрение.— 1991.— № 12. С. 26.

⁹ Вайман С. Под руинами соцреализма. С.32

идеологических полюсов этого романа-сказки о новых (после Чернышевского и шестидесятников) новых людях»¹⁰.

Исследователь возвращает нас к мысли о том, что творчество М.Горького должно быть вписано в литературный, а не политический ряд. «В ситуации начала XX века «Мать» была не началом (исток, нормой и недостижимым образцом социалистического реализма она была объявлена потом), а продолжением, звеном в цепи. Ближайшим образом — в цепи романа о “новых людях”, который в начале шестидесятых годов с разными целевыми установками сочиняли Тургенев, Чернышевский, Лесков и который в следующие десятилетия стал добычей рядовых беллетристов “Отечественных записок” и “Дела”»¹¹.

Еще один миф о М.Горьком, писателе, вышедшем из народных низов, развенчивает современное литературоведение. Он возник раньше других, сопровождал вступление М.Горького в литературу. Это миф о писателе, в полной мере разделившем судьбу своих героев. Путь от «босючества» к мировой литературной славе, к влиянию на миллионы самоучек, выходцев из «низов», с энтузиазмом воспринимался не только в России, но и за ее пределами. А между тем русский историк литературы Б.Эйхенбаум в статье «Писательский облик М. Горького»(1929) еще в далекие 1920-е годы отделил реальную судьбу Алексея Максимовича Пешкова от мифа о М.Горьком. Об этой основательно забытой в советском литературоведении статье напомнил уже цитированный нами американский славист. Обратившись к статье Б.Эйхенбаума, он увидел в ней важное и современное наблюдение: «...здесь, вероятно, впервые утверждается то, что впоследствии стало трюизмом, а именно: биография Горького—это не обязательно реальные события его жизни, но созданная им в своих художественных произведениях легенда,

---

¹⁰ Сухих И. Между Марксом и богородицею. С.230. О сознательном «притягивании» М.Горького к пролетарскому движению говорит и А.Удодов. См.: Удодов А.Б. Указ. соч. – С.221 и далее.

¹¹ Там же. С.229

которая впоследствии сама стала важным литературным и историческим фактом. Иначе говоря, реальная биография Горького попала под влияние его литературной легенды»¹².

Это важное напоминание русского ученого должно быть учтено в современных оценках литературных мифов о М.Горьком.

Важная сторона горьковского наследия, в советские годы подвергавшаяся искаженным толкованиям либо совсем замалчивавшаяся, – отношение писателя к религии. Советская литература исповедовала атеизм, сам писатель неоднократно писал о своих антирелигиозных взглядах. А между тем главный соцреалистический роман «Мать» содержит многочисленные отсылки к евангельским сюжетам, вступает в полемику с религиозными представлениями, суть которой советский читатель, а тем более школьник понять не мог в силу антирелигиозного воспитания. Однако наличие религиозных мотивов в романе «Мать» не было случайным. «У Горького речь идет о смене веры, о новом вероучителе, занявшем в сознании Ниловны место Христа. Параллели с Христом помогают Ниловне понять жизнь ее сына. <...>Перед нами – спор с главными христианскими заповедями, спор о ценности человека»¹³.

В этом споре М.Горький был не одинок. Эти его идеи перекликаются с философским течением, возникшим в марксизме после поражения русской революции 1905 года – богостроительством. Последовательным выразителем этих идей стал А.Луначарский («Религия и социализм»), разделял эти идеи и А.Богданов (Малиновский), особенно влиявший на взгляды М.Горького 1900-х годов. Богостроительские идеи содержит роман «Мать», но гораздо отчетливее они отразились в его повести «Исповедь», не переиздававшейся в

---

¹² Браун Э.Дж. Символистское влияние на «реалистический» стиль Горького // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. – СПб., 1993. С.165.

¹³ Никонова Т.А. «Хочу, чтобы каждый из людей был человеком!»: Герой и «массовый человек» в творчестве М.Горького // Русская литература XX века. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С.58-59.

Советском Союзе до 1970-х годов. Однако и в этой повести, как отмечают современные ученые, М.Горький не был послушным учеником идеологов социал-демократии.

«Оценивая ныне “богостроительские” произведения Горького, мы отчетливо видим разницу в его построениях и учениях Богданова и Луначарского. Для последних “коллективизм”, ставший источником “божественной силы”, — неразрывно связан с идеей “пролетарского классового единства”. Для Горького — “коллективное начало” внеклассово, обнаруживает его не “пролетариат”, а “народ”: “Бог суть народушко”. Разница, как видим, весьма существенная, если учесть, что при такой постановке проблемы поиск источника, порождающего в “массе” чувство единения, мыслился Горьким не столько в сфере марксистской социологии, сколько в сфере “этнологии”. В 1910-е годы его Человек начинает превращаться в “Русского Человека”»¹⁴.

Последнее замечание Ю. Зобнина, отметившего важную веху в творчестве писателя, помогает развенчать еще один миф – миф о Горьком, всегда остававшимся лишь «буревестником» революции. Этот миф самый устойчивый, самый ранний по времени его возникновения. Однако ситуация на самом деле была более сложная, чем это виделось в предреволюционные годы.

«Революция 1917 года во многом стала испытанием для Горького, опрокинувшем многие его ожидания. Он увидел реальную возможность гибели культуры и российского пролетариата, его лучшей части. <...>

По мысли Горького, 1917 год отбросил Россию в нелегком деле создания пролетарской культуры на много лет назад, уничтожив хрупкий слой пролетарской интеллигенции, да и истинного пролетариата тоже. Россия оказалась во власти анархичной толпы, объединенной страхом и

---

¹⁴ Зобнин Ю. В По ту сторону истины (Случай Горького).– С.27.

непониманием того, что происходит, она оказалась в полной зависимости от настроений крестьянства, способного лишь к бунту и разрушению»¹⁵.

«Несвоевременные мысли», в которых были высказаны резкие оценки революции, многими современниками М.Горького, главным образом, из числа его прежних товарищей по революционной борьбе, были восприняты как отступление от традиций русской интеллигенции, как измена общему делу. Однако с таким выводом горьковских современников не согласна современная российская критика. Образ революции оценивается ею как книжный, литературный. Так считает Ю.Зобнин. М.Горький видел революцию через «поэтические особенности образа Революции в творчестве Чернышевского, его знаменитая символика — особенно в “Четвертом сне Веры Павловны” (“Что делать?”) — генетически восходящая к символике вакхического веселья, “хтонической” эротики, связанной с образом Деметры Цереры, выступающей здесь под именем “невесты своих женихов” — Революции»¹⁶.

Т.о., считает Ю. Зобнин, М.Горький воспринимал революцию в контексте культуры, как часть уже сложившейся русской традиции. В этом смысле можно говорить, что в событиях 1917 года в России М.Горький увидел не продолжение традиций революционно-демократической литературы, а ее разрушение.

В диссертационном исследовании мы рассматриваем рецепции отдельных горьковских произведений, легших в основание двух главных горьковских мифов, актуальных, как мы уже отмечали, для литератур стран арабского Востока. Мы основываемся на тех произведениях писателя, которые оказались в поле внимания арабских писателей периода формирования новой арабской литературы, тесно связанной с ростом

---

¹⁵ Никонова Т.А. «Хочу, чтобы каждый из людей был человеком!» – С. 62-63.

¹⁶ Зобнин Ю. В По ту сторону истины (Случай Горького).– С.16

национального самосознания арабов, с освободительным движением. Этот процесс мотивировал наше обращение к тем произведениям писателя, в которых с наибольшей отчетливостью были обозначены его идеи формирования личности и писателя, и героя, сопротивляющегося «свинцовым мерзостям жизни». Здесь нас будут интересовать такие произведения писателя как романы «Мать», «Фома Гордеев», «Дело Артамоновых», пьеса «На дне». Эти произведения помогают понять, как в арабских литературах воспринимались горьковские идеи революционной переделки человека.

«Следует учитывать тот бесспорный факт, что позиция М. Горького-художника ярче, значительнее, тоньше, выразительнее, чем оценки Горького-публициста» (Полякова Л. В. М. Горький о русском крестьянстве. Контур проблемы // М. Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения. 2002 год. Материалы международной конференции. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2004. С. 120). По оценке Л. В. Поляковой, «для плодотворного освоения» материала русской революции в творческом наследии писателя «предстоит изучить весь комплекс проблем горьковедения, внутрь которого вмонтирован» (Там же. С. 122) революционный аспект.

Мы рассматриваем литературы Ирака, Египта, Сирии и Ливана как одно культурное поле, отдавая себе отчет в том, что литература в этих странах развивалась по-разному в силу целого ряда особенностей, о которых речь будет идти ниже.

Для арабской литературы большое значение имела биография писателя, которая отражалась в его произведениях. Немало арабских писателей восприняли литературную личность М. Горького как руководство к действию, восприняли его биографический миф, наполнив его своим содержанием.

Для арабских читателей немалое значение в деле общественного становления имели вопросы религии и морали. Поэтому повесть «Исповедь», как и отдельные стороны романа «Мать», рассматриваются нами в проекции на особенности арабского восприятия.

Несмотря на то, что главным предметом нашего рассмотрения в диссертационном исследовании являются произведения М.Горького, мы, следуя традиции, обозначившейся в современном русском горьковедении, рассматриваем их как часть русской литературы, немалое влияние которой испытывала арабская литература в XIX и XX веках. В числе авторов, существенно повлиявших на развитие арабской литературы, были, как правило, писатели-реалисты. Поэтому и М.Горький воспринимался в реалистическом ключе, а под влиянием советской литературной критики и как создатель социалистического реализма.

В связи с вышесказанным **актуальность исследования** определяется возросшим интересом к особенностям развития национальных литератур в эпоху глобализации, к идеям межкультурного сотрудничества. События на Ближнем Востоке конца XX века, крепнущие связи между Россией и странами арабского мира придали новую жизнь давним культурным связям, одной из важных составляющих которых было творчество М.Горького.

Предмет исследования – восприятие творческого наследия писателя М.Горького в арабской литературе, особенно в период активизации национального движения, его влияние на арабских писателей, решавших проблему героя в национальных литературах.

Материал исследования – художественные и публицистические тексты М.Горького, получившие особое распространение в арабских странах (романы «Мать», «Фома Гордеев», «Дело Артамоновых», биографическая трилогия), а так же наиболее известные произведения арабских писателей, в творчестве которых мы обнаружили горьковские влияния.

Цели и задачи исследования определены рецепцией творческого наследия М.Горького в арабских литературах, для чего необходимо:

1. Систематизировать имеющиеся исследования русско-арабских связей в русском литературоведении;
2. Изучить переводы произведений М.Горького на арабский язык;

3. Выявить и рассмотреть критические отзывы арабских исследователей, писателей и переводчиков на произведения М.Горького;
4. Рассмотреть особенности перевода романа «Мать» с языка-посредника, обозначившего его межнациональную, революционную составляющую;
5. Проанализировать влияние личности и творчества М.Горького на арабских писателей первой половины XX века;
6. Охарактеризовать особенности рецепции горьковского творчества в арабской литературе XX века.

Методологическая основа работы определена материалом исследования. Ее составили элементы историко-описательного, историко-функционального методов, к которым мы прибегали, восстанавливая особенности проникновения горьковских текстов в арабскую литературу, биографического, сравнительно-сопоставительного (компаративистского), герменевтико-интерпретационного и лингвотекстологического методов.

Теоретическую основу работы составили труды русских и арабских историков литературы, исследователей творчества М.Горького и арабской литературы первой половины XX века, работы по теории перевода, компаративистике.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно может стать частью системного изучения рецепций русской литературы XX века в арабских странах; результаты исследования могут быть использованы в компаративистских трудах, изучающих связи русской литературы с литературами зарубежных стран.

Апробация диссертационного исследования. Работа обсуждалась на заседаниях кафедры русской литературы XX-XXI веков, теории литературы и фольклора Воронежского государственного университета, ее результаты докладывались на научной сессии ВГУ (2013, 2014), основные положения отражены в 4 публикациях, 3 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Положения, выносимые на защиту

1. Широкое распространение произведений М. Горького в странах ближнего Востока в XX веке явилось результатом внимания арабской литературы и культуры к русской классической литературе и было естественным развитием русско-арабских связей в новых исторических условиях.

2. Революционно-романтические идеи, концепция героя-борца, лежащие в основе большинства горьковских произведений, определили распространение и популярность его творчества в арабской литературе XX века.

3. Революционный и воспитательный потенциал произведений М. Горького определяет интернациональный характер его творчества, служит идеям освобождения личности, особенно актуальным в эпохи национально-освободительных движений.

4. Биография и личность М. Горького (биографический и политический мифы) были восприняты арабскими писателями периода борьбы за национальное освобождение и в содержательном, и в художественном плане. Горьковские мифы обрели в арабской литературе собственное национально-культурное истолкование.

5. Освоение творчества М. Горького арабской литературой служит примером развития национальных культур в XX веке, осваивающих новые идеи через поиск собственных художественных решений. История проникновения произведений М. Горького в литературы арабских стран – первоначально через публицистические тексты, через языки-посредники, а затем уже с их помощью создание оригинальных художественных текстов – доказывает важность и необходимость межнациональных и культурных контактов и влияний.

6. Роман «Мать» занимает центральное место в ряду произведений писателя, оказавших большое влияние на формирование образа героя из

«низов» народа в арабской литературе. Арабские писатели видят в нем художественный аналог, позволяющий осмыслить и объяснить факты истории собственной страны.

7. Деятельность писателей-переводчиков, как показывает изучение распространений творчества М.Горького в странах Ближнего Востока, рассматривается как преодоление культурной замкнутости, как поиск новых художественных решений с использованием опыта мировой культуры.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, излагающих основное содержание исследования, Заключения, Списка использованной литературы на русском, арабском и английском языках, включающего... наименований.

Глава первая.

.

Особенности развития арабской литературы XX века. Общая характеристика.

Под названием «арабская литература» чаще всего имеется в виду литература Египта, Ливана, Сирии, Ирака. Автор диссертации ограничивает рассмотрение собственной темы именно этими странами, не захватывая литературы других стран Ближнего Востока. Разумеется, нельзя полностью отождествить литературы указанных стран, однако между ними больше сходств, чем различий. Не входя в рассмотрение классического периода арабской литературы и культуры, мы сосредоточим свое внимание на арабской литературе XX века и влиянии на ее развитие русских писателей.

В XIX веке началось возрождение современной арабской литературы.. Этот процесс историки и культурологи связывают с длительным периодом борьбы арабских стран за независимость. Это первое условие, которое позволяет объединить арабскую литературу XIX-XX веков в единый процесс. Среди арабской интеллигенции получила распространение идея всемусульманского единства перед лицом европейской культурной экспансии; что способствовало развитию целостного массива арабской литературы. Эта идея была объединяющей, консолидирующей силы

интеллигенции всех арабских стран ближнего Востока и не подавляла при этом национальных особенностей литературы каждой из стран. Поэтому можно говорить не только об общих процессах, переживаемых литературами Египта, Ирака, Сирии и Ливана, но и об их свободном и творческом взаимодействии.

Вторым условием формирования новой литературы, тесно связанной с современностью, была ее опора на многовековые национальные традиции. Авторы новых по своему содержанию произведений, как правило, использовали классические художественно-образительные средства, сохраненные многообразной деятельностью просветителей. Их произведения положили начало современной арабской литературе¹⁷.

Соединение задач национально-освободительной борьбы и арабской художественной традиции определили как содержание, так и формы литературных произведений конца XIX в. На первых порах основным прозаическим жанром становится политическая статья. Страстные памфлеты деятелей Возрождения Джемал ад-Дина ал-Афгани (جمال الدين الافغاني), Мухаммеда Абдо (محمد عبده), Адиба Исхака (أديب اسحاق)¹⁸ и других просветителей были направлены против колонизаторов и наполнены пафосом борьбы за свободу и социальный прогресс. И хотя политические статьи того времени писались рифмованной прозой, а язык их несколько

---

¹⁷ См.: аль-Манфалути المنفلوطي (1876—1924), Вали ад-Дин Йекун ولي الدين يكن (1873—1921), Ахмад Лутфи ас-Сайид Лutfي السيد لطفي (1872—1963), Касима Амина قاسم أمين (1865—1908), Абдаррахман аль-Кавакиби عبد الرحمن الكواكبي (1849—1902), аль-Баруди البارودي (1839—1904), Ахмед Шауки أحمد شوقي (1868—1932), Мухаммад Хафиз Ибрахим محمد حافظ (1870—1932), Мухаммад Абдо محمد عبده (1849—1905), Мустафа Камиль مصطفى كامل (1874—1908), Сулейманом аль-Бустани سليمان البستاني (1904), Халиля Мутрана خليل مخران (1872—1949), Мухаммада аль-Мувайлихи محمد المويحي (1868—1930), Джирджи Зейдан جرجي زيدان (1861—1914), Фарах Антон فرح أنطون (1874—1922), Мухаммед Хусейн Хайкал (1888—1956) и др.

¹⁸ Джемал ад-Дин ал-Афгани, «Отвечить на аль-Дахрийн», الرد على الدهرية, «Сиквел заявление в истории афганцев», تنمة البيان في تاريخ الافغان, «аль-Кадаа ва аль-Кадар» والقضاء والفدر, Мухаммед Абд «Рисалат аль-Тавхид» رسالة التوحيد, «аль-Урва аль-Видка» العروة الوثقى, Адиб Исхак «Реформа шариатских судов» اصلاح المحاكم الشرعية.

архаичен, они до сих пор остаются непревзойденными образцами публицистического стиля. В этом жанре начали вырабатываться стилистические нормы современного литературного арабского языка.

Конечно, в силу сложной исторической и политической обстановки на арабском Востоке в годы первой мировой войны, а также в годы тяжелых национальных войн, культурная и, в частности, литературная жизнь развивалась медленнее и отличалась определенной степенью вторичности по отношению к мировой художественной культуре. В мировом литературоведении сложилось представление о художественной прозе стран арабского Востока как о феномене, отличающемся небогатой традицией¹⁹. Так, например, такие художественные формы как рассказ, повесть, роман не обнаруживают ни средневековых, ни более ранних корней в культуре Ирака.

1.1. Литература Ирака.

До начала XX в. собственно художественная литература Ирака была представлена в первую очередь поэзией. Из работ советского исследователя арабской литературы Б. Чукова известно, что в XX веке – в пору расцвета художественной литературы в России – «в образованной среде [Ирака. – МКХ] распространялись исторические хроники и жизнеописания, комментарии Корана и поэтических сборников, исследования по богословию, средневековой философии, этнографии, записи о путешествиях, загадки в стихах и прозе, сборники анекдотов, небольших шуточных истории и остроумных изречений, почерпнутых в основном из старых книг»²⁰.

---

¹⁹ Об этом см.: Мухаммад Мустафа Хаддара, Исследования о современной арабской литературе, первое издание, изд. Дар аль Улюм аль- Арабийя, Бейрут, 1990. *دراسات في الادب العربي الحديث*, محمد مصطفى هدارة, دار العلوم العربية ببيروت, الطبعة الاولى, 1990.

²⁰ Чуков Б. В. Общественное сознание и идейно-художественная эволюция литературы в Ираке XIX в. / Б. В. Чуков // Народы Азии и Африки.–1977.–№6.–С. 109

Прозаические произведения в форме рассказов и повестей составляют в Ираке приметную черту лишь прошлого, XX столетия, о чём можно судить, например, из другой работы Б. Чукова – «Иракская художественная проза и русская литература». «Литературная жизнь в Ираке намного дольше, чем в большинстве других стран Востока, протекала в русле классической и ложноклассических форм и была в такой степени подчинена власти средневековых традиций, что первые прозаические произведения – рассказы и повести – появились там лишь во втором десятилетии XX века», – пишет Б.Чуков²¹. Именно в то время, когда старое мироощущение, скованное религиозными традициями, уступало место либеральному национализму, стали заметны ростки новых жанров литературы. Иракская художественная проза делала первые шаги в годы подъема антиимпериалистического движения в арабских странах. Развернувшееся в стране движение за социальное переустройство стимулировало интерес передовых слоев общества к социалистическим идеям. Однако в силу относительной геополитической изоляции все новые веяния доходили до Ирака, не в пример Египту и Ливану, со значительным опозданием. Эта же мысль высказывалась авторитетным советским и российским исследователем иракской литературы Д.Юсуповым в его трудах 1960-х годов²².

Достаточно вескими аргументами подкреплена и вторая особенность иракской художественной прозы – её отставание от основных тенденций мировой художественной культуры. Данная особенность обусловлена причинами социально-политического и исторического характера. Согласно представленному в российских исследованиях мнению, «до первой мировой войны для культурной жизни Ирака были характерны застой и отсутствие контактов с прогрессивной культурой Запада. Население ограничивалось лишь чтением старинных книг, слушанием проповедей в мечетях,

---

²¹ Там же.– С.101

²² Д.Юсупов. Иракская литература // КЛЭ. – Т. 3. – М. : Советская энциклопедия, 1966. - С. 166-167.

повествований дервишей и платных рассказчиков в кофейнях. Первый большой поток книг и периодики хлынул в Ирак только после падения Османской империи. Это были в основном египетские книги и журналы, доставлявшиеся морским путём в Басру, а затем в Багдад»²³.

С проникновением в Ирак английского империализма резко возросло число людей, знающих английский язык. Но еще долгое время после окончания первой мировой войны большая часть продававшихся в Ираке книг была издана в Египте, их доставляли морским путем в Басру, а затем в Багдад. В силу сохранившихся связей новые книги разными путями продолжали поступать и из Турции. Многие из этих книг были переводными английскими и французскими развлекательными романами, отпечатанными на дешевой бумаге. Они продавались по умеренной цене, что способствовало их широкому распространению.

Основоположник новой иракской прозы Махмуд ас- Сейид (محمود أحمد السيد, 1901-1937) в начале 1920-х годов с негодованием говорил о соотечественниках, которые подпали тогда под влияние «полицейских любовными романов хлынувших на европейских стран»²⁴. Все произведения ас- Сейида связаны с современностью и имеют острую социальную направленности. В писательском труде он видел одно из средств воздействия на общественное развитие и отвергал литературу, служащую лишь для развлечения читателей. По его убеждению, прозаическое произведение «должно преследовать единственную цель — изображение народной жизни, чтобы деятельно показать как совершенные, так и несовершенные стороны, строго к исправлению которых стремятся сторонники преобразований»²⁵. Махмуд Ахмед ас-Сейид видел долг иракских писателей, начинавших культивировать художественную прозу, в том, чтобы доносить до читателей

---

²³Чуков Б. В. Социалистические идеи в иракской прозе // Народы Азии и Африки. – 1974. – № 1. – С. 94.

²⁴ محمود احمد السيد, هياكل الجهل (Махмуд Ахмед ас-Сейид, Храмы), Багдад, 1923, стр. 4-5.

²⁵ "الناشيء الجديد" («ан- Наши ал-лдадид»), Басра, 1928, № 3.

«в переводе, приложении или литературно-критическом анализе образцы, которые публикуются и распространяются в литературах различных народов, в частности, в литературах России и Турции»²⁶.

И ас-Сейид сам подавал пример другим писателям. Первые сокращенное изложение на арабском языке романа Л. Н. Толстого «Воскресение» было опубликовано им в крупном египетском еженедельнике «ас-Сийаса»²⁷ в 1927 г. Спустя два года он включил его в сборник «Предвестники», увидевший свет в двух номерах (1927, № 4-5 и 6) багдадского журнала «ал-Маарид». Вероятно, это было первое исследование о великом русском писателе, опубликованном на арабском языке.

В сочинениях ас-Сейида нередко можно встретить имена других русских писателей. Русская литература оказала на писателя, по его признанию, наибольшее влияние: «Несколько лет назад я прочитал некоторые рассказы, переведенные на арабский с европейских языков. Они показались наполненными чудесными и захватывающими событиями, подобные которым я видел на киноэкранах — с чарующими пейзажами, красками... Но, когда я прочитал русские психологические романы “Новь” Тургенева, “Преступление и наказание” Достоевского, “Сын природы” Арцыбашева²⁸ и другие, а также часто публиковавшиеся в Турции и Египте короткие рассказы знаменитых писателей — Антона Чехова, Максима Горького, Толстого и др., мое мнение изменилось. Мне стало ясно, что те произведения, с их чудесными неожиданностями и яркими красками,

---

²⁶ "الاستقلال" («ал- Истякляль»), Багдад, 5. VII. 1928.

²⁷ Во главе его стоял известный египетский писатель Мухаммед Хусейн Хаикаль (1888 – 1923).

²⁸ Известный египетский писатель Ибрахим Абдель Кадер Аль Мазни (1890 – 1947) перевел и издал в 1921 г. под заглавием «Сын природы» роман М. П. Арцыбашева «Санин». С этим переводом и был знаком ас- Сейид. В 1931 г. ал- Мазни выпустил роман «Ибрахим – журналист», переизданный в некоторых арабских странах. Ас-Сейид в одной из статей сообщил читателям о том, что ал- Мазни следовал роману, указав на сходство отдельных фрагментов и персонажей романов. Это сообщение назвало в арабской печати многочисленные отклики. [См., напр., "الحديث" («ал- Халаб» (Алеппо), 1937, № 540)].

фантастичны и лживы, их сфабриковали писатели и предложили публикации на базарах и в книжных магазинах с одной целью — с целью заработка. Я хочу призвать писателей начать создавать народные произведения. Пусть они подражают этим русским писателям»²⁹.

Ас-Сейид сам старался следовать русским писателям. В «Предвестниках» он писал, что «подражал Л. Толстому и А. Чехову, потому что они брали материал для своих произведений из гущи жизни»³⁰. Исследователь жизни и творчества ас-Сейида Махмуд ал-Аба, ссылаясь на признание писателя в журнале «ал-Хадис», указывает, что рассказ «Переворот», помещенный в сборнике «Предвестники», иракский по своему характеру, написан в психологической манере русских реалистов. В нем изображена действительная картина семейной жизни в Багдаде³¹.

Переводы на арабский язык произведений Достоевского и Горького, выполнявшиеся с турецких изданий, публиковались ас-Сейидом и его друзьями чаще всего в халебском журнале «ал-Хадис». Из других периодических изданий, широко распространявшихся в Ираке в 1930-е годы, переводы произведений М. Горького помещал журнал «ал-Хасыд», принадлежавший новеллисту и переводчику Анвар Шаулю (1904-1984), которому, как единодушно считает арабская критика, иракская проза после ас-Сейида более всего обязана своим развитием. Один из друзей ал-Сейида – Абдалла Джаддауы (1905 -1980) – перевел на арабский язык и издал рассказ «Челкаш», принадлежавший, по его определению, перу «главы русских литераторов и вождя писателей реалистов мира»³² – М. Горькому. В 1930-е годы в Ираке вышла переведенная с английского языка на арабский Зу-н-Нуном Аййубом (1908-1988), ставшим впоследствии крупнейшим

---

²⁹ محمود العبطة , محمود احمد السيد (Махмуд ал- Абта , Махмуд Ахмед ас- Сейид ч. 1, Багдад, 1961, стр. 103 – 104.

³⁰ محمود احمد السيد, الطلائع (Махмуд Ахмед ас- Сейид, Предвестники), Багдад, 1929, стр. 68.

³¹ Махмуд ал- Абта, указ. Соч., стр. 108.

³² مكسيم غوركي, كريشكا چلكاشي (М. Гурки, Челкаш), Багдад, 1932.

прозаиком, повесть Горького «Мать». Современники, однако, нашли этот перевод неудачным, обнаружив в нем немало языковых погрешностей³³.

Комплекс социальных и экономических условий в Ираке 1920-30-х годов, о чем шла речь выше, обусловил повышенный интерес его интеллигенции к русской литературе. Иракские писатели искали и находили в ней те ее идеи и образы, которые, по их представлениям, отвечали насущным потребностям иракского общества. Так, на примере русской литературы иракские писатели учились психологически углубленному моделированию человеческого характера, обогащали новыми художественными приемами технику письма и, наконец, впервые в своей стране создавали образы рабочих, сознательных революционеров, вставших на путь борьбы за социальное и национальное освобождение. В борьбе за передовые гуманистические идеалы иракские писатели обращались к богатому духовному опыту русской литературы, учились тому активному отношению к жизни, которым пронизано творчество русских писателей.

Иракские писатели-реалисты всегда концентрировали свое внимание на конфликте человека и общественных условий. Поэтому интерес к творчеству Горького в Ираке не ослабевал, ссылки на произведения писателя, восторженные отзывы о нем часто встречаются в иракской беллетристике и литературной периодике. Так, автор исследования о возникновении и развитии прозы в Ираке Абдель Аллах Ахмед (عبد الله أحمد), говоря о влиянии на иракскую литературу русской литературы в период между мировыми войнами, распространявшей «революционно-социалистические идеи», выделяет Горького, который своими произведениями «о людях, отверженных обществом», воздействовал на

---

³³ См. عبد القادر حسن امين, القصة في العراق الحديث (Абдель Кадер Хасан Амин, Проза в новой иракской литературе), Багдад, 1955, стр. 31.

форму и содержание рассказа Абдель Маджида Лютфи (عبد المجيد 1908 - 1992) «Подонки», опубликованного в январе 1939 г. в журнале «ал- Маджалля»³⁴.

История иракской литературы – это история постоянного преодоления отживших архаических форм в поэтике произведений, сковывавшей религиозной догматики – в содержании. Понятно, что социально-экономическое отставание Ирака влекло и отставание его культуры от передовых тенденций внешнего мира.

Другая черта иракской (и в целом арабской) литературы, с опозданием перешедшая в неё из литературы мировой и сохранявшая актуальность до середины прошлого века, – прямолинейная публицистичность в ущерб художественности выражения. Происходило это, как справедливо утверждает Б. Чуков, потому, что «публицистический жанр литературы более всего отвечал требованиям текущего момента»³⁵.

По преимуществу, это была литература реалистическая, избегавшая модернистско-формалистических методов и стилей, т.к. иракским писателям приходилось учитывать мировосприятие своих читателей, не преодолевших в своем большинстве периода феодальной закрытости. И в течение всего этого переходного периода лучшие иракские писатели опирались на богатство духовного опыта, на давние традиции гуманистического мироощущения и активного отношения к жизни, которыми пронизано творчество русских писателей-реалистов.

1.2. Литература Египта.

Арабская литература на рубеже XIX-XX веков, как мы уже отмечали, проходила под знаком осмысления национального своеобразия. Различие

---

³⁴ См. عبد الاله احمد, نشأة القصة وتطورها في العراق (Абдель Иллах Ахмед, Возникновение и развитие прозы в Ираке, 1908 – 1939), Багдад, 1969, стр. 161.

³⁵ Чуков Б. В. Возникновение социальной утопии в иракской литературе // Народы Азии и Африки. - 1978. - № 6. - С.79.

национальных судеб накладывало свою печать на литературу каждой страны. В течение XIX в. Египет входил в состав Османской империи, но пользовался значительно большей свободой от нее, чем другие страны.

В начале XX в. выдвигается «трибун Египта» – Мустафа Камил (ум. в 1908 г.), основатель и наиболее яркий вождь «Национальной партии», I пламенные речи которого через 20 лет продолжит глава «Вафда» Са'д Заглул (ум. в 1927 г.). Одновременно с первым в более узкой сфере сосредоточивает свою интенсивную публицистическую пропаганду борец за освобождение женщины Касим Амин (قاسم أمين, 1865—1908). Его посмертно опубликованные афоризмы показали большой вкус и интерес к литературным вопросам, но у него, как у всех названных деятелей, общественные заслуги заслонили в глазах современников и потомства литературное значение. Несколько больше уделял внимания этой стороне поздний деятель младотурецкого движения Вали ад-дйн (ум. в 1921 г.), которому до конца дней не могли простить настойчивых попыток найти пути примирения между турками и арабами. Оставленные им потрясающие картины старой Турции и народного быта Египта поднимаются иногда до высокой степени литературности.

С начала 1880-х годов Египет был оккупирован Англией, объявившей над ним свой протекторат. Давление европейской культуры, иноземное господство во всех областях жизни было особенно ощутимым. Естественно возникло египетское национально-освободительное движение, направленное против англичан. Все это замедляло, но уже не могло остановить процесс европеизации культурной жизни Египта.

Своеобразным фактором явились систематические посылки молодых людей из Египта для образования во Францию. Сохранившиеся записки одного из них интересны не менее, чем записки молодых русских, отправленных для обучения Петром I; они живо рисуют, какими путями шло влияние Европы на арабскую литературу и в каких формах оно выражалось.

Наступила эра усиленных переводов и популяризации; на первых порах они захватывали область науки и техники, но иногда касались исторических и литературных явлений, обыкновенно французских, нередко еще XVIII в., как произведения Вольтера.

Быстрое развитие периодической печати, особенно в Египте, вызвало необходимость в более гибком публицистическом стиле. На помощь пришли сирийцы; условия турецкого режима на их родине, особенно с 1880-х годов, повлекли усиленную эмиграцию либерально настроенных элементов, прежде всего в Египет. Здесь ими были созданы наиболее популярные до наших дней во всем арабском мире и наиболее содержательные органы прессы, газеты и журналы. Около того же времени, сперва в Сирии, а затем и в Египте, возникают первые попытки исторического романа, ставящие преимущественно популяризаторские и дидактические цели. Они встречают очень большой успех; исторический роман оказывается первым жанром, созданным новой арабской литературой. Он становится наиболее излюбленным и, пожалуй, наиболее типичным для конца XIX-начала XX в. Слабые результаты, в противоположность этому, дают попытки создания другого нового жанра – драматической литературы. На сцене появляются только подражания ложноклассическим образцам французского театра и наивные переделки трагедий Шекспира или адаптации их, не отражающие ни арабской истории, ни арабской жизни, хотя и написанные иногда звучными стихами. Но даже не лишенные таланта опыты бытовой комедии, подражания итальянцам или Мольеру, не могли в XIX в. выйти на широкую сцену из-за использования разговорного языка, как считалось, недостойного театральных подмостков и вообще серьезного внимания. К началу XX в. все же некоторые сдвиги замечаются. Даже в особенно скованной традиции поэзии: она по-прежнему остается подражательной, но возрастает интерес к национальному литературному наследию, который заставляет подражать уже не иностранной литературе, как было в XVIII или в начале XIX в., а

неоклассикам периода расцвета багдадского халифата или даже классикам доисламской Аравии.

Таким образом, просветительские настроения западного толка, господствовавшие в литературе Египта, стали сочетаться со стремлением к восстановлению былого могущества арабов, с возрождением классического наследия. Это были равноправные составляющие борьбы с феодальной отсталостью. Руссоистские идеи, высказывавшиеся людьми просветительского толка, помогали формированию нового взгляда на общество, трансформировались в идеи внесловной ценности человека, в осознание зависимости личности от обстоятельств.

Важную роль в процессе выработки новой общественной позиции на первых порах играла не только и не столько литература, сколько слово публициста, прямое обращение к современнику. Так, в прессе затрагивались проблемы внутренней жизни арабских стран, выдвигались требования конституции, демократических свобод, женской эмансипации.

В Египте появились газеты, систематически выступавшие против британской оккупации и поддерживавшие панисламские тенденции. Большой популярностью пользовались просветительские журналы сирийских эмигрантов — («аль-Муктатаф» المقتطف) (Якуба Сарруфа يعقوب), («аль-Хиляль» الهلال) (Джирджи Зейдана جرجي زيدان), («аль-Джамиа» الجمعية «Содружество») (Фараха Антуна فرح أنطون) и др. Они не только публиковали статьи на социальные, научно-популярные и воспитательно-нравственные темы, но привлекали массового читателя печатанием романов с продолжением, с занимательным сюжетом. Более того, появляются первые женские журналы, выходят нашумевшие книги египтянина Касима Амина قاسم أمين (1865—1908) — «Освобождение женщины» и «Новая женщина». В них автор говорит об эмансипации мусульманской женщины на основе современного толкования Корана. Такая литература ставила перед

общественностью Египта те проблем, какие обсуждала и европейская литература.

Разработка просветительских тенденций в публицистике, как видим, не проходила бесследно для литературного движения. Выполнение воспитательной миссии литературы требовало сочетания в ней художественного и публицистического начал для усиления ее дидактического воздействия. Внимание к художественной стороне произведений диктовало обращение к различным типам творчества, по которым шло развитие прозаических и поэтических жанров. Хорошо известны имена поэтов, знакомивших своих читателей и с современной поэзией, и с европейской классикой. В качестве примера можно назвать сирийского эмигранта Халиля Мутрана (خليل مطران) (1872-1949), писавшего на исторические темы, напоминавшие европейские романтические баллады, знакомившего египетского читателя с произведениями Шекспира в собственных переводах.

В египетской прозе рубежа XIX-XX веков ведущую роль играл просветительский роман, различные варианты которого можно назвать и египетским, и сирийским. Первое, ориентированное на национальные традиции, создает роман в форме цикла макама³⁶ на современные темы; второе культивирует роман европейского типа — исторический, семейно-бытовой, назидательно-философский.

Попытка возрождения жанра макамы с современным содержанием, — пример соединения восточной и западной традиции в литературе Египта. Самый знаменитый из таких «романов-макам» — «Рассказ Исы ибн Хишама» (ч. I — 1898—1900; ч. II — 1902) Мухаммада аль-Мувайлихи المويليحي (1868—1930). В нем изображены злоключения некоего паши, который чудесным образом восстал из гроба и в сопровождении рассказчика

---

³⁶ Макама (арабск.- сеанс, собеседование) — жанр арабской литературы, плутовские повести в рифмованной прозе со стихотворными вставками, повествующие о приключениях талантливых и образованных мошенников.

путешествует по Каиру, знакомится с разными социальными слоями Египта, а во второй части отправляется на Всемирную выставку в Париж. Сатирический и одновременно назидательный характер «романа-макама» очевиден: Паша приходит к выводу, что Египет должен пойти по пути реформ и сохранить все лучшее из национальной жизни. «Рассказ Исы ибн Хишама», в основном сохраняющий традиционную для макамы рифмованную прозу и стилистический орнамент, считается классикой новоарабской литературы.

Аль-Мувайлихи и его последователи несколько модернизируют традиционный жанр макамы, сохраняя один из его основных художественных принципов — условность сюжета и способа изображения. Однако эти особенности мало соответствовали реалистической тенденции развития арабской прозы нового литературного периода. Поэтому более перспективными стали европейские традиции, осваиваемые романистами сирийской школы в хорошо знакомых египтянам произведениях.

Самым популярным писателем во всех читающих по-арабски странах считался Джирдж Зейдан (جرجي زيدان, 1861—1914), сохранивший свою популярность вплоть до дня смерти в 1914 г., до начала Первой мировой войны. Он оказался едва ли не первым арабским писателем XX века, ставший известным и европейской науке и литературе, главным образом благодаря отдельным переводам его исторических романов на европейские языки. Ливанец по происхождению, которому в старой Турции был воспрещен въезд на родину, он основал пользующийся известностью до наших дней журнал „ал-Хилал" („Полумесяц"), почти наполовину заполненный его собственными произведениями.

Крупнейший исторический романист, Джирджи Зейдан, автор серии романов о важных периодах в истории арабов вплоть до младотурецкой революции 1908 г. («Египтянка Арманосса», «Абу Муслим из Хорасана», «Аббаса, сестра ар-Рашида», «Беглый мамлюк» и др.), сделал

разрабатываемый им жанр популярным и перспективным. Зейдан вводит в исторический сюжет вымышленных героев и любовную интригу, увлекательно строит фабулу, переплетая события личной жизни героев с событиями историческими. Его романы содержат много исторических сведений, причем автор стремится к документальности и беспристрастной оценке событий.

В романах Д. Зейдана постоянно происходит борьба добра и зла: силы добра олицетворяют высокую нравственность, гуманизм, высокие общественные идеалы, разум и просвещенность; силы зла — аморальность, деспотизм, корыстолюбие, суеверие. Такое авторское задание ведет к поляризации героев, превращает их в носителей тех или иных нравственных принципов, что сообщает его романам отчетливый дидактический смысл.

Возможно, именно эти особенности творческого почерка Зейдана, ведущие к предельной выраженности авторской позиции, обеспечили популярность его произведений не только на Арабском Востоке, они переводились на хинди, персидский и азербайджанский языки. Простой язык, занимательные сюжеты, четкость авторских оценок отвечали времени просветительства, подсказывали читателю оценку современности.

Джирджй Зейдан обладал способностью передавать исторический колорит времени. Он впервые на арабском языке представил серьезную историю мусульманской цивилизации и историю арабской литературы. Наибольшую популярность ему принесли многочисленные исторические романы, главным образом на сюжеты из арабской древности. И эти, и другие его произведения были очень широко распространены не только в арабских странах, но и за пределами их, в частности и в России.

Умеренный либерал, человек с неоспоримыми общественными заслугами перед арабской читающей массой, Джирджй Зейдан был одним из последних представителей сирийцев-просветителей, обосновавшихся в Египте. В литературном отношении его стиль не ярок, часто дидактичен, но

благодаря простоте изложения и доступности высказываемых идей, произведения Зейдана, как и носивший отпечаток его личности журнал, читались очень охотно. Писатель здраво и точно наметил задачу своей жизни и с достоинством ее выполнил. Его происхождение из христианской среды вызывало иногда реакцию в мусульманско-консервативных кругах: не все среди них желали признать за арабом-христианином право затрагивать вопросы истории мусульманского мира. Все же эти голоса не нарушили общего признания.

Равных по популярности Зейдану исторических романистов в масштабе всех арабских стран не нашлось, но жанр все же продолжал развиваться. Так, к началу 1920-х годов, в Египте пользовался большим успехом Мустафа ал-Манфалутй (مصطفى المنفلوطي) (ум. в 1924 г.), даровитый публицист и общественный деятель. В своих многочисленных очерках и статьях он затрагивал самые разнообразные сюжеты жизни и литературы, литературной критики, политических и социальных вопросов с неизменно сентиментальной окраской своих этических требований. В том же стиле он усиленно перерабатывал близкие ему по духу произведения французской литературы поры сентиментализма и романтизма. Незнание языка заставляло его брать материал из вторых рук, но его стиль привлекал многих и был высоко оценен некоторыми учеными, которые видели в нем новатора в этой области. По существу стиль его не отличался психологической глубиной, иногда оставался поверхностным, что часто подчеркивали тонкие и требовательные модернисты, но своих целей Мустафа ал-Манфалутй достигал. Он обладал несомненным даром изложения и умел популяризировать свои идеи, выдерживая благородный тон, выражаясь четким и простым, всегда высоко литературным стилем. В своих взглядах он оказывался часто традиционалистом и не мог стать лидером молодого поколения на длительный срок. И все же его влияние на современную прозу в Египте и за пределами было значительным.

К жанру исторического романа вслед за Зейданом обратились его младшие современники, тоже ливанские эмигранты в Египте. Фарах Антун (... فرح أنطون 1874-1922), соединявший религиозные, нравственно-философские и марксистские идеи (Ж.Ренан, Л. Толстой, Маркс), предлагал своему читателю некую программу формирования «прогрессирующих личностей», которые, по его мнению, были необходимы стране на том этапе развития. Так, герой повести «Религия, наука и капитал» (1903) совершал путешествие по трем городам — городу религии, городу науки и городу капитала. Название произведения само характеризует его главные мысли.

Появление в арабской литературе прозы европейского типа способствовало развитию переводческой деятельности и восприятию переводных произведений. Эти переводы помогали глубже понять новые явления, возникавшие в самой арабской литературе. На рубеже веков к переводам из английских и французских писателей добавились переводы из русской литературы, которые осуществляли выпускники школ Палестинского общества. Сам выбор произведений для перевода также отражал интересы и вкусы эпохи. Как и ранее, популярны были европейские исторические романы (в том числе и «Князь Серебряный» А. К. Толстого), а также произведения назидательного характера, в частности философские произведения Л. Толстого («Крейцера соната», «Воскресение», «Народные рассказы» и др.).

Чрезвычайную популярность на рубеже веков приобрели сентиментально-романтические повести и романы, особенно те, в которых при переводе сентиментальное начало легко можно было усилить и добавить к нему какое-либо поучение. Эти приемы в литературной обработке переводных романов связаны с формированием в литературе Египта сентиментализма. Его широкое использование в европеизированном сирийском романе ускоряло и упрощало процесс знакомства с европейской литературой арабского читателя.

С тех же 1920-х годов широкой популярностью некоторое время пользовалась Мейй (Марйам Зийаде *مريم زيدان*), дочь сирийского журналиста, большую часть жизни проведшая, как и ее отец, в Египте. Тенденции Мелек Хифнй Насиф (*مالك حفني ناصيف*), достойной продолжательницы Касима Амйна, «борца за свободу женщины», она перенесла в литературную область, значительно расширив диапазон своих предшественниц, в чем ей помогало хорошее знание европейских языков и литературы. В многочисленных очерках, выходявших отдельными книжками, она касалась разных вопросов жизни, социальных отношений, литературы, не забывая и женского вопроса, но и не выдвигая его на первый план. Типичным для нее было умение органически сочетать лирику и лирические настроения с публицистикой и литературной критикой. Стиль ее в целом был прост, иногда она переходила к лирическому жанру «стихотворений в прозе». Произведения Мейй читали с увлечением: многим импонировало, что это была первая женщина, равноправно вошедшая в круг литераторов, имевшая свой «салон». Но постепенно интерес к ее деятельности стал остывать, в стиле почувствовались однообразие и отсутствие глубины, что не преминула подчеркнуть критика. Позже долголетняя нервная болезнь заставила ее сойти со сцены. Когда она вернулась к литературной и общественной деятельности, наступили уже другие времена, и отклика в молодом поколении ее произведения не нашли.

В результате нельзя не признать, что Египет, а с ним и арабский мир в целом встретил XX век со значительными достижениями в области литературы. Благодаря широко развитой периодической прессе сложился литературный, хорошо обработанный язык, способный передавать все понятия новой современной культуры и мысли. Публицистический стиль часто достигал большой высоты, как бы давая предчувствовать богатое разнообразие его в XX в. Политическая и общественная деятельность выдвинула ряд крупных фигур, которые в своих политических статьях и

речах демонстрировали и высокий литературный стиль, и внимание к художественному творчеству.

1.3. Литература Сирии и Ливана.

На рубеже XIX и XX веков литературная жизнь Сирии и Ливана проходила почти исключительно в эмиграции. Тяжкие условия турецкого режима, всевозможные ограничения и преследования, суровая цензура – все это заставляло представителей либерально настроенной интеллигенции Сирии и Ливана, особенно из числа христиан, покидать родину. Поток сиро-ливанских эмигрантов в Северную и Южную Америку особенно усилился в 90-х годах XIX века: туда устремляются крестьяне, ремесленники, мелкая и средняя буржуазия, представители интеллигенции. Все крупнейшие сирийские литераторы в начале XX века жили в Египте или США.

Целиком к XIX в. относится ливанец Адйб Исхак (أديب أسحاق) (ум. в 1885 г.), впитавший жар и огонь французской публицистики; на почве традиции по стилю остается его земляк ал-Кавакибй (الكواكبي) (ум. в 1903 г.), с большой остротой и резкостью ставящий принципиальные вопросы политического бытия арабских стран в самую глухую пору жизни страны. Одновременно с ними в Египте один из деятелей известного движения начала 80-х годов, Абдаллах Недйм (عبد الله نديم) (ум. в 1896 г.), применяет в своих статьях и памфлетах всю тонкость присущего египтянам юмора, а иногда и жестокого сарказма, пользуясь нередко разговорным диалектом.

В США – центре эмиграции – складывается так называемая сиро-американская литературная школа или «Ассоциация пера», достаточно своеобразная, но оказавшая немалое воздействие на дальнейшее развитие литературы на Арабском Востоке. Особенности литературных произведений сиро-американской школы подробно рассматривают в своих работах российские исследователи А.Н. Имангулеева («Ассоциация пера», «Корифеи

новоарабской литературы: к проблеме взаимосвязи литератур Востока и Запада начала XX века», 1991 г.), А.А.Долинина («Очерки истории арабской литературы нового времени», 1968 г.) В.С.Замэнягрэ (статьи «Сиро-американская школа и новые тенденции в арабской литературе», «Компаративный анализ литературного процесса в арабских странах и в Украине», 2012 г.).

Важнейшими представителями этой школы, как отмечает В.С.Замэнягрэ, были Джебран Халиль Джебран, Амин ар-Рейхани, Михаил Нуайме. Именно они стали первооткрывателями новых жанров в арабской литературе, таких как бытовая повесть, роман («Сломанные крылья» Джебрана, «Вне стен гарема» и «Лилия дна» Рейхани), стихотворения в прозе. Своеобразие этой школы состояло в том, что представители ее, не порывая, как большинство эмигрантов, живой связи с Ливаном и Сирией, в то же время гораздо теснее соприкасались с культурой Запада и отдавали гораздо меньше дани старым арабским литературным традициям, иногда вообще их отвергая. Столкнувшись с западной культурой, традициями и обычаями, представители сиро-американской школы не принимали буржуазного мира, хотя в своих произведениях они старались отобразить всю жестокость и несправедливость восточных законов и правил. Так, в повестях «Сломанные крылья» Джебрана Халиля Джебрана и «Вне стен гарема» Амина ар-Рейхани (أمين الريحاني) звучат ноты протеста против религиозного лицемерия и власти клерикалов и против приниженного положения восточной женщины, не имеющей права самостоятельно решать свою судьбу.

К середине 1890-х годов ситуация с распространением произведений русской литературы значительно меняется, правда, сначала только в Палестине и тесно связанной с ней Сирии. Эти перемены были связаны, в первую очередь, с деятельностью открытых во второй половине 1880-х годов в Палестине и Сирии школ Палестинского общества, где преподавание

русского языка было обязательным³⁷. Конечно, многие воспитанники по окончании школ русский язык забывали, не находя ему применения на родине. Однако лучшие попадали в открытые вскоре учительские семинарии – мужскую в Назарете (1886) и женскую в Бейт Джа'ле около Вифлеема (1890), сами становились учителями, а иногда завершали свое образование в России. Благодаря этому обстоятельству в Сирии и Палестине появились первые переводчики, знакомые с русским языком и русской культурой.

Но даже учитывая эти обстоятельства, нельзя говорить о планомерном, осознанном знакомстве с русской литературой. Выбор произведений для перевода часто носил случайный характер, не всегда свидетельствовал о глубоком литературном вкусе и о профессионализме переводчиков. Но все же деятельность этих энтузиастов была полезной, они знакомили арабов, пусть и выборочно, с большим количеством произведений русских авторов.

Одновременно с этим на рубеже XIX-XX веков увеличивалось число молодых людей из Сирии и Палестины, приезжавших в Россию получать высшее, а иногда и среднее образование. Попадали они не всегда в такие крупные центры, как Петербург или Москва, а часто оказывались и в провинциальных городах. Однако здесь они ближе знакомились с особенностями русской жизни, лучше понимали русскую литературу и по возвращении на родину обнаруживали уже более глубокое знакомство с русской литературой, в первую очередь, конечно, с классической.

Первые выпуски Назаретской семинарии еще в 1890-е годы выдвинули несколько серьезных переводчиков. Два наиболее деятельных из них – Селйм Коб'ейн (سلیم قبعین) и Халйл Бейдас (خليل بيداس) – никогда не бывали в России, хотя русский язык стал для них практически родным. Оба

---

³⁷Точные хронологические данные см.: Д. В. Семенов. Русское Палестинское общество и его деятельность до войны 1914 года. // Новый Восток, – 1925. – № 8—9. С. 210-214.

они почти всю свою жизнь соединяли педагогическую работу с журналистикой. В первую очередь им арабы обязаны главными переводами русских произведений, сделанных с языка оригинала, опубликованных до первой революции 1905 г. Так, Бейдас перевел «Капитанскую дочку» А.С.Пушкина, «Тараса Бульбу» Н.В.Гоголя, «Князя Серебряного» А.К.Толстого. Привлекали арабов в эту эпоху и произведения исторического жанра, адресованные массовой аудитории. Так, Коб'ейн в те годы перевел роман русско-украинского писателя Г.П.Данилевского (1829-1890) «На Индию при Петре» (1880), но в дальнейшем он сосредоточился на переводах произведений Льва Толстого.

Рост связей с русской культурой естественно активизировал процесс изучения арабской литературы в России. Возникла школа русской арабистики, главой которой по праву считается член Российской Академии наук и один из создателей школы советской арабистики Игнатий Юлианович Крачковский (1883-1951). Его работы по новоарабской литературе и истории арабской культуры конца XIX -начала XX века стали основанием современной арабистики в России, до сих пор не утратили своего научного значения, активно используются как в России, так и в европейских и арабских странах.

И. Ю. Крачковский первым отметил близость взглядов Горького таким авторам, как Михаил Нуайме (ميخائيل نعيمة) (он учился в России)³⁸, Ибрахим Джабир (ابراهيم جابر), Мухаммед и Махмуд Теймуры (محمد ومحمود تيموري)

---

³⁸ Патриарх ливанской литературы Михаил ибн Юсуф Нуайме родился 22 ноября 1889 г. в маленькой горной деревушке Бискинта, в пяти километрах от Бейрута. Мальчик получил образование в одной из школ Русского православного палестинского общества, а затем в Полтавской духовной семинарии в России. В 1911 г., получив диплом, М.Нуайме возвращается на родину. После окончания университета в 1916 г. он пробует писать пьесу "Отцы и дети", а в журнале "Аль-Фунун" публикует статьи и рецензии. Он много читает: Горький, Тургенев, Чехов... В 1919 г. в Нью-Йорке он принял участие в создании "Ассоциации пера", становится заместителем председателя Ассоциации (председателем был Джебран Халиль Джебран).

(ابراهيم الـمصري), Махмуд Тахир Лашин (محمود طاهر لاشين), Ибрахим аль-Мысри (تيمور). Это было первое поколение арабских «учеников» Горького.

Михаил Нуайме вспоминал о своем увлечении русской литературой: «Благодаря всему этому у меня открылись глаза на многое, что прежде было закрыто для меня. Первое, что я узнал и понял, - это святость человеческой личности. Я глубоко ощутил, как прекрасны справедливость и свобода и как гнусны угнетение и рабство»³⁹. О своей жизни в России М.Нуайме хорошо сказал в книге воспоминаний «Мои семьдесят лет», подчеркивая, что Полтава стала «доброй станцией на пути в этом мире»⁴⁰.

Нуайме в своих рассказах о бедняках осознанно опирался на прозу русского писателя⁴¹. Особое место в творчестве Михаила Нуайме занимают короткие рассказы, объединенные в три сборника "Было ли - не было" (1937), "Высшие" (1956), "Абу Батта" (1959). Язык его новелл прост и понятен широким кругам читателей. О самых сложных вещах писатель всегда говорит доступно, но без упрощений. При этом он часто обращается к диалектизмам, и, тем не менее, даже в устах деревенских жителей литературный язык, нормы которого строго соблюдает Нуайме, звучит естественно. Рассказ «Абу Батта» напоминает о «физиологическом очерке», который был популярен в России и в Европе в XIX веке. С Горьким его роднит интерес к быту, основанному на глубоких традициях. Детальное описание порта, жизни грузчиков подчеркивает ужасные экономические условия семьи грузчика Абу Батты, который хромал на левую ногу, так как в детстве его укусил скорпион. Нуайме рассказывает о последних днях старого грузчика, который попробовал нести бочку весом больше ста килограммов.

---

³⁹ Крачковский И.Ю. Избр.соч., М.-Л., 1956, т.3, с.224-225.

⁴⁰ Нуайме М. Мои семьдесят лет. М., 1980.-- С.6.

⁴¹ См.: Чуков Б.В. Стань с веком наравне. История арабской литературы в Ираке // Сердце женщины. Повести и рассказы современных арабских писателей. Пер. с араб. М.: АН СССР, 1988.– С.325.

Он упал, а хозяин бочки волновался, не разбилась ли бочка. Смерть старого грузчика не интересовала никого⁴². В рассказе «Курица» с документальной точностью описана жизнь старой вдовы М'якоб. Соседи не любят старуху: за 90 лет она всем надоела. Ее единственная радость – курица Синюра, которая несет десять яиц, если ее хорошо кормить. Но однажды курица исчезла. Старая Ум М'якоб побежала к соседке и стала подозревать ту в краже. В ссоре женщины бьют друг друга, и вскоре М'якоб умирает. А курица вернулась с десятком цыплят! Горькая ирония звучит в финале рассказа, словно автор идет за гробом героини и думает о суете сует.

В сборнике рассказов «Ливанские новеллы» Нуайме критиковал пережитки прошлого. Он ругал богатых людей за жадность и глупость, осуждал мужчин за неправильное отношение к женщине. В рассказе «Бесплатный мед» девушка Хайзиран «не помнит ни одного дня за все четырнадцать лет своей жизни без попреков и побоев»⁴³. Она умерла от укусов пчел, когда хотела взять мед для больного брата. В рассказе «Тетушка Марша» героиня тоже не знает счастья: ей уже 50 лет, а детей не было и не ожидается. Однажды она осталась нянчить чужого ребенка. Когда тот заплакал, Марша дала ему свою высохшую грудь, и ребенок начал сосать ее. Старая женщина словно стала молодой. Она когда-то мечтала о ребенке, и вот он – рядом! Однако иллюзия счастья – это сон, который быстро проходит. Вскоре ребенок умер, а Марша, как и прежде, одиноко сидела у хижины, вспоминая жизнь, полную обид и унижений⁴⁴.

Подобные реалистические и в то же время обобщенные фольклорно-мифологические персонажи, по признанию самого автора, были навеяны чтением русских писателей – Гоголя, Горького, Чехова.

---

⁴² Нуайме М. Ливанские новеллы.– М.: АН СССР, 1959.– С.14-25.

⁴³ Там же.- С. 27.

⁴⁴ См.: А.Н.Имангулиева. «Ассоциация пера» и Михаил Нуайме., М., 1975.

Иногда, изображая тяжелую жизнь крестьян и рабочих, Нуайме использует сатирические интонации не только по отношению к персонажам из высшего общества, но и по отношению к беднякам, как в рассказе «Ослиный хвост».

Проза Нуайме основана на хорошем знании арабской культуры, жизни бедуинов и жителей маленьких городков. В его новеллах воссоздается быт крестьян, детали провинциальной жизни. На формирование Нуайме-новеллиста большое влияние оказала русская литература. У русских классиков Нуайме учился мастерству рассказа. Середина XX века для арабской литературы стала временем борьбы реализма и модернизма, большинство авторов стали сторонниками Горького и Чехова, а не Дж.Джойса и М.Пруста.

Таким образом, можно отметить, что писатели сиро-американской школы с присущим им интересом к национальному прошлому, традициям и культуре своего народа вместе с тем разработали новые для арабской литературы жанры (стихотворения в прозе, эссе). Именно представители сиро-американской школы затронули такие актуальные для арабского общества темы, как положение женщины, восстали против закоренелых арабских традиций, оказали значительное влияние на дальнейшее развитие арабской литературы. Сиро-американский литературный кружок вовлек ливанских писателей в процесс оживления арабского общества и литературы, в формирование новой литературы Сирии и Ливана. Писатели этого кружка повлияли на формирование картины мира ливанцев, войдя в ряды арабских классиков.

***

Подводя итог, можно сказать, что развитие литературы на Арабском Востоке в XX веке находилось в теснейшей взаимосвязи с историко-политическим положением в его странах, в произведениях литературы нашла

свое отражение борьба арабского народа за свою независимость. Комплекс социальных и экономических условий в странах Ближнего Востока был в некоторой степени схож с теми условиями, которые существовали в России на рубеже XIX-XX веков, что обусловило повышенный интерес арабов именно к русской литературе.

Две мировые войны провели резкие хронологические границы между разными периодами развития литературы. Первая мировая война активизировала национально-освободительное движение, после второй мировой войны уже надо говорить о начале современной истории и современной литературы.

Интерес к арабским странам неуклонно повышался еще со времени первой мировой войны. Чувствовалось, что они опять начинают играть главную роль во всей экономике и культуре Средиземноморского бассейна, а с ними самых разнообразных стран Востока и Запада. Вторая мировая война в некоторые моменты концентрировала на них всеобщее внимание: события в северной Африке, превращение Египта в важный очаг мировой политики, длительный кризис в Палестине, настойчивые попытки большинства арабских стран к созданию „арабского единства" говорят, что и в послевоенный период эти страны сохраняют значение важного фактора мировой истории.

Во главе литературного развития арабских стран стоит Египет. По силе и глубине воздействия на читающие массы своей страны к нему примыкают Ливан и Сирия, часто сохраняющие индивидуальность в отдельных представителях. Однако роль, которую почти в течение двух десятилетий в начале века играли в литературе арабские писатели в Америке, теперь уже сыграна. Основные деятели частью сошли со сцены, частью вернулись на родину. В Америке выросло новое поколение арабских эмигрантов, иногда уже не выдавшее земли своих отцов. Литературу они продолжают культивировать, но она все более замыкается в частных, как бы провинциальных интересах.

Палестина в культурном отношении, как всегда, близко связана с Сирией. Условия ее развития за последние тридцать лет мало способствовали выдвижению крупных фигур литературы в общеарабском масштабе. Новым фактором со времени первой мировой войны начинает выступать Ирак. Известный до этого только в узких кругах благодаря некоторым представителям поэзии, теперь, при усилившейся культурной связи с Сирией, а особенно с Египтом, он с успехом стремится подражать своим старшим собратьям, быстро усваивая новые течения. Слабость собственной типографской базы и издательских возможностей редко дает ему силу вынести свою литературу в другие арабские страны или конкурировать с ними, например, в области периодической прессы.

Значительно более слабые проблески интереса к новой литературе до сих пор заметны в таких странах, как Тунис, с одной стороны, Саудовская Аравия — центральная Аравия — с другой. В первом до войны культивировалась почти исключительно поэзия, в которой чаще всего сказывалось влияние Египта, но иногда находили отражение даже такие ультрамодернистские тенденции, как у отдельных арабских писателей в Америке. Новые явления Хиджаза стимулируются тоже, по-видимому, Египтом; судить о них мы можем преимущественно по изданным в Египте антологиям. Собственная печатная продукция Саудийи, начиная с мекканской официозной газеты „Умм ал-кура“ („Мать городов“ — Мекка), обыкновенно не возвышается над уровнем средневековья. То же, но в еще большей степени надо сказать о Йемене или Марокко, которые никакого влияния на общее движение современной литературы не оказывают и сами до сих пор сравнительно редко являются потребителями того, что в новом стиле создается в других арабских странах.

1.4. История ознакомления арабов с русской литературой, первые переводы на арабский язык произведений русских писателей

В наши дни вопрос о взаимосвязях литератур приобретает особое значение, поскольку свидетельствует о новом этапе развития мировой литературы. В нашей работе мы остановимся на влиянии русской классической литературы на художественную прозу стран арабского Востока. Арабские писатели, как показали и русские, и западные, и арабские исследователи, с огромным уважением относились к русским художникам слова, в частности, к Л. Толстому, Ф. Достоевскому и, конечно, к М. Горькому⁴⁵.

Историю ознакомления арабов с русской литературой в целом ряде работ подробно описал советский арабист, член Российской Академии наук и один из создателей школы советской арабистики Игнатий Юлианович Крачковский (1883-1951). Его работы по новоарабской литературе и истории арабской культуры конца XIX - начала XX века стали основанием современной арабистики в России, до сих пор не утратили своего научного значения, активно используются как в России, так и в европейских и арабских странах.

Как уже было отмечено, в связи с причинами социально-политического и исторического характера арабская художественная проза несколько отставала от основных тенденций мировой художественной культуры. Условия исторического развития арабских стран складывались так, что господствующим оказалось влияние французской культуры. Уже в первом десятилетии XIX века в Египте начали переводить французские работы по науке и технике. Художественная литература прокладывала себе

---

⁴⁵ См.: Крачковский И.Ю. Новоарабская литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 3. М.- Л.: АН СССР, 1956; Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973; Куделин А.Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи / А. Б. Куделин ; Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. - Москва : Языки славянской культуры, 2003. - 511 с. - (Studia Philologica); Грюнебаум Г. Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры : Ст. разных лет. - М. : Наука, 1981. - 227 с.; Тарвердова Е.А. Арабские просветители – предшественники революционной демократии // Народы Азии и Африки.– 1980.– № 6; Аль-Фахури Х. История арабской литературы / Пер. с арабск. Т. 1-2. М., 1959-1961.

путь медленнее. Значительно слабее проникала в переводах английская литература, и только в виде исключения знакомились арабы с отдельными итальянскими и русскими произведениями, еще реже – с немецкими.

Конечно, нельзя сказать, что арабы ничего не знали о России до начала XX века. Жители Сирии, Ливана и Палестины, по наблюдениям исследователей-арабистов, первые и отрывочные сведения о России могли получить еще в эпоху царя Алексея Михайловича или украинского гетмана Мазепы в ряду информации о других европейских государствах. Так, в Египте еще в середине XIX в. перевели историко-философские сочинения Вольтера «История Карла XII» (1731) и «Историю Русской Империи при Петре Великом» (1759-63)⁴⁶, содержащие информацию о России. В Сирии в 1887—1888 годах появилась четырехтомная история России.⁴⁷ Однако данные работы основывались на западных источниках, были посвящены изучению русской истории и ее выдающихся деятелей и не давали возможности прочувствовать особенности русской жизни. Понятно, что при таких условиях никакого серьезного знакомства с русской литературой нельзя было ожидать.

Однако ситуация менялась, пусть и медленно. Так, 1860-е годы почти одновременно появились два перевода избранных басен Крылова на арабский язык. Один из них даже отличался несомненными литературными достоинствами. Однако они были напечатаны в Петербурге (1863) и Лондоне (1867), принадлежали перу эмигрантов, волей судьбы заброшенных в Россию и Англию, так что читателям в арабских странах были не известны.

---

⁴⁶ Сведения об этом см.: Н. Peres. стр. 383, № 348; J. S ark is. Dictionnaire encyclopedique de bibliographie arabe. Le Caire, 1925—1930, стр. 1696: وقائع كارلوس الثاني مطالع شمس السير في الروض الازهر في تاريخ عشر ترجمة محمد مصطفى بطرس الاكبر امبراطور موسفو ترجمة احمد عبيد الطهطاوي (Изд. Булак, Каир, стр.1257); там же, стр. 1247

⁴⁷ Крачковский И. Ю. Новая арабская работа по русской литературе // Избр. Соч., том III, АН СССР. Москва. Ленинград. 1956. С 272.

Достаточно сказать, что единственная в XIX веке арабская энциклопедия, которая отражала уровень знаний о русской литературе на тот период, стала выходить в Бейруте позже появления указанных арабских переводов, в 1880-е годы. В ней были довольно скудные сведения о русской литературе, например, отсутствовала статья о Пушкине, о целом ряде других писателей или поэтов. Отдел о русской литературе базируется в ней, скорее всего, на английских источниках. Доказательством этого обстоятельства, пусть и косвенным, может служить то, что, помимо перечисления имен и произведений И.Тургенева, А.Гончарова, Ф.Достоевского, Л.Толстого, статья называет произведения, которые были известны западному читателю, но в самой России в справочниках и хрестоматиях отражения не находили, например, имена и произведения Н.Чернышевского и А.Герцена.

Русско-японская война и революционные предчувствия обращают внимание всего Востока к России. «Комплекс социальных и экономических условий в Ираке 20-30-х годов, сходных с теми, которые существовали в России конца XIX – начала XX вв., – интенсивное развитие капитализма и приближение конца абсолютизма – обусловил повышенный интерес в Ираке к русской литературе», – писал советский исследователь арабской литературы Б.Чуков в работе «Иракская художественная проза и русская литература»⁴⁸.

Однако интерес к России в начале XX века, вызванный политическими причинами, не был массовым и глубоким. Первая мировая война и последовавшие за ней события внесли большой пробел в сведения о переводах Горького на арабский язык. Непосредственные отношения с арабскими странами сильно затруднились. Начало 1920-х годов обнаруживает в арабских странах несомненное снижение печатной продукции вообще. Сирия, Ливан и Палестина, главным образом

---

⁴⁸ Народы Азии и Африки. - 1975. - № 6. - С. 101.

поставлявшие переводчиков с русского, с трудом и медленно залечивали послевоенные раны. Ряд прежних деятелей за эти годы сошел со сцены; рост национального движения и революционные вспышки отвлекли внимание многих. В официальных кругах знакомство с русским языком вызывало иногда подозрение.

Русские арабисты увидели особенность этого периода в понижении интереса в оригинальной арабской литературе к русским переводам, хотя и отмечали появление нескольких произведений с «русским» сюжетом, но в совершенно экзотической обработке, не дающей никакого реального представления о жизни в России ни в прошлом, ни в настоящем. Так, только в 1907 г. появились первые произведения Горького на арабском языке, через 15 лет после начала его литературной деятельности и почти через 10 лет после выхода в свет первых сборников рассказов на его родине.

О характере той эпохи хорошо писал известный египетский писатель и критик Яхья Хакки: «Когда решили приступить к изданию газеты “Аль-Фаджр”, они (журналисты. – М.К.Х.) повторяли такие имена, как Гюго, Достоевский, Мопассан, Чехов, Бальзак... Вокруг этих писателей разгорались споры. Однажды дело чуть не дошло даже до драки — кто-то сказал, что Горький менее народный писатель, чем Бальзак»⁴⁹.

Повышенный интерес к России, не только к классической, но и к литературе XX века был еще впереди.

В первой трети XX века были предприняты многочисленные переводы и попытки переделок произведений русских писателей, вызывавшие немедленный отклик аудитории. Об отдельных переводах русских писателей этого времени, издававшиеся в арабских странах, можно было говорить лишь как о переделках, так как переводы в подавляющем

---

⁴⁹ Хакки Яхья. Заря египетского рассказа [на араб. яз.] - Каир, 1975. С. 78. (Перевод автора диссертации).

большинстве были полны погрешностей и просчетов самого различного свойства. Это могло объясняться разными причинами: низкой квалификацией переводчиков, их желанием приблизить текст к своему читателю. Переводчики нередко опускали значительные фрагменты, и многое добавляли от себя. В результате нередко изменялась основная идея произведения, исчезало художественное своеобразие произведений. Однако со временем ситуация менялась, появлялись работы, посвященные творчеству русских писателей, качественные переводы. Это сыграло заметную роль в развитии литературы стран Ближнего Востока.

В борьбе за передовые гуманистические идеалы иракские писатели обращались к богатому духовному опыту русской литературы, учились тому активному отношению к жизни, которым пронизано творчество русских писателей.

Тема «Русско-арабские литературные связи» представляет интерес не только для арабской, но для российской науки. Она разрабатывалась в связи с исключительными событиями в русской истории и культуре. Так, в 1910 году, в связи со смертью Льва Толстого, в «Вестнике иностранной литературы» была напечатана небольшая анонимная справка «Русские писатели в арабской литературе»⁵⁰. По сути дела это была одна из первых попыток представить картину распространения русской литературы не на Запад, а на Восток. С той поры работа в этом направлении по существу не прерывалась, хотя и находила отражение лишь в небольших заметках, отдельных упоминаниях.

Большой вклад, как мы отметили выше, в характеристику арабской переводной литературы внес И.Ю.Крачковский. В одной из работ он отметил растущий интерес арабских исследователей к проблемам арабско-

---

⁵⁰ Вестник иностранной литературы.– 1910. – III, декабрь.– С.39-41.

русских литературных связей⁵¹. Он особо указал на важность такого обращения, ведь без привлечения арабских источников было бы невозможным серьезное изучение новой арабской литературы. В пример И.Ю.Крачковский привел библиографическую работу, осуществленную хранителем Национальной библиотеки в Бейруте Иисуфом Асада Дагером (1860 – 1935)⁵². Он много лет работал над фундаментальным изданием, «Библиографическим корпусом новой арабской литературы». Всего им было зафиксировано 125 названий, однако это число приблизительное.

Библиографическая работа Дагера важна, прежде всего, в фактическом отношении: она сообщала целый ряд сведений, которые были недоступны русским исследователям и при других условиях, вероятно, так и остались бы неизвестными. Опыт Дагера показал, что в арабских странах лишь постепенно осознавалась необходимость систематической работы над составлением библиографии новой переводной литературы, потребность не только в общих замечаниях о воздействии русской литературы на литературу арабских стран, о важности эстетических оценок отдельных явлений, но и в создании источниковедческой и теоретической базы для дальнейших исследований. Только она позволила перейти к дальнейшим стадиям литературоведческой работы в достаточно сложной области арабско-русских литературных связей.

---

⁵¹ И. Ю. Крачковский. Новая арабская работа по русской литературе // Избр. соч. Т. III. М.-Л.: АН СССР, 1956. – С 326 – 332.

⁵² Иисуф Асад Дагер: ливанский переводчик (1860 – 1935), опубликовал научные и социальные статьи в «Аль-Хилаль» и «Аль-Муктадаф» газетах.

Глава вторая. Творчество М.Горького в общественном и художественном восприятии XX столетия

2.1. Эстетические и социально-политические векторы прочтения произведений М. Горького в динамике общественного развития России

М. Горькому (1868–1936), выдающемуся русскому писателю, по праву занимающему видное место в мировой истории в качестве одной из «ключевых фигур» литературного процесса первой трети XX века, посвящены многочисленные статьи и книги, вышедшие в России и за ее границами. Однако, на наш взгляд, явно не случайно в научно-критических работах последних десятилетий продолжают использоваться такие показательные «маркеры» восприятия жизни и творчества писателя, как многолетняя «загадка» (С. Сухих), «загадочный человек» (Г. Хьетсо), «тайна» (В. Баранов), «миф» (Е. Конюшенко, А. Удодов) и т.п.

Современный норвежский исследователь пишет: «Горький переведен на сотню языков. О нем написано больше, чем о каком-либо другом писателе нашего столетия. И все-таки много еще остается недосказанным. Горький –

один из тех русских писателей, о которых исследователи в свете событий последних лет начинают писать заново»⁵³.

«Споры о Горьком» не прекращаются. Продолжают выходить новые статьи и книги, позволяющие существенно скорректировать прежние представления об одном из интереснейших деятелей русской литературы и культуры, нередко сознательно искаженные в угоду политической конъюнктуры и «догматических предрассудков» (В. А. Келдыш).

Обнародованы новые документальные свидетельства, высвечивающие интересные факты жизни и творчества писателя. Преподавателям и переводчикам, живущим на арабском Востоке, например, интересно было узнать, что, вернувшись из Италии в Россию, М. Горький в 1928 г. пытался вести себя почти как герой из любимых им сказок «Тысяча и одна ночь», переодеваясь в неприметную одежду и гримируясь, чтобы, «заглядывать в чайные», разговаривать с людьми простого звания на улицах Москвы, оставаясь неузнанным⁵⁴.

Замалчивание одних и чрезмерное акцентирование других обстоятельств жизни и творчества писателя, противоречивость интерпретаций его произведений в динамике десятилетий, по точному замечанию одного из исследователей, обусловлена переменчивыми векторами ценностных парадигм, «величиной амплитуды противоречивых оценок на протяжении большого исторического времени»⁵⁵.

Очевидно, что «всероссийский разговор» о ставшем «европейски знаменитом» (В. И. Ленин) уроженце Нижнего Новгорода и его творчестве уже на рубеже XIX–XX веков происходил под воздействием различных факторов.

---

⁵³. Хьетсо Г. Максим Горький: Судьба писателя. – М.: Наследие, 1997. – С. 4-5.

⁵⁴. См.: Баранов В. Горький без грима. Тайна смерти. – М.: Аграф, 1996. – С. 102.

⁵⁵. Удодов А. Творческое наследие М. Горького в процессах социально-эстетического функционирования: взгляд из XXI столетия / А. Б. Удодов // Известия Воронежского педагогического университета. – 2013. – №1 (260). – С. 189.

В эти годы творчество М. Горького повсеместно воспринималось в свете его громкой литературной славы, набравшей все больший резонанс. Имя «писателя-самородка» начинают включать в один ряд с авторитетнейшими именами «живых классиков» – А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко. Как пишет критик и публицист Д. Быков, «90-е годы XIX столетия и первая половина девятисотых прошли в России под знаком Горького – с этим не станут спорить и его ненавистники. Такой прижизненной славы не знали даже Пушкин и Толстой»⁵⁶.

Однако исключительная популярность писателя, почти «единодушное признание его таланта» нередко сопровождалось поверхностным, упрощенным прочтением горьковских произведений: «Нижегородский мещанин Пешков, цеховой малярного цеха, заговорил в журналах «как власть имеющий», заговорил с художественной увлекательностью, раскрывая со страшною откровенностью скандальную сторону нашей общественности <...> Можете себе представить, какой – после некоторого оцепенения – неопикуемый скандал почувствовался в нашем благополучном обществе, в нашей выметенной и прибранной литературе! Уже одного этого скандала было бы достаточно для самой оглушительной славы»⁵⁷.

Как видим, о М. Горьком могли писать и в достаточно развязной манере, используя речевые обороты, больше подходящие для газетного репортажа «с места событий», чтобы «любой ценой» привлечь внимание читателя к изданию, предоставившему страницы для подобных статей.

Чем чаще упоминалось имя писателя на театральных афишах, на страницах газет и журналов, тем активнее происходило «растаскивание» его художественных текстов на расхожие фразы, «афоризмы», удобные для использования в сфере массовой культуры (в том числе с коммерческими

---

⁵⁶. Быков Д.Л. Был ли Горький?: [биограф. очерк] / Д.Быков – М.: АСТ: Астрель, 2008. – С. 92.

⁵⁷. Меньшиков М. Красивый цинизм // Книжки «Недели». – 1900. – №9. – С. 171.

целями). Как известно, кондитерские фабрики в дореволюционной России выпускали свою продукцию с портретами Максима Горького и цитатами из его сочинений.

Подобный, так сказать, «рекламно-лубочный» вектор восприятия личности и творчества «гения, заговорившего о чаяниях народной жизни», был, кстати сказать, не нов: в подобных же «проектах» использовались портреты и цитаты выдающихся русских прозаиков и поэтов (Н. В. Гоголя, А. В. Кольцова, Л. Н. Толстого и др.).

По свидетельству В. Ходасевича, М. Горький «не раз вспоминал, как уже в начале девятисотых годов, в эпоху первоначальной, нежданной славы, какой-то мелкий нижегородский издатель так называемых “книг для народа”, то есть сказок, сонников, песенников, уговаривал его написать свою лубочную биографию, для которой предвидел громадный сбыт, а для автора - крупный доход. “Жизнь ваша, Алексей Максимович, – чистые денежки”, – говорил он. Горький рассказывал это со смехом»⁵⁸.

Несмотря на нужду, преследовавшую его в первые годы работы в журналистике и на профессиональном литературном поприще, М. Горький всячески сопротивлялся попыткам коммерциализации своего творчества. В соответствии с внутренним самоощущением и дорожа литературной репутацией, он участвовал в сборе средств для детей из необеспеченных семей, в организации благотворительных «рождественских елок», помогал создавать и пополнять библиотеки в сиротских приютах, публиковал многие рассказы в дешевых «копеечных» изданиях, предназначенных «для бедных», предпочитал печатать свои новые вещи в газетах, адресованных читателям из демократической среды.

---

⁵⁸. Ходасевич В. Горький // Современные записки. – 1936.

Но главное: многие горьковские произведения привлекали своей направленностью против стяжательства, пресловутой власти «золотого тельца», разрушительной для структуры личности⁵⁹.

Показательно, что в центре литературно-критических работ, посвященных анализу творчества писателя, в конце XIX века преимущественно находились проблемы философско-эстетические, нравственно-психологические, а не социально-политические.

Мир горьковских произведений был так необычен и разнообразен, а герои, с легкой руки В. Воровского зачисленные в «пасынки общества», так сильны и жизнелюбивы, что в восприятии современниками «ценностных ориентаций художника» он выделялся и «апостолом добра», и проводником «цинизма, насилия, похоти». Герои писателя характеризовались и как «бегущие от дум», и как «рабы разума». Сам же автор представал в одних случаях как «художник в высшей степени объективный», в котором «тенденциозности нет и следа», а с иной точки зрения, напротив, как крайне тенденциозный⁶⁰, – отмечает современный исследователь.

При обращении к текстам «Макара Чудры», «О маленькой фее и молодом чабане», «Старухи Изергиль», «Песни о Соколе», «Песни о Буревестнике», другим произведениям внимание большинства критиков привлекал романтический пафос: «в его очерках и рассказах вы найдете вещи поистине романтические <...> Здесь романтическое настроение, чуждое обыденному и презирающее его, вдохновляющееся “безумством храбрых”, страстью “в сто лошадиных сил”, испепеляющей человека», – писал один из литературных критиков⁶¹.

---

⁵⁹. Вскоре М. Горький обобщит свои художественные наблюдения в статье «Разрушение личности» (1908).

⁶⁰. Удодов А. Творческое наследие М. Горького в процессах социально-эстетического функционирования: взгляд из XXI столетия // Известия Воронежского педагогического университета. – 2013. – №1 (260). – С. 189.

⁶¹. Андреевич (Е. А. Соловьев). Очерки текущей жизни. Вольница // Жизнь. – 1900. – № 4. – С. 331.

Как следует из концепции, предложенной А. Б. Удодовым, именно либеральной и народнической критике принадлежит «Пальма первенства» по использованию выражения «пролетарский писатель» в отношении «нижегородского мещанина» и по введению в общеупотребительный обиход понятия «пролетариат», под которым имелись в виду герои ранних горьковских произведений, босяки, «бывшие люди», выпавшие из системы регламентированных социальных связей.

Нельзя не признать, что в одной из литературно-критических статей, посвященных подробному анализу произведений М. Горького, писатель был охарактеризован как «первый талантливый художник, представитель рабочего пролетариата»: «в его произведениях непосредственно отразилась душа рабочей массы, душа русского бродячего пролетариата»⁶² и т. п.

В сущности, горьковских «босяков», порвавших с поведенческими нормами, неписанными законами и условностями социума, авторы ряда литературно-критических статей простодушно уравнивали с пролетариями, имея в виду их оторванность от привычного для крестьянина или горожанина быта и «морали» устоявшейся общественной жизни.

Говоря о миропонимании Горького, критики писали, что в его рассказах оживает «мир бродячего и беспокойного пролетариата, окрестившего себя «босой командой»⁶³, что «миропонимание» не только у героев, но и у самого сочинителя «босяцкое», «пролетарское» (Андреевич).

В то же время возникали сомнения в точности используемых терминов и определений: «речь идет не об одном «лохматом пролетариате», но о добровольном сознательном нищенстве, которое существовало задолго до капитализма и до рабочего и безработного пролетариата»⁶⁴, – отмечалось в одной из статей.

---

⁶². Поссе В. Певец протестующей тоски // Образование. – 1898. – № 11. – С. 47.

⁶³. Критические заметки // Мир Божий. – 1898. – № 7. – С. 1.

⁶⁴. Поссе В. Певец протестующей тоски // Образование. – 1898. – № 11. – С. 47.

При этом нельзя не признать, что, зачисляя в «пролетариат» горьковских «бывших людей», либеральные критики имели в виду отнюдь не марксистскую теорию классово́й борьбы, не без оснований находя в произведениях писателя результаты внимательного чтения трудов Ф. Ницше. Так, говоря о героях М. Горького, известный литературный критик и публицист Н. К. Михайловский писал: «Мы видим в них <...> «жадность жить» <...> стремление к ничем не ограниченной свободе <...> фатальное одиночество и отверженность <...> высокую самооценку и желание первенствовать <...> тяготение к чему-то чрезвычайному, путь даже невозможному, за которым должна последовать гибель <...> жажду наслаждения, соединенную с готовностью как причинять страдание, так и принять его»⁶⁵.

Анализируя философско-эстетические взгляды «прозаика-самородка», Н. К. Михайловский обратил внимание на особую роль, которую играют «ницшеанские мотивы» в произведениях писателя. В своих наблюдениях и выводах критик был не одинок. Однако многие литераторы, на рубеже веков заговорившие об идеях «базельского мудреца» в связи с ранним творчеством Горького, как правило, уточняли, что «философия Ницше предстает у писателя «в весьма искаженном виде»: «Едва ли кто-нибудь из последователей Заратустры согласится на замену сверхчеловеческой свободы русской удалью и стремлений по ту сторону добра и зла бегством по ту сторону Кубани <...> нужно согласиться, что в нашей литературе, насквозь пропитанной учением о любви и добре, яркая проповедь права сильного является довольно новой и рискованной»⁶⁶.

В наши дни за рубежом и в России многих исследователей объединяет мысль о том, что «переклички М. Горького с Ф. Ницше и влияние последнего

---

⁶⁵. Михайловский Н. К. О Максиме Горьком и его героях // Русское богатство. – 1898. – № 9. – С. 68.

⁶⁶. Минский Н. (Виленкин Н. М.) Литература и искусство // Новости. – 1898. – 21 мая.

на писателя» – «не миф, а реальность», что М. Горький «вовлекал в круг своих размышлений о российской жизни этическую проблематику Ницше, использовал, по-своему переосмысляя некоторые его философские лейт-мотивы и символы для реализации собственных творческих импульсов»⁶⁷.

Однако философско-эстетический вектор прочтения произведений писателя, преобладавший на рубеже XIX–XX веков, впоследствии будет негативно оцениваться и отклоняться догматическим советским литературоведением, так как основной задачей «официального горьковедения» (С. Сухих) станет интерпретация произведений «основоположника метода социалистического реализма» как художественного обоснования «победы Великой Октябрьской социалистической революции». Приведем одно из положений, характерных для упомянутого выше догматического литературоведения: «Прикрываясь восторженными оценками Горького как художника, буржуазная критика преследовала одну и ту же цель: скрыть революционную сущность творчества писателя»⁶⁸.

Следует сказать, что вектор социально-политического восприятия произведений М. Горького достаточно отчетливо проявился и на рубеже XIX–XX веков. В ответ на очевидный интерес писателя к левым идеям, на его критику социального неравенства и мечту о «свободной жизни», новом справедливом устройстве общества ленинская партия и ее адепты пытались использовать в своих целях авторитет писателя, снискавшему к тому времени международное признание. От него ждали признания общих идеологических устремлений, оправданий революционных выступлений, направленных против царизма, тогда еще достаточно малочисленной рабочей партии.

В стремлении заручиться моральной поддержкой М. Горького социал-демократы были не одиноки. Приведем характерное признание «очевидца»:

---

⁶⁷. Колобаева Л. Горький и Ницше // Вопросы литературы. – 1990. – № 10. – С. 165. См. также: Ключ Э. Ницше в России: революция морального сознания / Пер. с англ. Л.В. Харченко. – СПб.: Академический проект, 1999.

⁶⁸. Воробьева З. А. Раннее творчество А. М. Горького. – Л.: 1952. – С. 12.

«Для всех лагерей как правдивый художник г. Горький служит иллюстратором их теорий; он всем нужен, все зовут его в свидетели как человека, видевшего предмет спора – народ и все ступени его упадка»⁶⁹.

Особенно настойчиво в «твердокаменную когорту» убежденных сторонников пролетарской идеологии пытались зачислять М. Горького литераторы-марксисты (в том числе В. В. Воровский, А. В. Луначарский). Как уже отмечалось в специальной литературе, эта задача была совсем не просто выполнима.

Так, романтические и бунтарские устремления молодого М. Горького один из марксистских критиков связывал с изначально присущей писателю склонностью к выражению идеологии «пролетарского движения»: «Художественное творчество, носящее определенные классовые черты, складывается лишь тогда, когда сам класс уже значительно оформился и сознал свою самостоятельность. На заре движения, когда только начинают формироваться первые кадры будущего боевого класса и умы охватывает еще неясная, расплывчатая, хаотическая идея борьбы, эстетическая идеология проникнута лишь неформленными, радостными предчувствиями и чаяниями, преисполнена сознанием избытка накаплиющихся сил и жажды дать исход этим силам.

Не чувствуя еще под собой прочной реальной общественной почвы, эта эстетическая идеология сама чужда реализма. Исходя из предчувствия назревающего будущего, она окрашена элементами фантастики, она *романтична* <...> Эта склонность к фантастике – в сфере ли политического или художественного строительства – проявляется в искусстве как склонность к романтике. Не удивительно, что М. Горький, явившийся

---

⁶⁹. Меньшиков М. Красивый цинизм // Книжки «Недели». – 1900. – №9. – С. 171.

выразителем еще слабо дифференцированной пролетарской массы, выступил под флагом романтизма»⁷⁰.

Вольные параллели, уравнивающие политику и художественный метод, «фантастику» и «романтизм», искусственность и алогичность умозаключений, сделанных с целью доказать «пролетарскую идеологию» прозаика-романтика, в наши дни очевидны.

Но попытки рассматривать М. Горького как пролетарского писателя, идеолога революционной борьбы продолжались. Вот как определяла газета «Искра» значение его литературной деятельности: «Высоко ставя Ваш огромный художественный талант, более всего ценим Вас за идеи, красной нитью проходящие через все Ваши произведения – могучий призыв к смелой и открытой борьбе за свободу»⁷¹.

Партийными публицистами, выступающими в роли «почитателей» своеобразного таланта, игнорировалось значение философско-эстетических исканий и открытий писателя – его произведения рассматриваются прежде всего с утилитарных позиций: «Мы не забудем, что Вы дали лозунг, который помог и поможет нам бороться с нашими врагами»⁷².

Отстаивая ценности культуры, М. Горький и впоследствии не раз сетовал на спрямление и сведение его творчества к политической схеме (в том числе в первой редакции очерка об умершем В. И. Ленине). В этой защите приоритета культурных и художественных ориентиров над политическими его позиция отчасти перекликалась с выступлениями, казалось бы, непримиримых оппонентов. Так, Н. Бердяев считал, что для «культурного возрождения России» необходимо «довести политику до

---

⁷⁰. Воровский В. Литературно-критические статьи. – М.: ГИХЛ, 1956. – С. 255-256.

⁷¹. Искра. – 1902. – 15 янв.

⁷². Там же.

идеального минимума, до растворения ее в культуре. Вот что должно быть нашим регулятивом»⁷³.

Однако «регулятивы», используемые социал-демократами, были совсем другими. Специфика восприятия творчества М. Горького в связи с политическими векторами оценок особенно наглядно обнаружилась накануне и после октябрьского переворота.

18 октября 1917 года в связи со слухами о скором революционном выступлении большевиков писатель напечатал статью «Нельзя молчать», предсказывая необратимое озверение социума, если продолжится революционное насилие: «Значит – снова грузовые автомобили, тесно набитые людьми с винтовками и револьверами в дрожащих от страха руках, и эти винтовки будут стрелять в стекла магазинов, в людей – куда попало!.. Вспыхнут и начнут чадить, отравляя злобой, ненавистью, мстью, все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухой жизни, ложью и грязью политики – люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости».

М. Горький призывал Центральный Комитет большевистской партии отказаться от выступления против временной, либерально-демократической власти, чтобы не стать «орудием в руках бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков».

Ему грубо и цинично на полосе газеты «Рабочий путь» ответил И. Сталин: «Русская революция ниспровергла немало авторитетов. Ее мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед «громкими именами», брала их на службу либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели у нее учиться. Их, этих «громких имен», отвергнутых революцией, – целая вереница... Мы боимся, что Горького потянуло к ним, в архив. Что ж,

---

⁷³. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Правда, 1996. – С. 172.

вольному воля... Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов»⁷⁴.

Для М. Горького подобные взгляды были абсолютно неприемлемы, так как он крайне отрицательно относился к утилитарной большевистской аксиологии. Именно по этому поводу ещё в ноябре 1909 г. он нелицеприятно писал В. И. Ленину: «Порою мне кажется, что всякий человек для Вас – не более как флейта, на которой Вы разыгрываете ту или иную мелодию, и что Вы оцениваете каждую индивидуальность с точки зрения ее пригодности для Вас, – для осуществления Ваших целей, мнений, задач...»⁷⁵.

После Октябрьской революции писатель не прекратил полемики с большевиками. Постепенно из его газетных выступлений сложился цикл статей «Несвоевременные мысли».

Показательно, что М. Горький, увидевший в революционных событиях огромную опасность для достаточно тонкого слоя русской интеллигенции, судеб русской культуры и гуманизма, назвал свои публицистические выступления о революции и культуре именно так: «Несвоевременными мысли», специально оговаривая свою «недостаточную компетентность» в вопросах политики. Но для него было принципиально важно обсудить «большущую моральную проблему», возникшую в ходе революционных событий, было важно защитить то, что «политический цинизм именуется сентиментальностью, но без чего нельзя жить».

«Революция и Гражданская война подтвердили наихудшие опасения писателя, – пишет современный литературный критик П. Басинский. – В отличие от Блока он услышал в революционной буре не «музыку», а страшный рев разбуженной стомиллионной народной стихии, вырвавшейся

---

⁷⁴. Сталин И. Окружили мя тельцы мнози тучны // Рабочий путь (Правда). – 1917. – 20 окт.

⁷⁵. Смирнова Л. А. Горький и Ленин: Разрушение легенды // Вопросы литературы. – 1993. – № 5. – С. 221.

наружу через все социальные запреты и грозившей потопить жалкие островки культуры»⁷⁶.

Не приемля деспотизма большевиков, уличая вождей революции в том, что они дали «полный простор всем дурным и зверским инстинктам», отвергли «все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны», писатель все же считал, что «большевики уже оказали русскому народу огромную услугу, сдвинув всю его массу с мертвой точки и возбудив во всей массе активное отношение к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы».

Находясь за рубежом, сходные мысли М. Горький повторит в интервью иностранным газетам. В книге «О русском крестьянстве» писатель подчеркнет: «Нахожу необходимым заявить, что Советская власть является для меня единственной силой, способной преодолеть инерцию массы русского народа и возбудить энергию этой массы к творчеству новых, более справедливых и разумных форм жизни».

Но, несмотря на существовавшие возможности диалога, многочисленные статьи Горького, призывавшие отказаться от радикализма, губительного для неокрепшей после военной разрухи страны, большевиками были восприняты не просто как «ошибки», но – в соответствии с логикой политических оценок – как идейное отступничество от «дела освобождения рабочего класса».

Как подсчитано, газета «Правда» с 4 ноября по 31 декабря 1917 г. четыре раза выступала с резкой критикой выступлений Горького на страницах «Новой жизни», партийные публицисты не стеснялись называть автора свободолюбивой «Песни о Буревестнике» «ренегатствующим интеллигентом», «гробкопателем революции».

---

⁷⁶ Басинский П. Трагедия Максима Горького // Горький М. Проза. Драматургия. Публицистика. – М.: АСТ; Олимп, 1996. – С. 6.

Нам важно отметить, что именно в «Несвоевременных мыслях» писатель сформулировал положение, очень важное для точного понимания его мировоззренческой позиции: «Где слишком много политики, там нет места культуре»⁷⁷.

В революционную эпоху (и позже) политические векторы восприятия литературного творчества исключали объективный способ интерпретации художественных и публицистических произведений М. Горького (на протяжении десятилетий в советском литературоведении обычно затрагивалась лишь тема временных «ошибок» художника). Между тем смысл выступлений писателя был весьма неоднозначен. В одном из исследований, осуществленных после републикации в 1988 году «Несвоевременных мыслей» на родине писателя, В. Муромский высказал принципиально новую точку зрения, доказывая, что в этой серии статей Горький полемизировал с большевиками «не с позиции отрицания революции, а с целью придания ей более гуманного и достойного облика, преобразования личности, реализации заново открывшихся возможностей культурного строительства», с тем, чтобы привнести в русскую революцию «нравственное начало, очеловечить сам процесс разрушения старого и рождения нового мира»⁷⁸.

Долгие годы в советской стране политические векторы восприятия творческого наследия М. Горького сказывались и в интерпретации полемики писателя с В. И. Лениным накануне и в первые пореволюционные годы. Обычно цитировались «Письма из далека», сообщалось, что вождем критиковались политические «заблуждения» М. Горького. Основное же внимание уделялось следующему историческому прогнозу: «Нет сомнения,

---

⁷⁷ Горький М. Несвоевременные мысли // Литературное обозрение. – 1988. – № 10. – С. 112.

⁷⁸ Муромский В. П. Все дальше от канона (новые труды о Горьком) // Русская литература. – 1997. – № 1. – С. 252.

что Горький – громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению»⁷⁹.

Значительно реже в поле зрения советских историков литературы попадали очень откровенные и резкие по тону корреспонденции Горького, направленные В. И. Ленину. Только в 1988 г. в «Известиях ЦК КПСС» было обнародовано прежде не известный исследователям документ, в котором писатель осуждает аресты деятелей русской культуры: «... я смотрю на эти аресты как на варварство, как на истребление лучшего мозга страны и заявляю в конце письма, что Советская власть вызывает у меня враждебное отношение к ней»⁸⁰.

Не принято было комментировать и ответные действия, предпринятые В. И. Лениным в связи с многочисленными выступлениями писателя. После «открытого письма» Горького, адресованного Г. Уэллсу, а также статьи «Владимир Ильич Ленин», опубликованной в 1920-м году в журнале «Коммунистический Интернационал», глава большевиков требовал принять специальное постановление Политбюро ЦК РКП(б) о запрете публикаций «подобных статей». Несогласие В. И. Ленина вызвали горьковские рассуждения о роли насилия в революционном процессе, о русском национальном характере, проблеме Востока и Запада.

Во всех этих историях, чаще всего «утаиваемых», очевидны именно политические векторы восприятия произведений М. Горького руководителем советского государства.

Новый интерес к личности и творчеству М. Горького, отмеченный бременем взаимоисключающих оценок, обозначился в Советской России после выхода автобиографической повести «Мои университеты», новых рассказов и мемуарных произведений, созданных писателем за границей, но не публиковавшиеся в СССР с осени 1923 года: в знак протеста на запрет

---

⁷⁹. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 31. – С. 49.

⁸⁰. Известия ЦК КПСС. – 1988. – № 1. – С. 239.

распространять в России основанный им и выходивший за границей журнал «Беседа», «стоявший вне политики» М. Горький бойкотировал советские издания. Писатель возобновил сотрудничество с ними только после смерти В. И. Ленина.

Следует отметить, что отклики, публикуемые в СССР на произведения «нового Горького», в большинстве случаев чрезвычайно политизированы. Исключения, разумеется, также были. Так, В. Шкловский напечатал в «Жизни искусства» небольшую статью, в которой «признавался в нежной и верной любви» к Горькому за его «преклонение перед мастерством». Заметив, что писателя «много и плохо учили. Учили восьмидесятники, социалисты просто, большевики, русские писатели, академики из Дома ученых и переводчики из «Всемирной литературы», В. Шкловский, в сущности, предлагал интерпретировать и оценивать произведения писателя по законам, им «самим над собой поставленным»⁸¹.

С принципиально иных – ожесточенно-политизированных, «классовых» позиций – в левой большевистской печати были раскритикованы «Заметки из дневника» за «неприемлемый» «европейский демократизм»⁸², чуждый интересам «нового революционного времени», за «слащавый гуманизм» и «усталое неверие» в будущее советской России.

К тому же, говоря об Октябрьской революции и ее вожде – Ленине, писатель не скрывал, что не пересматривает важнейших положений, сформулированных в «Несвоевременных мыслях»: «Продолжаю думать, – как думал два года назад, – что для Ленина Россия – только материал опыта, начатого в размерах всемирных, планетарных...»⁸³.

---

⁸¹. Шкловский В. Литературные заметки (по поводу книги Горького «Заметки из дневника») // Жизнь искусства. – 1924. – № 28. – С. 10.

⁸². См.: Новый мир. – 1925. – №9. – С. 148.

⁸³. Цит. по: Удодов А. Б. М. Горький // Русская литература XX века: Поиск ориентиров. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1995. – С. 26.

Реакция большевистской прессы на подобные признания писателя была предсказуемой – резко негативной. Такие же субъективные оценки рапповскими критиками «выставлялись» М. Горькому и за его прозу. Показательным примером сугубо политизированного «социально-классового» подхода к новым произведениям М. Горького, преобладавшего в 1920-е годы, является статья критики В. Вишнева «Горькое лакомство» (1927), в которой автор называл писателя певцом выдуманной им «страны уродцев», изменивших своему революционному прошлому», а самого Горького – прозаиком, спрятавшимся «за ширмой» Клим Самгина», чтобы «не выдавать себя»⁸⁴.

Все статьи и рецензии, опубликованные в Советской России критиками и публицистами тех лет, здесь едва ли уместно перечислять. В свете интересующей нас проблематики продуктивнее сосредоточить внимание на альтернативных точках зрения. Различия социально-политических и эстетических векторов восприятия творчества писателя после выхода его новых произведений особенно разительно проявились в позициях журналов «На литературном посту» и «Красная новь».

Большой резонанс имела статья «Бывший Глав-Сокол, ныне Центр-Уж», в которой, нарушая законы элементарной литературной этики, «ниспровергатель» писателя цитирует одно из писем, не предназначенных для печати, но действительно передает отношение М. Горького к человеконенавистническим идеям и прежде всего – к воспетым многими «революционными литераторами» мотивам братоубийственной классовой борьбе. Наконец, исходя из политической доктрины РАППа, критик резюмировал: «Итак, революция и ее наиболее острое проявление – гражданская война – для М. Горького – драка больших зверей. Писать об этом прямо, по мнению Горького, не следует...

---

⁸⁴. Вешнев В. Горькое лакомство // На литературном посту. – 1927. – № 20.

Да, плохо сел бывший Глав-Сокол. Лучше бы нам не видеть его плетущимся в сырую и теплую расщелину вслед за Ужом»⁸⁵.

В обзорах русской прозы и поэзии, а также в рецензиях «напостовцы» зачисляли Горького в «попутчики», обвиняли в классовом «перерождении», защите идеологии «мелкобуржуазного социализма», политическом ренегатстве.

Левым критикам отвечал А. Воронский, главный редактор «Красной нови». Он отмечал важную особенность мемуаров М. Горького: в «воспоминаниях о Короленко, о революционерах-интеллигентах» «о «радикалах» он пишет «совсем холодно, иронически и отчужденно»⁸⁶.

Это достаточно нейтральное наблюдение перекликалось с резкими оценками Л. Троцкого, сделанными на полосе газеты «Известия» в апреле 1924 года: «Статьи, написанные Горьким, не удовлетворили меня совсем. Горький не понимает Ильича и подходит к нему с той интеллигентской слащавостью, которая свойственна Горькому в последние годы»⁸⁷.

Вместе с тем, редактор «Красной нови» решительно не соглашался с мнениями «левых товарищей» о том, что автобиографические произведения, созданные Горьким за границей в начале 1920-х гг., не имеют художественной ценности, поскольку являются лишь мемуарными свидетельствами «ренегата и отступника», изменившего своим былым идеалам за годы, проведенные вдали от России. А. Воронский подчеркивал, что именно «за эти годы писатель возвысился до уравновешенного и законченного искусства. Он не злоупотребляет больше афоризмами, не перебивает прекрасных страниц риторикой и публицистикой и пишет только о том, что наиболее свойственно его таланту»⁸⁸.

---

⁸⁵. Сосновский Л. Бывший Глав-Сокол, ныне Центр-Уж // На посту. – 1923. – С. 88.

⁸⁶. Воронский А. Искусство видеть мир. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 47.

⁸⁷. Цит. по: Баранов В. Горький без грима. Тайна смерти. – М.: Аграф, 1996. – С. 84.

⁸⁸. Воронский А. Искусство видеть мир. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 48.

Принципиально важно и следующее наблюдение литературного критика: «Горький так много уделяет теперь внимания озорникам и чудакам. К ним у него не только любопытство, но и любовь. О Павлах и новой обстановке он молчит, зато с исключительным старанием отыскивает странное, чудное и озорное <...>. Он любит запутанных людей»⁸⁹.

В той же статье, послужившей комментарием к томам «Собрания сочинений М. Горького», осуществленного Государственным издательством в 1924-1926 гг., А. Воронский, в отличие от «левых» критиков и публицистов ставившей «эстетику» неизмеримо выше «циничной политики», посчитал возможным и необходимым специально оговорить особое отношение писателя к революционной теме: «Можно подумать, что в революции и революционных типах Горький увидел разумное и целесообразное направление творческих сил человека. Это так, но с большими оговорками, ибо здесь мы встречаемся с неожиданными и скептическими мыслями писателя <...> Несомненно, писатель побаивается, как бы революция не привела к новой окурочине. Тем более у нас в России, с таким решительным преобладанием «мужика», которого писатель не очень-то жалует, и где рабочий еще связан с деревней»⁹⁰.

Работы А. Воронского и его единомышленников по журналу «Красная новь» и группе «Перевал» открывали возможность объективной дискуссии, позволяющей рассматривать творчество М. Горького по эстетическим законам.

Но сама постановка подобного вопроса в середине 1920-х гг. для многих интерпретаторов его произведений вызывала возражения: «Он совершенно недоступен, непроницаем для чисто эстетического подхода» – так писал о

---

⁸⁹. Там же.

⁹⁰. Там же. – С. 47.

перспективах изучения произведений М. Горького один из интерпретаторов его творчества⁹¹.

Литературный критик Д. Горбов, говоря о «нестареющем смысле» когда-то приписанных М. Горькому характеристик «пролетарский писатель», «провозвестник революции», подчеркивал актуальность именно социально-политического измерения в восприятии произведений писателя: «Несомненно, творчество Горького от такого понимания не пострадает. Как и всякий жизненный факт, оно существует помимо определений, которые мы находим нужным ему давать, осуществляет свое общественное назначение вне терминов науки. Зато последняя как раз страдает от неправильного понимания фактов»⁹².

И Д. Горбов, и А. Луначарский, и другие критики-марксисты требовали от писателя большей «определенности позиции» в художественном тексте и в общественной жизни. В то время как М. Горький считал критерием оценки творчества не внетекстовые социально-политические факторы, но именно художественную логику, законы искусства.

Весьма показательным в свете сказанного представляется отношение Горького к пожеланиям его советских читателей. Ему были известны результаты анкеты, проведенной в 1928 году отделом культуры Ленинградского областного комитета союза металлистов. Рабочим предлагалось ответить на вопросы о «Деле Артамоновых». Многие участники анкетирования признали книгу «хорошей, интересной, легко читающейся». Были и критические замечания: «книга не интересна для рабочего читателя», «плохо изображен быт рабочих», «не оправдало ожиданий», «мало революционного содержания»⁹³.

---

⁹¹. Григорьев Р. М. Горький. – М.: Госиздат, 1925. – С. 142.

⁹². Горбов Д. Путь М. Горького. – М.: Артель писателей, 1928. – С. 107.

⁹³. Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 тт. – М: Наука, 1973. – С. 18.

В том же, 1928 году, на встрече М. Горького с рабкорами ему высказывали замечания о том, что этот роман не соответствует ожиданиям читателей, привыкших к революционной тематике произведений советских авторов. Писатель отвечал на замечания как художник по преимуществу (выражение М. Бахтина), исходящий из «логики текста», а не «политики»: «Я его дописал до того логического конца, которого требовал сюжет. Дальше идти было некуда с этим сюжетом»⁹⁴.

Но сам факт многообещающего для большевиков приезда М. Горького в СССР, отдельные его публицистические выступления дали повод литературным критикам множить усилия для мифологизации отдельных страниц его творческой биографии. В статье «М. Горький – художник» (1931) А. В. Луначарский приветствует «большой подъем политической активности Горького в последние годы» и «огромные достижения М. Горького как художника-социалиста, как художника-материалиста-диалектика тоже в последние годы». И называет его «первым по времени и первым по рангу пролетарским писателем»⁹⁵.

По той же схеме «многие исследователи советского периода в качестве «идейно-эстетической доминанты в произведениях Горького выделяли острый социальный конфликт» и политическую тенденциозность. В статьях и книгах сторонников догматического горьковедения, как правило, «путь писателя» представал в социологическом измерении, а его произведения – как «художественное воплощение отдельных положений ленинских статей», – справедливо пишет о подходе, сформированном еще в 1930-е годы, современный исследователь⁹⁶.

---

⁹⁴. Овчаренко А. И. Горький и литературные искания XX столетия. – М., 1982. – С. 151.

⁹⁵. Луначарский А. В. Статьи о литературе: В 2-х т. Т. 2. Советская литература. Теория и литературная критика / Сост. Л. Истомина. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 23.

⁹⁶. Шум О. Ю. Новый взгляд на творчество М. Горького: Обзор научных публикаций последнего пятнадцатилетия // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 52. – С. 102.

К сказанному следует добавить, что статьи Горького 1930-х годов по вопросам искусства и литературы, а также произведения и выступления писателя, разумеется, не исчерпывались указанной социально-политической проблематикой, но давали широкий материал для изучения философско-эстетических взглядов писателя.

Следует отметить, что политическая тенденциозность, приводившая к «схематизму, чрезмерному увлечению общими формулировками»⁹⁷ в течение многих десятилетий была характерна не только для советского горьковедения, но и для «ниспровергателей» писателя, публиковавших статьи за рубежом. В то же время, несмотря на длительное идеологическое противостояние, в Советской России и в зарубежных странах предпринимались попытки объективного прочтения произведений писателя. Об основных этапах восприятия личности и творчества М. Горького у него на родине и за ее пределами пойдет речь в следующем разделе.

2.2. Этапы восприятия творчества М. Горького в России и европейском зарубежье

Первые переводы рассказов М. Горького на иностранные языки появились в 1899 году («восемь произведений на семи языках»),⁹⁸ а в первые годы двадцатого века произведения писателя начали выходить на английском, арабском, армянском, болгарском, венгерском, грузинском, датском, испанском, итальянском, немецком, норвежском, польском, словацком, французском, хорватском, чешском, шведском, эстонском и других языках. В Японии его произведения в печать не пропускали, но в театрах ставили горьковские пьесы.

---

⁹⁷ Муратова К.Д. М. Горький: Семинарий. – М.: Просвещение, 1981. – С.9

⁹⁸ Баранов В. Горький без грима. Тайна смерти. – М.: Аграф, 1996. – С. 6.

Сначала писателя воспринимали как одного из ярких «представителей молодой русской литературы»⁹⁹, но уже в первые годы XX века успех и признание писателя в Европе были ничуть не меньше, чем в императорской России: «Какой вихрь успеха у нас и за границей переживает сейчас Горький. Это один из популярнейших писателей Европы, и все это в пять-шесть лет!» – писал художник М. Нестеров в 1901 году.¹⁰⁰ В очерке, написанном в эмиграции (конец 1930-х гг.), В. Ходасевич расширяет «географию» этой выдающейся славы, утверждая, что по «степени его известности во всех частях света» с М. Горьким «не мог сравниться ни один из русских писателей», которых В. Ходасевичу, поэту и видному литературному критику Русского Зарубежья «приходилось встречать»¹⁰¹.

Практически все рассказы и повести М. Горького, опубликованные на иностранных языках (как отдельно изданными книгами, так и в альманахах, литературно-художественных журналах), сопровождались информацией об авторе (предисловиями, биографическими очерками, справками).

Зарубежный читатель открывал Горького как уникальное явление. Издатели и переводчики были единодушны в стремлении предупредить читателя о необычной для тех лет биографии писателя. Постоянным, повторяющимся мотивом стало перечисление ряда фактов этой «необыкновенной», «выдающейся» биографии: происхождение из малообразованной, далекой от литературы и культуры среды, ранняя смерть отца, матери, знание «свинцовых мерзостей жизни», неведомых для благополучных сословий, многолетние странствия по России, преследования со стороны властей.

Эти предисловия и очерки формировали определенные условия для рецепции «самобытного художника» и «особенного образа» их автора.

---

⁹⁹. Богатырев Ш. Ш. М. Горький и чешская культура (Из документов дооктябрьского периода). – С. 158.

¹⁰⁰. Нестеров М. Из писем. – Л., 1968. – С. 158.

¹⁰¹. Ходасевич В. Горький // Октябрь. – 1989. – № 12. – С. 178.

Литературный критик из Дании Г. Брандестак писал об этой специфике восприятия: «Знать обстоятельства жизни Горького – первое условие понимания его книг. Ибо в них наглядно описывается только то, что он знал и пережил. У него не встречаешь тем из прошлого, ухода в мир фантазий, он не поднимается над своей средой. Он вводит читателя в совершенно новый мир»¹⁰².

К тому же, по мнению Г. Хьетсо, исследователя из Норвегии, для быстрого признания Горького за рубежом имело значение и то обстоятельство, что «большинство русских писателей было дворянского происхождения, не обязательно богатые, но все обеспеченные. Теперь же “простой бродяга” пробился в их ряды»¹⁰³.

На первом этапе восприятия творчества М. Горького за рубежом общей и важной особенностью откликов на его произведения стало убеждение в том, что произведения писателя, выходца из социальных низов, полнее, чем прежде, открывали читателю «картины» жизни императорской России и новые устремления «русской литературы, литературы страны, жаждущей свободы»¹⁰⁴.

Именно этой «ненасытной страстью к борьбе, стремлением к свободе» норвежский исследователь объясняет «быстрый рост популярности» писателя за границей. «В то время как Достоевский стал известен только после смерти, Горький приобрёл всемирную известность в тридцать лет. И в дальнейшем газеты часто печатали материалы об этом грубияне и возмутителе спокойствия, поднимавшем знамя протеста как против царя, так и против советской власти»¹⁰⁵.

Однако отклики на творчество М. Горького в зарубежной печати не были столь однозначными. За годы пребывания в США, давшие ему

---

¹⁰². Цит. по: Хьетсо Г. Максим Горький: Судьба писателя. – М.: Наследие, 1997. – С. 4.

¹⁰³. Там же. – С. 53.

¹⁰⁴. Хьетсо Г. Максим Горький: Судьба писателя. – М.: Наследие, 1997. – С. 53.

¹⁰⁵. Там же. – С. 4.

возможность создать пьесу «Враги» и первую редакцию романа «Мать», писатель привлек к себе внимание откровенно публицистическими выступлениями, направленными против власти денег, отчуждающей человека от человека.

Публикация в американском журнале «Appleton`s Magazine» очерка «Город Желтого Дьявола» вызвала ожесточенную реакцию газет, цитаты из которых обнародовал в России «Московский листок»: «Американская печать все еще все еще продолжает пережевывать инцидент с Максимом Горьким». Пишут в газете «American» из Нашвилла: «Человек, имеющий двух жен и страдающий чахоткой, едва ли может быть достойным представителем соединенного союза революционеров, убийц и метателей бомб. М. Горький – сплошной обман». Филадельфийская газета «Press» объявляет, что «М. Горький – революционный агитатор и явный враг конституционного движения в России; поэтому все, кто помогают ему, помогают реакционному движению в России». Чикагская «Tribune»: «Наша страна сочувствует только тем русским, которые стремятся к свободным учреждениям посредством легальных, мирных методов»¹⁰⁶.

По свидетельству М. Горького, негативное освещение его жизни и творчества в американских изданиях было отнюдь не всеобщим. В апреле 1906 года он писал Е. П. Пешковой: «Русское посольство в Нью-Йорке подкупило одну из здешних, довольно влиятельных газет, и она подняла в уличной американской прессе шум. Некоторая часть буржуазной прессы – против меня. За меня – наиболее распространенные газеты – «Нью американ», «Нью-Йорк Геральд Трибюн», «Таймс». Америка, я тебе скажу, это нечто изумительное...»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁶ Цит. по: Киреева И. В. М. Горький в документах ЦК ВКП(б), посвященных антиамериканской пропаганде конца 1940-х – начала 1950-х гг. (По материалам архива А. Н. Яковлева) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. № 6(1). – С. 385.

¹⁰⁷ М. Горький Полн. Собр. Соч. Т. 5. Письма 1905-1906. – М.: Наука, 1999. – С. 170.

На рецепцию творчества и личности писателя в России и Зарубежье, несомненно, влиял и такой фактор, как цензура. В первое десятилетие XX века даже знаковые произведения писателя печатали за границей раньше, чем на его родине, в России. Социально-философская драма «На дне» впервые увидела свет в Мюнхене, переработанная редакция романа «Мать» – в Берлине.

Иными словами, важнейшие для понимания творческих исканий писателя художественные и публицистические произведения впервые пришли к читателю и – соответственно – собрали первые литературно-критические отклики за границей.

В России вследствие ужесточения цензурных запретов, последовавших после поражения революции 1905 года, произведения Горького революционной проблематики либо выходили с цензурными изъятиями, либо изымались из обращения после публикации произведения (это происходило, например, со сборниками «Знание»).

В годы пребывания М. Горького за рубежом, неполноты информации о писателе, отдельными русскими литераторами предпринимались попытки внедрить в общественное сознание негативные оценки творчества писателя. Так, Д. Философов выступил с на шумевшей статьей «Конец Горького», в которой предрекал писателю забвение: «успех у Горького был совершенно особенный. Такого раболепного преклонения, такой сумасшедшей моды, такой безмерной лести не видали ни Толстой, ни Чехов. Горький был герой дня, «любимец публики», нечто вроде модного оперного певца, который в течение коротких лет кружит голову своим поклонникам и затем, потеряв голос, сходит со сцены, погружается в забвение <...> Но толпа везде толпа. Она вознесла Горького, окружила его лестью, казалось, всецело подчинилась ему, а в сущности поработила его, сделала своим служителем и рабом <...> Горький искренне думал, что он властитель дум и сердец, что он независим, никому не подвластен, и незаметно для себя потерял даже тень свободы.

Отмеренные ему судьбою запасы личных сил не выдержали напора безличной стихии и развеялись по ветру...»¹⁰⁸.

И З. Гиппиус, выступая под псевдонимом, утверждала, что «партийная позиция» уничтожила в Горьком литератора¹⁰⁹.

В истории восприятия произведений писателя на его родине и за границей эта тенденция, связанная с настойчивыми попытками объявить о «перерождении» Горького из художника в публициста и защитника идеологии большевиков, формировала **второй этап** восприятия его личности и творчества.

В первые годы Октябрьской революции те же обвинения, дополненные рассуждениями об «алчности» и «продажности» Горького, З. Гиппиус повторит в «Петербургском дневнике», впервые опубликованном в 1921 году в эмигрантском журнале «Русская мысль», выходившем в Болгарии. В том же году ее «Дневник» был включены в сборник «Царство Антихриста», выпущенный в Мюнхене Д. Мережковским.

Эти выступления «очевидцев» и свидетелей, «спасшихся от диктатуры большевиков», несомненно, оказали определенное влияние на восприятие творчества М. Горького эмигрантской и западной зарубежной критикой. Характерно, что заметки «О русском крестьянстве», впервые опубликованные в апреле 1922 года в датской газете «Politiken», вызвали резко негативную реакцию. «Белоэмигранты возмутились: Горький все беды революции и Гражданской войны сваливает на народ и тем самым оправдывает <...> большевиков. Большевики в свою очередь подвергли Горького резкой критике: как-никак народ – главная движущая сила истории»¹¹⁰ – так комментирует специфику восприятия в Зарубежье и в

---

¹⁰⁸. См.: Философов Д. Конец Горького // Русская мысль. – 1907. – № 4. – С. 122–141.

¹⁰⁹. См.: Весы. – 1907. – № 7. – С. 58.

¹¹⁰. Баранов В. Горький без грима. Тайна смерти. – М.: Аграф, 1996. – С. 35.

Советской России этой книги (а в сущности – независимой позиции писателя, не соответствующей упрощенным социологическим схемам) В. Баранов.

О независимости позиции М. Горького свидетельствовали и его протесты 1922 года, направленные против судебного процесса над левыми эсерами, грозившего им смертной казнью. Его открытые письма в защиту подсудимых, адресованные А. Франсу (передавшему свою Нобелевскую премию на помощь голодающим в России) и советскому правительству, публиковали многие зарубежные издания. Эти письма вновь открывали мировой общественности М. Горького как продолжателя классических традиций русской литературы и культуры, защитника общечеловеческих гуманистических ценностей.

Не признавать этого факта было нельзя, но объяснения «авторского поведения писателя» эмигранты находили самые разные, в том числе весьма далекие от реальности. После переезда Горького из Берлина в Прагу, а затем – в Италию «за рубежом о писателе ходили (в печати!) самые нелепые слухи: будто бы его сын Максим расстрелян в Москве, писали о несуществующем горьковском романе «Город Нижний Новгород», печатались фальшивые интервью и беседы с ним»¹¹¹, – отмечала И. М. Нефедова.

Не отказавшись от советского гражданства, но в сущности находясь на положении эмигранта, М. Горький оказался в центре идейной борьбы: «Горький двурушник: ... Когда он с нами – он наш. Когда он с ними – он ихний. Таковы все талантливые русские люди. Он искренен и там, и здесь»¹¹², – утверждал Д. Мережковский.

Существуют и другие точки зрения об истинном отношении к М. Горькому образованных кругов западной общественности. «Когда в 1933 году Шведская Академия присудила Бунину Нобелевскую премию по литературе, в иностранных литературных кругах, особенно английских и американских,

---

¹¹¹. Нефедова И. М. Максим Горький. Биография писателя. – Л., 1979.

¹¹². Чуковский Н. Дневник // Новый мир. – 1990. – № 7. – С. 162.

это присуждение вызвало некоторое недоумение. «Бунин? Почему Бунин? Почему не Горький или по крайней мере не Мережковский?» (Тогда, между прочим, было много разговоров о том, что премия будет разделена между Буниным и Мережковским.) И Горького, и Мережковского лучше знали за границей (их обоих легче переводить, чем Бунина), и приходилось объяснять иностранцам, что если Нобелевскую премию хотели дать наиболее совершенному из живущих русских художников слова, то другого выбора нельзя было сделать»¹¹³, – вспоминал Г. Струве.

Несмотря на стереотипы, внедряемые в общественное сознание, в 1930-е годы (и позднее) за рубежом были известны открытые источники (письма, статьи), обеспечивавшие значительно большие возможности для изучения специфики творчества М. Горького, чем в СССР, где в течение многих десятилетий полный корпус произведений не был доступен не только широкому читателю, но и специалистам. Причем в собрания сочинений писателя не включались произведения, когда-то вызвавшие широкий резонанс (в частности, его статья «Две души», вызвавшая значительный интерес у русских философов и публицистов начала XX века). «Несвоевременные мысли» по идеологическим причинам на протяжении многих десятилетий также выпадали из поля зрения советских литературоведов. Между тем, на наш взгляд, «Несвоевременные мысли» обозначили даже не «зигзаг», как это определяют современные исследователи, «казалось бы, прямого пути Горького в революцию», но важный этап в восприятии темы «Горький и революция». Впрочем, эти и другие публицистические выступления писателя использовались зарубежными интерпретаторами его творчества чаще всего односторонне – как свидетельство «ужасов большевизма», отшатнувших от советов «даже

---

¹¹³. Струве Г. Русская литература в изгнании.

Горького» (последнее выражение получило широкое хождение в зарубежной политизированной русистике).

Смерть Горького не подвела черты под спорами о его истинной роли в общественной и литературно художественной жизни Советской России.

В очерке, опубликованном в 1936-м году, Е. Замятин рассказал об истинном отношении писателя к деятельности РАППа: «Для всех советских писателей не коммунистов, а только «попутчиков», – самым тяжелым периодом были годы 1927- 1932. Советская литература попала под команду – иного выражения нельзя подобрать – организация «пролетарских писателей» <...> Их главным талантом был партийный билет и чисто военная решительность. Эти энергичные молодые люди взяли на себя задачу немедленного «перевоспитания» всех прочих писателей. Ничего хорошего, разумеется, из этого не получилось.

При встречах мне не раз приходилось говорить об этом с Горьким. Он молча курил, грыз усы. Потом останавливал меня: «Подождите. Эту историю я должен для себя записать». Смысл этих записей стал для меня ясен только гораздо позже, в 32-м году. В апреле этого года, неожиданно для всех, произошел подлинный литературный переворот: правительственным декретом деятельность «РАППа» была признана «препятствующей развитию советской литературы», организация эта была объявлена распущенной. Это не было неожиданностью только для Горького: я совершенно уверен, что этот акт был подготовлен именно им, и он действовал, как очень искусный дипломат»¹¹⁴.

За рубежами России в споре о литературно-художественной и общественной позиции М. Горького приняли участи М. Алданов, И. Бунин, Б. Зайцев (с разоблачительными и достаточно субъективными характеристиками писателя). В 1936-м и в 1940-м годах были опубликованы

---

¹¹⁴. Чуковский Н. Дневник // Новый мир. – 1990. – № 7. – С. 162.

два мемуарных очерка В. Ходасевича. Во второй части воспоминаний, обнародованной после смерти литературного критика, содержались не только биографические, но и политические оценки, по словам автора, вызванные тем, что в советских изданиях «вся потаенная эпоха» пребывания Горького за границей, начиная с 1921 г., либо обходится молчанием, либо, что еще хуже, дается в неверном освещении». Но политические стереотипы повлияли на освещение жизненного и творческого пути Горького этим литератором. Показательно, что в первой части воспоминаний Горький предстает как писатель, достаточно спокойно относящегося к своей всемирной славе. Во втором очерке делаются уже другие выводы: «Упрямясь и бунтуя, он знал, что не выдержит и бросится в СССР, потому что, какова бы ни была тамошняя революция – она одна могла ему обеспечить славу великого пролетарского писателя и вождя при жизни, а после смерти – нишу в Кремлевской стене для урны с его прахом. В обмен на все это революция потребовала от него, как требует от всех, не честной службы, а рабства и лести. Он стал рабом и льстецом. Его поставили в такое положение, что из писателя и друга писателей он превратился в надсмотрщика за ними. Он и на это пошел. Можно бы долго перечислять, на что он еще пошел <...> он превратился в полную противоположность того возвышенного образа, ради сохранения которого помирился с советской властью»¹¹⁵.

От политических обвинений Горького в идеологическом обосновании советского строя западная русистика начнет отходить в 1950–1960-е годы, в третий период восприятия творчества писателя, связанный с более объективным прочтением его творчества, учитывающим подлинные историко-литературные и биографические факты.

Объективному восприятию жизни и творчества М. Горького способствовала публикация новых мемуарных свидетельств. Назовем,

---

¹¹⁵ Чуковский Н. Дневник // Новый мир. – 1990. – № 7. – С. 162.

прежде всего, статью Е. Д. Кусковой «Трагедия Максима Горького» (1954), пафос которой направлен на раскрытие мысли о том, что «умереть духовно Горький не мог: запас духовности в нем был все-таки большой»¹¹⁶.

Ю. Анненков, близко знавший Горького в начале XX века и не раз общавшийся с писателем в первые пореволюционные годы, написал очерк, направленный против обвинений Горького в деятельности по подчинению литературы идеологическим инстанциям. «Теперь мы часто читаем в советской прессе, даже в зарубежных русских журналах, что Горький является предтечей и основоположником «социалистического реализма». Это совершенно неверно, и я восстаю против подобной клеветы <...> Горький «идейную подчиненность считал оскорблением для человека»¹¹⁷.

Формирующемуся подходу к Горькому, объединяющему его «прошлое и настоящее» в единую картину жизни и творчества, почти не мешали рецидивы вульгарных интерпретаций (примером тому служит статья эмигрантского писателя и литературного критика И. Сургучева «Горький и дьявол» (1955), опубликованная в Париже и вызвавшая серьезные возражения Г. Струве – первое издание его ставшей знаменитой книги «Русская литература в изгнании» вскоре увидело свет в издательстве имени Чехова (Нью-Йорк, 1956). В том же, 1956-м году, в Нью-Йорке вышла «История советского театра» Н. Горчакова с аналитическим прочтением горьковских пьес «Егор Булычев», «Достигаев и другие».

И впоследствии в западной русистике тон научных описаний становился все более и более объективным: о позиции Горького в разные годы его творчества подавляющее большинство исследователей предпочитали рассуждать, исходя из фактов, а не субъективных концепций.

---

¹¹⁶. Кускова Е.Д. Трагедия Максима Горького // Новый журнал. – Нью-Йорк : 1954. – №38. – С. 229, 240.

¹¹⁷. Анненков Ю. Максим Горький // Неман. – 1990. – № 2. .

Во второй половине 1950-х – начала 1960-х в Советской России наметился достаточно противоречивый отход от вульгарно-социологических схем. Показательно, что в статье А. Синявского, «Роман М. Горького «Мать» как ранний образец социалистического реализма», т. е. названной достаточно привычно для советского официального литературоведения, предлагалось прочтение текста в свете «богостроительных» исканий писателя.

О том, что многие произведения писателя «с трудом укладываются в привычные, давно сложившиеся представления», а также об общем состоянии традиционного горьковедения, страдавшем излишним социологизмом и догматизмом, в 1969-е и в 1970-е годы писали Т. Г. Браже, К. Д. Муратова, С. В. Касторский, Е. Б. Тагер и др.

Но только со второй половины 1980-х годов начинается новый – третий – этап восприятия жизни и творчества М. Горького у него на родине. Работающие в России исследователи начинают пересматривать стереотипные представления о писателе и его произведениях, становятся доступными многочисленные, не известные прежде архивные документы, позволявшие внести существенные коррективы в восприятие горьковского наследия.

При этом «новое прочтение Горького» во второй половине 1980-х и в 1990-е годы происходила в атмосфере обостренной дискуссионности. В литературно-критических статьях и книгах И. Золотусского, Л. Сараскиной, А. Стреляного и др. Горькому отказывалось не только в гражданском мужестве, но и в художественном даре. При этом часто повторялась аргументация давних «ниспровергателей» писателя. Но в те же годы в России были републикованы «Несвоевременные мысли», первая редакция очерка Горького о Ленине, письма Горького советским лидерам и зарубежным деятелям литературы и культуры. Опираясь на многочисленные обнародованные факты, В. Баранов, В. Барахов, П. Басинский, Н. Дикушина, Г. Митин, Н. Примочкина, Л. Спиридонова, С. Сухих, А. Удодов показали подлинный драматизм реальной судьбы и нестареющую актуальность

наследия писателя. Исследователями был предложен перспективный путь, «сложив» разновременные факты в единую систему взглядов, по возможности устранить противоречия между «старыми» и «новыми» представлениями о М. Горьком.

Так, например, исследователи устанавливают, что «кропотливая работа, проделанная Горьким на протяжении почти 20 лет, доказывает, что «Мать» стала для писателя не столько «энциклопедией революционной борьбы», как ее окрестили в то время, а скорее – итогом целого периода его жизни: романтизма, кризиса рубежа веков, поиска новых идеалов и новой религии»¹¹⁸.

В наши дни получила признание точка зрения, согласно которой «Горький – художник настоящий, охватывающий своим творческим сознанием живую жизнь в целом, а революция – не вся жизнь, это раскол жизни, отказ от одной ее части во имя другой, и она неизбежно порождает внутренний конфликт в целостном, жизнеохватывающем сознании художника».¹¹⁹

Заключая, отметим, что в динамике десятилетий восприятие творчества Горького, его произведений о русской революции, ее феномене и последствий для человека и культуры, различались на родине писателя и за границей.

Произведения писателя, будучи переведенными на язык другой страны, как правило, становились фактором общественной жизни этой страны, а их идейно-эстетические оценки отражают характерную для разных десятилетий борьбу идей.

2.3. Горький-художник в восприятии арабских писателей и критиков

---

¹¹⁸. Егорова Ю. Из истории текста повести М. Горького «Мать» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения». – М: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 230.

¹¹⁹. Сухих С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. – Н. Новгород, 1992. – С. 58

Одним из побудительных мотивов обращения арабских стран к культуре России было искусство воспроизведения обычной жизни, мастерство показа повседневного быта маленьких людей. Еще в самом начале прошлого века арабские переводчики и критики осознали близость мировоззрения М.Горького как писателя революционной эпохи и демократической интеллигенции Ближнего Востока.

Горький, будучи «критическим реалистом» в восприятии арабских писателей, уже в первые годы своего творческого пути ярко и правдиво показал нравы и особенности российской провинциальной жизни. Тема «свинцовых мерзостей» жизни, а также мотивы поиска смысла жизни в условиях экономической и духовной несвободы привлекали многих арабских авторов. Они видели творчестве М.Горького, в частности, в романах «Фома Гордеев», «Дело Артамоновых», в повестях «Детство», «Мои университеты» и др. произведениях, пример вечного спора о нравах, убивающих личность, о предназначении человека, о моральных проблемах современности.

М.Горький с тревогой писал о преобладании материальных интересов над духовными. Особенно актуальными для арабов оказались мысли о кризисе духа на рубеже XIX-XX веков и необходимости вырваться из рутинной обывательской системы ценностей. Призывы «буревестника революции» преодолеть лень и пассивность, перейти к героическому действию на благо грядущих поколений, естественно, нашли повсеместный отклик на Востоке, где в ту эпоху начиналась национально-освободительная борьба, связанная с антиколониальным движением.

Горький, показывая бесправие женщин в патриархальной семье, ставил в пример русским опыт Европы, где борьба за эмансипацию шла давно. Мы знаем, что на Западе женщины более свободны, это достижение европейской цивилизации. На Востоке ислам запрещает многое из того, что разрешает Библия. Сегодня в арабских странах женщины все еще борются за

свои права, но не все цели достигнуты, сохранился семейный культ мужчины, поддерживаемый Шариатом.

В качестве примера обратимся к творчеству ливанского писателя М. Нуайме, о котором уже шла речь в первой главе. Весьма мрачен его рассказ «Ее Новый год», в котором идет речь о судьбе женщины, которая не могла родить мальчика, а рожала девочек. Рождение девочки не приветствовалось в арабских странах, что можно объяснить характером сельского труда и войнами, которые требовали много мужчин. Идея рассказа М. Нуайме в том, что в Ливане в те годы родиться девочкой значило быть несчастной. Арабская женщина в те годы была бесправна, от нее ждали наследника. М. Нуайме, анализируя общественный климат в стране, показывает обычную жизнь с позиций реализма. Детали быта, психологические характеристики, точность исторического опыта – все это свидетельствует о формировании реалистического направления в ливанской литературе XX века.

Сходным образом, конечно, с учетом особенностей русской жизни, эта же тема звучала и у М. Горького в романе «Фома Гордеев». Игнат Гордеев, отец главного героя, ждет от жены сына, наследника своего капитала, и только в этом видит ее достоинства: «Наташа... ежели – сын, ежели сына родишь – озолочу! Что там! Прямо говорю – слугою тебе буду!»¹²⁰.

Влияние Горького на писателей Ливана и других стран в становлении реалистической тенденции не вызывает сомнений. Типичен для творческой манеры Нуайме рассказ «Высшие». Как и другие произведения Нуайме, посвященные ливанским крестьянам, он написан с трогательной любовью и сочувствием к ним. Но эта же любовь требует, чтобы писатель правдиво показывал человека и условия его времени.

---

¹²⁰ М. Горький. Т.4. – С.190.

Крестьянам Абу Рашиду и его жене Умм Рашид хозяин сообщил, что придет делить урожай. Его следовало встретить торжественно, праздничным угощением. Но в доме крестьян нет ничего, кроме нескольких жестяных тарелок, глиняного кувшина, пары деревянных ложек да низкого стола. У Абу Рашида и Умм Рашид есть единственный сын. У мальчика нет никаких игрушек, дороже всего на свете ему козленок Ифрит и петух Султан. Мальчик кормит их, ухаживает за ними и очень ими гордится. Вот почему, несмотря на уговоры родителей, Рашид не дает зарезать ни петуха, ни козленка ради того, чтобы угостить хозяина, которому семья задолжала три тысячи курушей. А как расплатиться с долгом, если урожай почти вдвое меньше прошлогоднего?

Хозяин приезжает в деревню на машине вместе с женой и дочкой, ровесницей Рашида. Крестьяне приглашают их в дом. Но жена хозяина, которая говорит только по-французски, ни за что не соглашается войти в убогую хижину в своем модном наряде, а о еде деревянной ложкой из жестяных тарелок она и слышать не хочет. Абу Рашид и Умм Рашид оскорблены. «Сейчас они без колебаний предпочли бы смерть этому позору», – пишет Нуайме. Но высказать свою обиду они не смеют.

Хозяин требует вернуть долг. Абу Рашид объясняет ему, что была засуха и он собрал очень небольшой урожай. Когда гости собрались уезжать, дочь хозяина по-французски говорит матери, что хочет иметь петуха и козленка, с которыми все это время, не обращая ни на кого внимания, играл Рашид. «У тебя будет все, что ты захочешь», – обещает ей мать. Хозяева забирают петуха и козленка и уезжают. Машина загудела, тронулась и умчалась. Абу Рашид вернулся без петуха и козленка. Только тогда его сын понял, что произошло. Его отчаянию не было предела.

Нельзя не отметить в этом рассказе мелодраматических элементов, желания разбудить сочувствие к бедным людям, как это всегда было свойственно русской литературе. Однако обращает на себя внимание не

только внимание писателя к материальному положению семьи, но и попытка рассказать о их внутреннем состоянии, о том унижении, которое они переживают. А это уже особенность горьковской позиции в изображении простого труженика.

Влияние повести М. Горького «Фома Гордеев» косвенно ощутимо в романе-трилогии Нагиба Махфуза «Между двумя дворцами» (1956-1957), где египетский писатель показал положительных героев, борющихся за улучшение условий жизни народа. В отличие от Фомы Гордеева, утомленного бытом и отсутствием большой цели, герои Махфуза преодолевают пассивность и пессимизм. Но и они страдают от непонимания и мелочного быта. Пьянство и разврат мешают росту личности – вот вывод Махфуза.

Действие романа начинается в годы первой мировой войны и оканчивается после второй мировой войны. Это хроника жизни трех поколений мелкобуржуазной египетской семьи. Родоначальник семьи Ахмед Абдель Джавад – каирский купец, деспотичный владыка семьи, нимало не интересующийся жизнью общества. Прибыль губит духовность – вот смысл авторской концепции романа. Джавад, как и отец Фомы, героя горьковского романа, живет бизнесом. Он гордится богатством, приобщает к делу детей и не очень интересуется тем, чего хотят сами дети.

Однако его сыновья Кемаль и особенно Фахми прониклись идеями национально-освободительной борьбы. Фахми погибает в дни революции 1919 года. Кемаль стремится к знаниям, к самоусовершенствованию, но, пассивный по натуре, он далек от мысли об активном вмешательстве в политическую жизнь. Его недовольство общественным строем не идет дальше словесного осуждения. Истинным патриотом, духовным наследником Фахми становится Ахмед Ибрахим Шукет – племянник Фахми и Кемалья.

В перевоспитании Ахмеда большую роль сыграла Сусен Хаммад – секретарь редакции журнала, дочь рабочего-печатника. Образ Сусен – один из немногих в арабской литературе образов женщин, ведущих самостоятельную трудовую жизнь. Окончив среднюю школу и не имея возможности учиться дальше, Сусен занимается самообразованием, читает марксистскую литературу, увлекается произведениями советских писателей, в том числе и М. Горького, участвует в кружках прогрессивной молодежи. Она стала символом пробуждения арабских женщин, первым образом в феминистической литературе.

Ахмед и Сусен полюбили друг друга. Но родные Ахмеда противятся его намерению жениться на дочери рабочего. Нарушив волю родителей, Ахмед, по существу, порывает со своей средой. Он становится сотрудником журнала, пишет антифашистские статьи, выступает с лекциями перед рабочими. Финал произведения наполнен чувством исторического оптимизма, который был свойствен Горькому и который нельзя отождествлять со счастливым концом, присущим массовой литературе.

Трилогия Нагиба Махфуза «Между двумя дворцами» является, на наш взгляд, одним из крупнейших произведений арабской литературы послевоенного периода. Естественно, что она была удостоена государственной премии. Ее появление свидетельствует о подъеме литературы в Египте, о стремлении египетских литераторов посвятить свое творчество интересам народа.

Таким образом, мы видим, что арабские писатели, обращаясь к творчеству М. Горького, решали задачи арабской литературы, формирующей принципы изображения человека, сопротивляющегося среде. Социальная природа характеров их героев, их стремление жить в соответствии с общественными идеалами перекликаются с горьковским творчеством.

Следует отметить, что в тех произведениях, о которых шла речь выше, прослеживается миф о Горьком – пролетарском писателе-революционере. В сознании арабских писателей этот миф создавался в полном согласии с советской доктриной. В нем присутствовали все главные моменты, которые могли стать руководством к действию не только для арабских писателей, но для деятелей мирового революционного движения.

Вторая, не менее важная причина обращения арабских писателей к творчеству Горького была связана с использованием биографического мифа о писателе. Главным в этом мифе была мысль о человеке, сумевшем подняться из низов общества и стать властителем дум в мировой культуре. Основанием для разработки арабского варианта горьковского мифа стала биография писателя. В этом мифе присутствовали факты реальной биографии Алексея Максимовича Пешкова, но в их истолковании присутствовал и общий, революционный, интерес. Восстановим общие положения мифа о Горьком, так как он принадлежал времени, а не был результатом индивидуального творчества.

Все писавший о М.Горьком, отмечали его происхождение из «низов» общества, его трудный жизненный путь, отсутствие систематического образования. Писавшие о его жизни отмечали, что Горький много раз пытался найти работу или пойти в школу. На этом пути его ждали как многочисленные неудачи, так и успехи. Это вдохновляло талантливого молодого человека на создание первых рассказов, которые позже получили название «очерки и рассказы» и публиковались на страницах русских газет, начиная с 1892 года. Персонажи его рассказов, жители России, – это люди, представления которых о жизни не совпадали с позицией действующей социальной системы.

Действительно, писатель М.Горький стал известным с 1890-х годов, после того, как его работы были опубликованы в крупных литературных журналах. О нем было написано много критических исследований и статей,

благодаря чему он стал известен и за пределами России. Популярность его была такой, что в 1904 году в Москве вышла книга «Иностранная критика о Горьком», в которой были собраны не все, но главные работы о нем.

М.Горький ввел в литературу нового героя, «босняка», которого он показал в революционно-романтическом стиле. Благодаря своим героям, М.Горький стал восприниматься как политический деятель. Частью его мифа были его литературные герои, принадлежащие угнетенным классам и являющиеся жертвами социальной несправедливости существующей политической системы. Биографический миф стал политическим мифом, нашедшим подтверждение в судьбе писателя. Следствием знакомства М.Горького с профессиональными революционерами стало его заключение в тюрьму, которое поставило его в центр общественного внимания уже как реальную общественную фигуру.

Дальнейшая биография М.Горького связана с русской революцией и ее вождями. Участие в революции 1905 года, знакомство с В.И.Лениным, сотрудничество с большевиками – этапы политической биографии М.Горького, часть мифа о художнике, растущем вместе с революционными идеями. Он получил распространение не только в России, но и во всем мире. Высшей точкой революционно-политической биографии М.Горького, важной частью горьковского мифа является роман «Мать» (1906-1907), написанный в Америке и тогда же переведенный почти на все европейские языки¹²¹.

Значение этого романа в общественном сознании, а не только в биографии писателя трудно переоценить. Самого М.Горького в работе над произведением особенно привлекала масштабность фигуры матери. В письме Е.П. Пешковой он писал: «Впоследствии, когда ее [мать Павла Власова. – МКХ.] будут судить за ее деятельность, она скажет речь – в которой

---

¹²¹ См. об этом подробно: Горький М. Т.8. С. 426 и далее.

обрисует весь мировой процесс, как шествие *детей* [курсив М.Горького. – МКХ.] к правде. Детей, ты это пойми! В этом страшное усиление мировой трагедии. Мне трудно пояснить эту большую мысль в письме, она слишком сложна, она выдвигает другую, тоже очень глубокую, о роковой для людей разнице между реформатором и революционером, – разнице, которая нам незаметна и – страшно путает нас.

Должен сказать тебе – я здесь много понял и между прочим понял, что до сей поры я – революционером не был. Я только становлюсь им»¹²².

Важность этого романа для М.Горького, для мирового революционного движения очевидна, поэтому именно этому горьковскому произведению мы уделяем большое внимание в нашей работе, и не только в связи с мифом о М.Горьком, но и с пониманием революции самим писателем.

Когда М.Горький был во Франции и Америке после поражения первой русской революции, он написал ряд литературных работ. Наиболее важные из этих работ, помимо романа «Мать», – «В Америке» (1906), «Враги» (1906) и другие произведения. Они были посвящены борьбе рабочих против буржуазного режима, формировали основу революционно-романтической литературы. Этот же стиль работы продолжал использовать Горький и после переезда в Италию, он стремился писать о рабочем классе, который сталкивается с буржуазией и капитализмом. Он хотел отразить в своих произведениях оптимистичные гуманитарные настроения, любовь к жизни и работе, попытки достичь лучшего будущего. Позже все эти произведения были названы основой литературы социалистического реализма, провозглашенной в Советском Союзе.

---

¹²² Горький М. Т.8. С. 429.

Такие факты биографии писателя легли в основание доктрины о Горьком – основоположнике социалистического реализма. Конкретный анализ этих произведений, так же, как и романа «Мать», не может быть сведен только к соцреалистической доктрине, но идеи, которые писатель использовал в этих произведениях, его социальные и общественные симпатии позволяли воспринимать его в дореволюционные годы как творца новых героев и новой литературы. Нельзя отрицать важной роли, которую сыграл М.Горький в развитии социалистической литературы не только в России, и в мире. Нельзя отрицать так же и того, что М.Горький был не одинок, что вместе с писателями таких же интеллектуальных тенденций способствовал развитию и распространению социалистических идей, их внедрению в литературу.

Важной составляющей имиджа социалистического писателя были взаимоотношения М.Горького с лидером русской революции. У Горького и Ленина была продолжительная переписка, сам факт существования которой подчеркивал важную для образа «основоположника пролетарской литературы» мысль об идеологическом руководстве вождя, о тесной связи социалистических идей и новой литературы. Дружба Ленина и Горького, о которой много писали в советские годы не только в Советском Союзе, но и в других странах, рассматривалась как пример для других писателей. Несмотря на все проблемы, споры и различия во взглядах, Ленин доверял Горькому. Ленин считал его крупнейшим представителем пролетарского искусства и уделял ему много внимания.

Этот факт горьковской биографии имел свое воздействие на арабских писателей, которые видели в произведениях писателя не только образцы литературного творчества, а старались извлечь реальный урок и из его произведений, и из его жизни.

Интерес к творчеству М.Горького в арабских странах не исчез с кончиной писателя. Журнал «ат-Талиа» в январе 1937 г. опубликовал

перевод рассказа «Паук» (1923).¹²³ Во вводной заметке говорилось: «Среди прославившихся книг Горького, кроме повести “Мать”, есть книга под названием “Мысли и воспоминания”¹²⁴, в ней он изображает нам жизнь людей, странных или по уму или по образу жизни, с которыми ему приходилось соприкасаться или беседовать. Переведенный ниже отрывок взят из упомянутой книги».

Обращение к произведениям послереволюционного периода творчества М.Горького, написанных после «Несвоевременных мыслей» (1918-1922), в которых писатель резко изменил свое отношение к русской революции, свидетельствовало о расширении интереса арабов к его наследию. Он переставал быть только «буревестником революции», арабский читатель мог познакомиться с другими его героями, не только с революционерами. Так, связи с первой годовщиной смерти Горького в июньском номере «ат-Талиа» за 1937 г. появляется перевод его сказки «Утро» (1910)¹²⁵.

История этой сказки необычна. Она написана в год смерти Льва Толстого. В ноябре этого года А.М.Горький получил письмо от мальчика Ильи Френкеля, ставшего впоследствии писателем. В нем семилетний Илья писал: «Милый Максим Горький! Все писатели умерли, один ты живой. Пришли мне сказку и письмо. Целую тебя, твой Илюша»¹²⁶. Горький выполнил просьбу мальчика, сказку отослал, но в свои собрания сочинений ее не включал. Она была опубликована уже после смерти писателя. Сказка и ее публикация – интересный факт биографии писателя, который к тому же

---

¹²³ Ат-Талиа, III, 1937, № 1, январь, стр. 84—88 (= XIX, 1933, стр. 65—68), перевод Халида 'Али.

¹²⁴ По-арабски: *خواطر وذكريات*; в русском издании сочинений Горького она называется «Заметки из дневника. Воспоминания».

¹²⁵ Ат-Талий'а, III, № 6—7; июнь—июль 1937 г., стр. 528—530: فجر لمكسيم غوركى بمناسبة مرور عام على وفاته تعريب ف. Описание рукописей М. Горького. Вып. 1. Художественные произведения. М.-Л.: АН СССР, 1936. стр. 234—238.

¹²⁶ Цит. по: Горький М. Т.11. С.598.

свидетельствует, что арабские писатели хотели представить своему читателю разные стороны горьковского наследия. Так, в 1936 г. в Египте появился в переводе с немецкого ранний рассказ писателя «Дело с застезками» (1895), названного в арабском переводе «Ключи»¹²⁷. В этом рассказе критик-марксист В.Воровский увидел не певца «босяков» и «ненависть к мещанскому благополучию», а те «интимные симпатии», которые тянут писателя «к проявлениям доброты, альтуизма, мягкости, гуманности. Ибо М.Горький до мозга костей гуманист»¹²⁸.

В статьях, связанных с откликами на смерть Горького, можно отметить работы, которые выходят за пределы простой информации. Их можно отнести к числу тех, в которых добавлялись новые, «арабские» составляющие мифа о М.Горьком. К их числу можно отнести уже упоминавшуюся мысль Коб'ейна об «арабской душе» писателя. Приводились и другие свидетельства связи М.Горького с Востоком. Так, например, 14 июня 1936 г., появилась статья, принадлежащая литератору Амйну ал-Грайибу, под броским заглавием «Максим Горький – горький писатель». В ней звучали несколько оригинальных мыслей, но написана она была достаточно бессистемно. Автор начинал с замечания, что арабы не знают в должной мере Горького, между тем он заслуживает их внимания, главным образом по двум обстоятельствам. Первое: арабы в эти дни страдают так же, как страдал русский народ, чья судьба глубоко волновала Горького. Псевдоним писателя, вынесенный Амйном ал-Грайибом в заголовок статьи, пережитое М.Горьким в юности до начала писательской деятельности служили доказательством актуальности биографического мифа о писателе, жизнь которого мало чем отличалась от жизней людей того круга, из которого он вышел.

---

¹²⁷ Ар-Рисале, 1936, № 154—155, 15 июня, (=) المفاتيح 1, 1933, стр. 187—196). Подпись переводчика буквами .. ا. ا. ا.

¹²⁸ Горький М. Т.2. С.605.

Второй довод представляет своеобразную легенду, распространенную в арабских кругах, происхождение которой легко объяснимо и так же опирается на биографию писателя. Суть утверждения Амйна ал-Грайиба состоит в том, что Горький якобы обучался грамоте в ранней юности по русскому переводу «1001 ночи». Мало того, считал Амйн ал-Грайиб, его социальные принципы обнаруживают сильное восточное влияние, испытанное им в молодости от этой книги. Подробной биографии М.Горького статья Амйна ал-Грайиба не дает, автор приводит только отдельные факты из нее, часто в своеобразном преломлении. Так, упоминаются работа Горького на волжских пароходах, его дружба с поваром, который читал только две книги – Библию и «1001 ночь»: от него будущий писатель и научился грамоте.

Выбор книг, на которые ссылается цитируемая статья, показателен¹²⁹. Он же свидетельствует о том, как создавался собственный арабский миф о Горьком в кругах интеллигенции, преимущественно с консервативным уклоном. Зачастую информация черпалась из непроверенных источников русской эмигрантской печати и, таким образом, способствовала созданию мифологизированного облика писателя. На это указывал еще И.Ю. Крачковский. В статье «Арабская литература и арабы в произведениях Горького» он отметил, что эту популярную на Востоке легенду надо понимать несколько иначе: «Она отражает тот факт, что “1001 ночь” действительно была спутником жизни Горького с 12-летнего возраста, когда он впервые ее прочитал, до склона дней, когда он написал вводную статью к первому русскому переводу ее подлинника»¹³⁰.

---

¹²⁹ А.Б.Удодов в цитированной монографии приводит реальный список книг, прочитанных будущим писателем в тот период, о котором свидетельствует Амйн ал-Грайиб: Удодов А.Б. Указ. соч. С. 19-20. Список этот достаточно объемный, включает произведения как русской, так и европейской литературы.

¹³⁰ Крачковский И.Ю. Арабская литература и арабы в произведениях Горького // Известия академии наук Союза ССР. 1946, т. V, вып. 1. – С.47.

Легенда, описанная в статье «Максим Горький – горький писатель», интересна отражением двух мыслей. Первая говорит о том, что арабам как-то невольно хочется думать, что великий писатель связан с ними не только отвлеченно, своим гуманизмом, объемлющим все народы Запада и Востока, но и непосредственным влиянием восточной культуры. Вторая использует реальный факт горьковской биографии. Несмотря на то, что, арабская литература не стояла для М.Горького на первом месте, писатель внимательно следил за немногими вышедшими при нем изданиями произведений арабской литературы и особенно настаивал на необходимости перевода Корана и «1001 ночи» издательством «Всемирная литература», основанным им в 1919 году в Петрограде. Этот факт был особенно отмечен арабскими авторами как свидетельствующий об интересе писателя к культуре Востока. Таким образом, «восточная» легенда некоторым образом соприкасалась с действительностью.

Но было и немало других работ о Горьком, в которых было представлено значительное количество фактических данных о писателе, а также дана справедливая оценка основных его работ. В пример можно напомнить о номере журнала «Ат-Талиа» за август-сентябрь 1936 г., посвященном Горькому. Достаточно обстоятельная биография Горького подписана редакцией, дает значительное количество фактических данных, краткую характеристику его основных произведений и культурно-просветительных начинаний, в которых он играл организующую роль или принимал участие.¹³¹ Описанная в статье биография писателя обнаруживает несомненное знакомство с советскими материалами, быть может, не на русском языке, но, во всяком случае, передает их с большой точностью. В конце приводится характеристика Горького на основе слов Молотова: Горький как «славный боец своего класса посвятил свою жизнь и произведения на счастье всем рабочим и на сокрушение врагов класса

---

¹³¹ Ат-Талиа, II, 1936, № 6—7, стр. 548—555: سيرة مكسيم غوركي

трудящихся». В целом можно отметить, что специальный, посвященный Горькому номер «Ат-Талиа» крупный и по существу правильный шаг в ознакомлении с его творчеством арабских читателей. Если же вспомнить политические обстоятельства в те годы в арабских странах, то выпуск такого сборника нельзя не признать гражданским подвигом.

Приблизительно такой же характер носит большая статья известного писателя Селима Хаййаты (سليمان خياط) «Максим Горький — символ борьбы социализма и его победы».¹³² Она также обнаруживает знакомство автора с советскими материалами, но меньше останавливается на конкретных фактах, развивая общие публицистические суждения, иногда с излишним риторизмом. О содержании ее могут дать представление отдельные заголовки, на которые она разбита и которые характеризуют основные темы автора: «Писатель народа, писатель всего человечества», «Последний из русских классиков и основатель социалистической литературы», «Воин социалистического отечества», «Символ различия между двумя мирами», «Человек, который умер счастливым». Но в целом статья написана с несомненным литературным дарованием.

Еще одна статья, о которой хочется сказать, принадлежит Раифу Хури, переводчику одного отрывка из повести «Мать» и носит название «Горький, которого утратило человечество»¹³³. В ней автор замечает, что именно арабским странам следовало бы глубоко и основательно познакомиться с творчеством великого русского писателя Максима Горького. По его мнению, Горький – писатель, который «принадлежит всем несчастным и угнетенным на всей поверхности этой земли и вдоль и поперек – то есть подавляющему большинству человечества». Писатели арабских стран должны серьезно изучить его произведения, получив таким образом

---

¹³² Там же, стр. 556—566: مكسيم غوركي عنوان جهاد الاشتراكية وانتصارها

¹³³ Ат-Талиа, II, 1936, № 6—7, стр. 614—622: غوركي الذي فقدته الانسانية

урок на тему: кто такой писатель, какова его роль, которую он играет в жизни своего народа и в жизни всего человечества. Именно поэтому Раиф Хури и решил в меру своих возможностей познакомить читателей с Горьким. Самой подходящей и объемлющей характеристикой для него как писателя он считает образ революционера. Последняя фраза статьи звучит так: «Да, в Горьком урок для писателей арабских стран!».

Можно сказать, что арабские переводы произведений М.Горького перед второй мировой войной вносили новые краски в писательский облик, создаваемый арабской литературой. Именно тогда закладывались основания глубоко личного отношения многих арабских писателей к Горькому, не только как к основоположнику пролетарской литературы.

Новый период в освоении наследия писателя начался в 1940-е годы, когда интерес к нему вспыхнул заново. Список переводчиков Горького пополнился именами Ханна Мины (حنا مينه), Лияна Дейрани (ليان ديراني), Джаляля Фарук Аль-Шарифа (جلال فاروق الشريف) и др.

Ханна Мина (حنا مينه) – сирийский писатель, публицист, в творчестве которого впервые в арабской литературе проявились особенности доктрины социалистического реализма. Его перу принадлежит около 30 романов. Произведения Горького для Ханна Мины стали источником вдохновения, поэтому сравнение произведений великого русского писателя и произведений Ханы Мина не случайно.

Ханна Мина не скрывает своего восхищения русским писателем Горьким. Он говорит об этом в одной из своих статей, отмечая то несомненное влияние, которое оказал на него русский писатель, особенно на раннее творчество: «Я находился под влиянием М. Горького, когда писал свои первые короткие сказки, опубликованные в газетах в сороковые годы. Можно сказать, что и на мой первый роман “Остатки изображений” повлиял горьковский стиль».

В книге Ханна Мина «Назым Хикмат и другие литературные и интеллектуальные вопросы»¹³⁴ есть глава под названием «Горький и люди», написанная им в апреле 1968 года. Сирийский писатель закончил эту главу фразой, выражающей его общий взгляд на личность и творчество выдающегося русского писателя: «Аллах! О Аллах! Дай и нашему мучительному миру такого человека!»¹³⁵

Интересно, что при переработке главы для книги «Как я взялся за перо?»¹³⁶, Ханна Мина эту фразу удаляет. Но, несмотря на это, было бы неправильно обходить вниманием эту просьбу-восклицание. Кроме этого, Ханна Мина говорит: «Самые смелые, самые лучшие надежды и ожидания Горького должны сбыться, ведь его произведения способствуют строительству новой жизни. Горький останется жив в сердце человечества».

Мы считаем, что одержимость сирийского писателя творчеством Горького была следствием принятия того идеала жизни, который проповедовал русский писатель в своем творчестве. В его произведениях Ханна Мина искал и находил сходство со своей жизнью. В творчестве Горького раскрывается образ человека, прошедшего сложную школу жизни, победившего нищету, бездомность, ставшего политически активным и влиятельным человеком, а также известным писателем.

Чтение произведений М. Горького укрепило восхождение Ханна Мина от нищеты к славе. Судьбы русского и сирийского писателя были схожи. Они оба пережили трудное детство, бедность, беспризорность. И Максим Горький, и Ханна Мина бросили школу в раннем возрасте, чтобы заработать себе на жизнь и работали в различных местах. Также они

---

¹³⁴ Ханна Мина. Назым Хикмет и другие литературные и интеллектуальные вопросы. Дамаск: Министерство культуры Сирии, 1971.

¹³⁵ Там же. Стр. 202.– Перевод автора диссертации.

¹³⁶ Ханна Мина. Как я взялся за перо? – Дамаск: изд. Дар аль - Адаб, 1986.

пережили период социальных и политических конфликтов, во время которых сумели познакомиться с интеллектуальной средой, смогли раскрыть себя как активные политические деятели и художники слова.

Важным этапом на пути становления Ханна Мина как личности, по нашему мнению, стало как раз следование биографическому мифу М.Горького, в котором он нашел так много общего со своей судьбой. Поэтому мы считаем, что фразу с просьбой к Аллаху при переиздании главы «Горький и люди» Ханна Мина удалил, так как стал самого себя считать Горьким в арабском варианте.

Ханна Мина так говорил о своей трилогии («Остатки изображений», «Болото», «Урожай»): «Я заметил, что некоторые факты из моего детства постепенно уходят из памяти, поэтому я решил приступить к этой работе, чтобы в ней собрать факты и картинки из прошлого. С одной стороны, это автобиография, с другой, нет. В ней я изобразил свой взгляд на некоторые вещи, как я их понял, или же, как услышал потом от моего отца и моих родственников. Я постарался все это синтезировать, стараясь не восстанавливать события в их хронологической точности и цельности, но, скорее, переосмыслить их»¹³⁷.

Таким образом, трилогия сирийского писателя требует двухуровневого чтения: на уровне собственной биографии и на уровне соотнесения ее с мифом о М.Горьком как человеке, себя создавшем вопреки жизненным обстоятельствам. В этом состоит разница между горьковским «Детством» и трилогией сирийского писателя: произведение Горького творит миф из его собственной биографии, трилогия Ханна следует заданному образцу.

---

¹³⁷ Ханна Мина. Тревоги писательского опыта. Дамаск : Дар аль – Адаб, 1982. С. 12. – Перевод автора диссертации.

Задачей Горького в «Детстве» было восстановление образа себя в прошлом, восстановление образа простого русского народа в предреволюционные годы в целом. Так же, как и Горький, Ханна Мина изобразил историю своей семьи, простых сирийцев. Он говорит об этом так: «Я написал роман “Остатки изображений”, чтобы показать глазами ребенка 3–8 лет жизнь семьи в двадцатые годы XX века, с её невежеством и нищетой<...>».¹³⁸

Но главное отличие в осуществлении этих двух проектов, по нашему мнению, состоит в том, что именно выбирают авторы предметом изображения. Горький сосредотачивается на объективном показе фактов, событий, людей, а также идей, принадлежащих миру романа. У Ханна Мина в центре художественного мира романа – элементы сознания писателя, психологические и эмоциональные. В качестве примера можно привести связанную с персонажем Файез аш-Шула сцену гравировки имени Ленина на деревьях общественного парка в городе Искендеруне, а также демонстрацию профсоюзов во главе с Файез аш-Шула «против французов, безработицы, голода», и другие сцены романа.

События, о которых Ханна Мина рассказывает в своем романе «Болото», приходились на 1936-1937 годы, поэтому вряд ли можно говорить о том, что имя Ленина могло в то время иметь особенное влияние, особенно в условиях всеобщей неграмотности. Ханна Мина выбрал имя Файез аш-Шула для главного героя романа «Болото», потому что аш-Шула значит «искра». Так назывался первый журнал, созданный Лениным в 1902 году. Первая часть имени «Файез» означает «победить». Это связано с тем, что писатель придерживался ленинской идеологии, когда он писал роман.

Горький же избегал таких общественных проекций на персонажей своей автобиографии. Автобиография Горького «Детство» начинается со

---

¹³⁸ Там же. С. 13. – Перевод автора диссертации.

сцены, в которой трехлетний ребенок видит мертвого отца. Сходным образом начинается роман Ханна Мина: трехлетний мальчик наблюдает за тем, как его больного стенокардией отца забирают из дома. Две эти картины объединяются темой сиротства, враждебного мира, в котором предстоит выживать ребенку. Ханна Мина использует свойственную Горькому художественную технику, чтобы объединить все три части в единое целое (а также отдельные главы внутри частей). Эта техника проявлялась в переключке последней фразы предыдущей главы и первой фразы последующей.

Интересно, что две автобиографии сближает и огромная близость формальной структуры. Так, например, они начинаются с того момента, как главные герои меняют место жительства (герой Горького после смерти отца переезжает из Астрахани в Нижний Новгород, а Ханна из Латакии в Суваидии).

Образ бабушки у Горького и образ матери у Ханна играют важную роль во взрослении маленьких героев, в становлении их взглядов на жизнь, людей и Бога. Они рассказывают детям религиозные истории, притчи и разные случаи из жизни, которые учат их противостоять суровости жизни, быть терпимыми с другими людьми, преодолевать свою ненависть и гнев. Интересно обратить внимание на сходство в оценке нравственных постулатов персонажей. У Ханна Мины, как и у Горького, проводится параллель между религиозностью матери и отца (у Горького – бабушки и дедушки).

Бог в представлении дедушки Горького очень жестокий, он внушает ужас, страх. Отец Ханна Мины также часто обращается к Богу для того, чтобы оправдывать свои неудачи в жизни. Например, он всегда говорит жене: «Это суд Божий». Он обращается к Богу только тогда, когда ему что-то от него нужно. В качестве примера можно привести сцену из романа «Остатки изображений», в которой отец молится напротив двух пакетов с

семенами шелковичных червей: «Мы в первый раз видим его молящимся»¹³⁹. Горький же говорит о своей бабушке: «Говоря о Боге, рае, ангелах, она становилась маленькой и кроткой, лицо ее молодело, влажные глаза струили особенно теплый свет»¹⁴⁰.

В романе "Болото" Ханна Мина так вспоминает свою мать: «Образ Бога не отличается в моем сознании от образа матери, он был, как она, добрым, тонким, прозрачным и светящимся».¹⁴¹ Этот образ перекликается с образом бабушки у Горького.

Одинаково восприятие юными героями произведений Ханы и Горького отношений между матерью и отцом, дедушкой и бабушкой. Это смешанные чувства благоговения, отвращения и ненависти, зачастую дополненные жалостью. Ненависть появляется, когда мужчина поднимает руку на женщину. В нескольких значимых эпизодах этих произведений показано, как наполняется сердце маленького человека негодованием по отношению к нападающему и жалостью к жертвам насилия, матери или бабушке.

Мы также находим в обеих автобиографиях сходные описания первых любовных опытов героев, посещения публичного дома и того, какие противоречивые чувства у героев это вызывает. Молодые люди пошли туда ради любопытства с друзьями. Герои чувствуют скуку и отвращение, с которыми смешиваются чувство волнения и вины.

В другом эпизоде Ханна Мина рассказывает о том, как в детстве он копался в мусоре, чтобы найти там что-то и принести домой или же

---

¹³⁹ Ханна Мина. Остатки изображений. – Дамаск, (изд. Дар аль- Аадаб) 1975. С. 145.

¹⁴⁰ Горький М. Детство // М.Горький. Т.15. С. 53.

¹⁴¹ Ханна Мина. Болото.– Дамаск: Министерство культуры, 1975.– С. 5.

продать.¹⁴² Это отсылает нас к горьковской повести «Детство», в которой описывается подобная ситуация (см. гл XV)

Важное место в автобиографии Ханна занимает и описание первой любви главного героя в тот момент времени, когда он работал бухгалтером в кафе. «Для меня она была настоящей королевой красоты, она была горда и неприступна», – вспоминает Ханна.¹⁴³ М.Горький рассказывает подобную историю в повести «В людях» о «королеве Марго» своего героя. Обе истории любви молодых людей заканчивается сходным образом.

Таким образом, мы можем говорить об особенной форме литературной интертекстуальности, которая выражается в том, что можно найти явный отзвук горьковских произведений в текстах Ханна Мина. Например, в романе «Болото», когда Ханна говорит о сложности политической борьбы в обстановке полного невежества и неграмотности, он цитирует украинца Ромася из «Моих университетов». Ханна так пишет об этом: «Уже по прошествии многих лет после прочтения «Моих университетов» Максима Горького, я наконец понял, как украинский Ромась, революционный борец, страдал в царской эпохе, прежде всего, из-за крестьян, которых попытался воспитать».¹⁴⁴

Такие персонажи Ханна Мина, как Файез аш- Шула, Абда Хусни, Асбино были вдохновлены персонажами Горького, и их роль в трилогии одинакова: они политически активные деятели, революционные борцы.

Писатель Ханна Мина шел по пути Горького в изображении мира простого человека, живущего «на дне общества». Он старался отразить жизнь бедняков, безработных, вынужденных голодать и воровать. Описание буржуазного класса у таких прогрессивных арабских писателей, как Ханна Мина, Мауахиб аль-Каяли (مواهب الكيالي) и Саид Хуранья, Лиян Дейрани,

---

¹⁴² Там же. С. 139.

¹⁴³ Там же. С. 420.

¹⁴⁴ Там же. С. 266.

очень сходно с описаниями жестокости и бесчеловечности «хозяев жизни» по отношению к беднякам из произведений Горького.

Горьковские традиции можно проследить в таких рассказах Ханна Мины, как «Синие лампы» и «Солнце в облачный день». Ханна Мина не только развивал темы из произведений Горького в своем творчестве, переосмысливая их уже с точки зрения арабского опыта, но и делал все, от него зависящее, чтобы познакомить арабских читателей с жизнью и творчеством русского писателя через переводы некоторых его произведений на арабский язык.¹⁴⁵

Переводами Горького на арабский язык занимался и другой сирийский писатель, родившийся в Дамаске – Джаляль Фарук Аль-Шариф. Он работал в сфере образования и прессы: был главным редактором газеты «Единство» и журнала «Литературная позиция», а еще принимал участие в создании газеты «Тишрин» (?). Также он основал газеты «Аль-Таура» (?) и «Аль-Баас»(?). Он писал статьи в газеты и журналы, в которых атаковал западную империалистическую политику, выступающую против стремления народа к единству и свободе. Джаляль Фарук Аль-Шариф в своих статьях поддерживал борьбу народов за свою независимость и призывал к созданию интеллигенции, призванной воспитывать массы в целях изменения горькой реальности забитых классов народа. В 1952 году в Дамаске им было опубликовано «Интервью с Максимом Горьким»¹⁴⁶, а также – «Переписка Горького и Чехова»¹⁴⁷.

Литературное творчество Максима Горького оказало влияние и на иракского романиста Гаиба Тумы Фурмана (غائب طعمة فرمان). Влияние повести «В людях» Горького ясно отражено в рассказе Фурмана «Образ», в котором

---

¹⁴⁵ Ридван Заза. Ханна Мина и Горький //www.startimes.com/f.aspx?t=11542050.– Дата обращения – 14.01.2012. Перевод автора диссертации.

¹⁴⁶ Изд. Дар Аль Руад – Дамаск, 1952.

¹⁴⁷ Изд. Дар Аль- Якада Аль- Арабийя, Дамаск, 1 I, 1953 - 2 I, 1981.

представлен герой-студент, страдающий от нищеты и отчуждения, но имеющий большое желание учиться и развиваться. «Я помню, как читал роман “В людях” Максима Горького. Конечно, я не помню имя переводчика этой книги, я думаю, что это был Абдулом Маджид. Я помню, как читал Алексея Толстого, перевод его романа "Петр I". Эти книги запали мне в душу, и до сих пор мои первые впечатления о них еще остаются в моей памяти», – писал Фурман.¹⁴⁸

Фурман упоминает Горького и других иностранных писателей в своем втором романе «Пять голосов». Гаиб Тума Фурман (1927 - 1990) работал не только как писатель, но и как переводчик. Он перевел около тридцати книг разных авторов и выиграл престижную награду за свои труды в этой области. Среди его переводов и сборник рассказов М.Горького.

Известным переводчиком сочинений Горького на арабский язык является уже упоминаемый нами ливанский писатель-рассказчик Лиян Дейрани. В образе главного героя одного из его рассказов прослеживается много общего с героем горьковской пьесы «Мещане».

Обращение к драматургии М.Горького нельзя считать случайным, т.к. влияние русской драматургии всегда было активным, особенно влияние А.Чехова. Изучению этого влияния посвящены работы многих исследователей¹⁴⁹. Внимание к драматургии М.Горького тоже значительно. Оно связано и с возможностью театра воздействовать на зрителя, и с особенностями обстановки в арабском мире.

В арабских странах были популярны пьесы М.Горького об интеллигенции. «Горький через эти пьесы резко разоблачал буржуазных

---

¹⁴⁸ <http://iraqiwriter.com/iraqiwriter/august/august..2001010.htm>. Дата обращения – 14.01.2012. – Перевод автора диссертации.

¹⁴⁹ Сошлемся на недавнюю работу российского и арабского исследователей: Ларионова М.Ч., А.Я.Аббас Хилми. Путь творчества А.П.Чехова к арабскому читателю: Историко-литературный обзор // Вестник Южного научного центра. – 2014. – Т.10.– № 1.– С. 99-104.

интеллектуалов, которые отделились от общества и посвятили себя устройству личного благополучия, стали послушными слугами капиталистов», – пишет арабский исследователь Джалиль Камаль аль- Дин¹⁵⁰, по сути дела разделяя восприятие этих пьес в России.

Революционные идеи и их распространение в русском обществе впервые десятилетия XX века вызвали к жизни горьковскую драматургию, в которой он поставил и вопрос о роли интеллигенции в этом процессе. «Мещане», «Дачники», «Варвары» – это не только название пьес, но горьковская позиция по отношению к своим героям. Горький обвинял интеллигенцию в том, она не помогала обществу стать настоящими людьми, отстаивать свои принципы. Поэтому они «мещане», «дачники», бесполезные люди.

Петр, герой пьесы «Мещане», участвовал когда-то в студенческих волнениях, а сейчас он прокликает свое прошлое, мечтает о спокойной жизни. Он сказал, что дьявол соблазнил его участвовать в демонстрации, потому что он поступил в университете для учебы. Разоблачает себя и инженер Суслов в пьесе «Дачники», когда говорит о себе и таких людях, как он, что они хотят только хорошо кушать и спокойно жить. Это их психология.

Разоблачая интеллигенцию, отвернувшуюся от революции, Горький противопоставил ей революционного рабочего Нила («Мещане»). Это очень важно, что Нил рабочий. Он чувствует кровное родство с народом, готов отдать ему все свои силы ума и сердца.

---

¹⁵⁰ Джалиль Камаль аль- Дин. Горький. Бейрут: Изд. аль- Муасаса аль- Арабия лиль Дирасат валь Нашр, 1975. С. 47 – 48.

Под влиянием горьковских идей иракский драматург Касим Мухаммед¹⁵¹ написал пьесу «Души» (арабское назв.) в 1973г. в ней заметны переключки с пьесой М. Горького «Мещане», но Касим Мухаммед написал ее на иракском материале. Он говорит о своем герое так: «Мой герой – это современный арабский интеллеktуал и революционер. Он один из немногих, кто почувствовал ухудшение своей эпохи, он говорит не только о политическом положении, но видит его результаты в интеллектуальном ухудшении общества»¹⁵².

Пьеса М.Горького «На дне» так же была замечена арабскими исследователями. Абдуль Халим аль-Бишлави писал в предисловии к публикации пьесы в Каире: «Вот это «Дно», о котором написал Горький в пьесе. Он не получил материалы об этом «дне» из его чтения, обследования или просмотров, он сам жил на этом «дне», испытал его горечь. ... Эта пьеса отличается “реализмом сердца”, который возникает из чувства и духа. В этой пьесе не замечаем мастерства, ее плана, особенностей сюжета и конфликта и т.д. Мы видим в ней жизнь или часть жизни, показанной без жестокостей или желания украсить ее. Здесь мы не найдем “психологического реализма” великого норвежского писателя Ибсена, как в его пьесе “Дикая утка” или в финале пьесы “Кукольный дом”, когда Нора уезжает из дома, потому что муж был к ней несправедлив и не признал ее прав матери и жены. Не найдем мы здесь и “психологического реализма”, Бернарда Шоу, в пьесе которого “Вступление в брак”, состоящей в обсуждении и обмене идеями. Нет, Горький не знал такого

---

¹⁵¹ Касим Мухаммед (1936-1997) – иракский художник и драматург, написал многие пьесы и сыграл важную роль в развитии иракского театра. Он учился в Москве, вернулся в Ирак в 1971 г. Революционно настроенный драматург откликнулся на все события своего времени – на бомбежки Палестины, события на Кубе, во Вьетнаме и др.

¹⁵² аль- Синама валь- Масрах (Кино и Театр) 1974 , العدد 74, –.السينما والمسرح, 1974.– № 10. Перевод автора диссертации.

“психологического реализма”. Реализм или “натура” Горького – это крик из глубин его сердца во имя миллионов людей угнетенного народа»¹⁵³.

И далее Абдуль Халим аль-Бишлави о новизне реализма горьковской пьесы, которая, с его точки зрения, необходима его современности: «Это сердечный реализм и эмоциональная честность, лучшая характеристика для пьесы “На дне”, чем приверженность традиционной драме. Кроме того, ее персонажи очень ясные и живые, их поведение предсказуемо, в нем нет противоречий. Мы видим на сцене реальную жизнь людей. Видим группу из наших братьев в человечестве, которые живут и страдают из таких ужасных условиях во всех странах мира. И это призыв к будущей революции против всех угнетателей.

Одним словом, Горький поднимал реализм до высокого уровня, чтобы прославлять человека и любить человечество»¹⁵⁴.

Мухаммед Мандур (محمد مندور)¹⁵⁵ так же считал, что театр Горького – продолжение театра Чехова, но с одной разницей, что это ясный революционный взгляд, потому что Горький был свидетелем революции 1905 г., отразил бушующий революционный дух русского народа.

Безусловно, в такой позиции критиков легко ощутимо влияние того восприятия пьесы, которое сложилось в России еще до революции, а потом было поддержано в советской концепции,

Таким образом, можно с полной уверенностью сказать, что в XX веке Горький вошел в общий круг мировых писателей, знакомых арабам не только по имени. К нему обращались и из его сокровищницы черпали не реже, а может быть, и чаще, чем у других.

---

¹⁵³ Введение к переводу пьесы «На дне» М. Горького. Абдуль Халим аль- Бишлави Каир: изд. Мактабат Маср, 1962. – Перевод автора диссертации.

¹⁵⁴ Там же. Перевод автора диссертации.

¹⁵⁵ Египетский писатель, журналист, литературный критик и лингвист (1907 – 1965).

**Глава 3. Творчество М.Горького в восприятии арабских писателей XX
века. Роман «Мать»: переводы, влияние, истолкование.**

3.1. История публикации произведений М.Горького в арабских странах

Проблему ознакомления арабов с русской литературой, в частности с творчеством Максима Горького, подробно рассматривает советский арабист, член Российской академии наук и один из создателей школы советской арабистики И.Ю.Крачковский в книге «Горький и арабская литература»¹⁵⁶.

Многие прогрессивные идеи западной культуры, выраженные в художественной форме, становились предметом осмысления, в частности, иракских писателей со значительным опозданием. Другой чертой иракской литературы, сохранявшей актуальность до середины прошлого века, является почти прямолинейная публицистичность. Эта особенность свойственна творчеству первого иракского писателя, обратившегося к жанру рассказа и повести, Махмуда Ахмеда ас-Сейида (например, его повести «Джалял Халед»)¹⁵⁷. Можно подобрать еще немало примеров, подтверждающих публицистичность молодой иракской прозы, во многих случаях идущую даже в ущерб её художественности.

В исследованиях Б.Чукова¹⁵⁸, О.Бибиковой¹⁵⁹ обсуждаются присутствующие в иракской прозе чеховские мотивы, изредка встречаются упоминания о влиянии на иракских прозаиков стилистики Д.Фонвизина и И.Бунина.

Однако наиболее явственно в рассказах и повестях арабских писателей обнаруживается благотворное влияние художественного метода М.Горького. Достаточно перечислить имена крупнейших авторов, которые ссылались на русскую классику как на источник идей и образов из сферы повседневности, чтобы представить степень влияния русской традиции нравоописания на литературу арабов: Нагиб (Наджиб) Махфуз (نجيب محفوظ), Мухсен аль-Рамли (محسن الرملي), Тауфик Юсеф Аввад (توفيق يوسف عواد), Абд-ар-Рахман Муниф (عبد الرحمن منيف), Гассан Канафани (غسان كنفاني), Али Окля

---

¹⁵⁶ Крачковский И.Ю. Избр. соч. Т. III. М.-Л.: АН СССР. 1956. С.270-291.

¹⁵⁷ См. об этом: Махмуд Ахмед Ас-Сейид, Джалял Халед, изд. Дар ас-Салям, Багдад, 1928.

¹⁵⁸ Б. Чуков. Рассказ «Деревенский кентавр» (1973). Автор: Мехди Иса Ас-Сакр // Иностранная литература. – №6 – 1980.

¹⁵⁹ О. Бибилова. Арабы. Историко-этнографические очерки. М.: АСТ, 2008. 444

Орсан (علي عقلة عرسان), Тахер Бенджеллун (طاهر بن جلون), Эмиль Хабиби (اميل حبيبي), Абд ал-Азиз ал-Макалех (عبد العزيز المقالح), Махмуд Дарвиш (محمود درويش), Дрис Шрайби (ادريس الشرايبي) и многие другие.

По степени воздействия на иракскую литературу среди русских писателей М.Горький занимает одно из первых мест. В конце 1920-30-х годов, когда арабская художественная проза еще делала первые шаги, иракские литераторы стали переводить Горького на арабский язык. И это не было случайным явлением. С чем же был связан интерес арабов именно к творчеству Горького?

Причины того, почему именно творчество Горького оказало наиболее сильное воздействие на иракскую литературу, Б.Чуков объясняет так: «Иракские писатели-реалисты всегда концентрировали своё внимание на конфликте человека и общественных условий. Поэтому интерес к творчеству Горького в Ираке не ослабевал, и ссылки на произведения писателя, восторженные отзывы о нём часто встречаются в иракской беллетристике и литературной периодике»¹⁶⁰. Важно обратить внимание и на другое замечание исследователя: «...Образы, идеи и поэтика русского писателя стали оказывать непосредственное либо косвенное воздействие на иракскую литературу лишь с начала 50-х годов. <...> В стране постепенно назревала революционная ситуация. Иракские писатели начинали “создавать героическое”. Сама действительность настойчиво требовала от них моделирования образа нового человека, вовлечённого в сознательную революционную борьбу»¹⁶¹.

История горьковских переводов подтверждает мысль Б.Чукова. Именно революционные произведения М.Горького оказывались в центре внимания арабских переводчиков. Создание в Ираке тех лет крупных нефтедобывающих предприятий, принадлежавших иностранному

---

¹⁶⁰ Чуков Б. В. Иракская художественная проза и русская литература // Народы Азии и Африки. – 1975. – № 6 – С. 103.

¹⁶¹ Там же. С.104.

капиталу, стимулировало рост рабочего класса, но и порождало забастовочную борьбу. В этой связи прогрессивные круги иракского общества обратили внимание на горьковские произведения, отразившие революционные настроения пролетариата, его социальное положение, а также психологию и революционные настроения русского общества в целом.

Уже долгие годы интеллигентные читатели Ирака, Сирии, Ливана, Палестины и других арабских стран читают прозу М. Горького. Так, еще в начале XX в. были переведены И.Ш. Фарраджем, Абд-аль Моэном Малухи (عبد المعين الملوحي) и С.Кобейном его рассказы (Дамаск и Каир, 1906 и 1907). Наиболее популярны «Челкаш» и «Соловей» (оба – 1895)¹⁶².

После Второй мировой войны известные сирийцы и ливанцы инициировали новую волну интереса к писателю со стороны арабских издателей, издав двухтомник его произведений в переводе Шаабана Бахиджа. Братья Фуад и Сухайл Ауйуб, Хана Мина и другие литераторы популяризировали творчество русского классика в статьях и своих произведениях. Появились новые редакции романа «Мать», переведенные горьковские статьи. Особенно известны в странах Арабского Востока статья «Еврейский вопрос» и книга «Избранное из новых мыслей русского писателя Максима Горького» (1936). Был выпущен в свет пятитомник произведений Горького в переводах братьев Айуб (Дамаск, 1954).

Действительно, можно говорить о длительном и стабильном воздействии М. Горького на творчество самых разных арабских писателей не только из Ирака, но и из Сирии и Ливана. Однако знакомство простых читателей в арабских странах с русским писателем Максимом Горьким произошло не сразу. Понадобилось время для того, чтобы общественное

---

¹⁶² «Набросок» (горьковское обозначение) «Соловей» не принадлежит к числу популярных рассказов писателя в России. В нем намечены излюбленные горьковские темы об истине и лжи в жизни и в искусстве: «Знать истину – не особенно большое удовольствие, когда обман красивее ее...» // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. В 25 т. Т.2. – М.: Наука, 1969.- С 575. В дальнейшем все произведения М.Горького цитируются по этому изданию с указанием тома и стр. в тексте работы в круглых скобках.

сознание арабских стран смогло адекватно воспринять творчество писателя из другой страны, из другой культуры. Однако характерно, что первые переводчики выбирали современные им произведения писателя, стремясь показать своим соплеменникам творчество Горького дореволюционного периода.

В истории переводов произведений Горького на арабский язык можно выделить несколько этапов: 1). С 1907 г. по 1914 г. (начало первой мировой войны) 2). Конец 1920-х гг. – начало 1930-х гг. 3). 1930-е годы – начало XXI вв. Столь неравномерный охват времени в каждом отдельном случае объясняется конкретными политическими причинами, складывающимися на арабском Востоке. Рассмотрим подробнее каждый из обозначенных периодов.

Период с 1907 г. до начала первой мировой войны характеризуется активизацией национально-освободительных процессов в арабских странах, о чем мы писали в первой главе. Первым переводчиком произведений Горького стал Селйм Коб'ейн¹⁶³, к этому времени покинувший родную Палестину и переселившийся в Египет. В Каире он, как и на родине, продолжал интенсивную деятельность педагога, журналиста и переводчика. Здесь в 1907 г. Коб'ейн выпустил небольшой сборник четырех произведений Горького с его портретом. Следует отметить важный момент: перевод осуществлялся Селймом Коб'ейном непосредственно с русского языка. Показателен уже сам выбор вещей для перевода: все они относятся ко времени известной американской поездки Горького в 1906 г. и входят в цикл «Мои интервью». Это – «Король, который высоко держит свое знамя», «Один из королей республики», «Прекрасная Франция», «О евреях».

Интересно отметить, что перевод Коб'ейна был сделан тогда, когда горьковский цикл был в центре внимания. В конце 1906 года в русской

---

¹⁶³ Селйм Кобейн: (1870 – 1951) – палестинский переводчик и писатель, работал журналистом и писателем в Египте, где выпускал некоторые газеты.

прессе появилось сообщение: «Максим Горький успел написать книгу в совершенно новом роде: это – ряд сатирических фельетонов в форме интервью с главнейшими силами политической реакции в России, Европе и Соединенных Штатах <...> “Интервью” Горького были прочитаны на днях на одном из вечеров парижской эмиграционной колонии. Как сообщают из Парижа, хохот в зале царил неудержимый»¹⁶⁴.

О том, что выбор текстов для перевода был особенно интересным для переводчика, говорит коротенькое, на двух страничках, предисловие, в котором он подчеркивает и актуальность тем, поднимаемых Горьким, и его сатирическое мастерство. К тому Коб'ейн же осознает и просветительское направление произведений глашатая русской революции и старается определить его значение для Востока. Оно очень типично для настроений арабской интеллигенции: «Максим Горький – человек наполовину восточный»¹⁶⁵. Свое творчество он посвятил теме реформ, борьбе с царской властью, уничтожению деспотизма, а также преодолению невежества своего народа, который был не знаком со своими правами и обязанностями. Я думаю, что мы, восточные люди, очень нуждаемся в ознакомлении с его речами и в руководствовании ими, потому что все мы стремимся к реформе. Мы поднялись после долгого унижения и стали искать пути реформирования. Поэтому восточное единение побудило меня перевести несколько статей великого русского реформатора и предложить их восточным людям вообще и египтянам в частности, потому что я нахожусь среди них: меня радует то, что радует их, так же как огорчает то, что огорчает их. Может быть, этой услугой я попаду в самую сердцевину

---

¹⁶⁴ Цит по: Горький М. Т.6. С.500-501.

¹⁶⁵ Возможно, это утверждение вызвано тем, что у М.Горького есть статья «Две души» (1915), в которой он писал: «У нас, русских, две души: одна – от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя <...> а рядом с этой бессильной душой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко...» //Горький М. Pro et Contra.– СПб.: РХГИ, 1997.– С. 100. Однако общий смысл статьи противоречит этому утверждению Коб'ейна.

истины, встречу интерес литераторов и их одобрение, которое даст мне энергию для передачи сочинений Максима Горького на арабском языке. Я прошу Аллаха, чтобы он помог нам, восточным людям, в том, в чем наша истинная польза, и направил нас всех на путь твердости и путь прямоты. Он слышит воззвание и ответит на призыв»¹⁶⁶.

В этом предисловии, конечно, даже не упомянуто слово «революция»: тогда условия цензуры в Египте были не таковы, чтобы о многом можно было писать открыто. Но та часть, где Коб'ейн говорит о Горьком в России, ясно показывает, как он представлял себе его роль в конкретной русской ситуации и какие уроки для Востока он считал нужным извлечь. В предисловии к очерку он уже не повторяет сказанного ранее о Горьком как о революционном писателе, а лишь говорит о его выдающемся значении для русской и арабской литературы.

Над этими произведениями Горького переводчик продолжал работать и далее. В 1929 году Селйм Коб'ейн выпускает в Каире собственный журнал «ал-Иха» («Братство»), в приложении к нему за этот год он перепечатывает свой перевод очерка Горького «Один из королей республики». В нем М.Горький так сатирически изобразил миллиардера, что в 1907 году книга, в которую входил очерк, была запрещена русской цензурой к распространению¹⁶⁷.

Еще один переводчик Горького, работавший примерно в это же время в качестве педагога в северносирийских школах, Антуан Баллан, учился в России. Как и Селйм Коб'ейн, он хорошо владел русским языком. В начале XX в. в различных провинциальных изданиях, особенно в газете «Хомс», названной по имени города, где он долго был преподавателем, Баллан поместил много рассказов не только русских, но также и

---

¹⁶⁶ Цит по: Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т.3. Стр.277.

¹⁶⁷ См. об этом: Горький М. Т.6. С.518.

западноевропейских писателей в переводе с русского языка. В 1913 г. по просьбе друзей он объединил свои переводы в сборник объемом около 200 страниц, который был напечатан в том же городе Хомсе. Состав сборника можно назвать случайным: вероятно, выбор переводчика зависел от попадавших в руки источников, в лучшем случае типа журнала «Нива», пользовавшегося большой популярностью среди читавших по-русски или побывавших в России арабов. Преобладающее место в сборнике отведено Л.Толстому (7 рассказов), А.Чехову (5) и Н.Лескову (3). Из иностранцев фигурируют Марк Твен (5) и Оскар Уайльд (1). Случайностью можно было бы считать появление в этом сборнике и перевода прозаической миниатюры Горького «Старик» (1906).

Горьковская миниатюра представляет собой притчу, иносказательный характер которой подтверждает главную горьковскую мысль о человеке-борце. Суть притчи, переведенной Балланом, в том, что человек – хозяин своей судьбы. Старик, заканчивающий свой земной путь, не жалуется на прожитую жизнь: «– Я жил прекрасно, я нашел свой путь, и некого мне благодарить за это. Прощайте!

Он спокойно пошел к закату дня своего.

А дети, смеясь и играя, побежали за ним»¹⁶⁸.

Примечание, которым сопровождает свой перевод Баллан, ясно показывает, что он хорошо отдает себе отчет в выборе материала для перевода. Его привлекла мудрость жизненной позиции, высказанной в этой притче-миниатюре, он увидел ее истинную революционность. Баллан пишет: «Горький как писатель ярко проявил себя в эпоху русской революции, он боролся ради поднятия со дна низшего класса своих соотечественников, так как был убежден, что среди них есть даже больше умных и глубоко

---

¹⁶⁸ Горький М. Т.6. С.320.

культурных людей, чем в высших классах. Я решил перевести что-нибудь из его произведений для ознакомления с ним читателей»¹⁶⁹.

Форма произведения, сжатость и точность горьковской мысли, высказанной в рассказе «Старик», привлекли внимание арабских читателей. Позже он был переведен вторично, более чем через 20 лет после первого перевода, уже в иной исторической обстановке.

Пример работы обоих ранних переводчиков Горького показывает, что они, оставаясь в условиях своего времени, тем не менее, хорошо чувствовали все отличие литературного облика Горького от предшествовавших ему писателей классического периода русской литературы. Оба они сделали особое ударение на его революционной идеологии, проходящей как основной стержень через все его творчество. Нельзя забывать, что в эту эпоху оба они были далеко от России и могли судить о ней только по информации, доходившей до них порой случайно. Но их заслуг как первых переводчиков произведений Горького с языка оригинала отрицать нельзя.

В 1913 г. создается перевод знаменитой «Песни о Соколе» (1895). Он появляется в новогоднем номере нью-йоркского журнала «ас-Са'их» («Путник») за 1914 г.,¹⁷⁰ одного из основных органов так называемой «сиро-американской» литературной школы. Перевод анонимен и представляет собой только самую песню, без традиционного для раннего М.Горького прозаического обрамления, вводящего рассказчика Рагима, старого крымского чабана. Не сохраняя ритмической формы оригинала (свободный стих), перевод достаточно близко и без всяких пропусков передает содержание подлинника. Связь подстрочника с русским оригиналом несомненна; это не удивительно, так как и редактор журнала 'Абд ал-Месйх Хаддад (عبد المحي حداد), и один из ближайших сотрудников Несйб Арйда (نسيب اريدا)

---

¹⁶⁹ Цит по: Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т.3. С.278 – 279.

¹⁷⁰ Ас-Са'их, 1 января 1914 г., стр. 7: الصقر الشجاع (= I,- 1933, стр. 171—175).

(عريضة) были выпускниками Назаретской учительской семинарии. Кому-нибудь из их же круга, вероятно, и принадлежал перевод.

В период до первой мировой войны Горького начинают переводить не только читающие по-русски. Среди таких переводчиков интересной фигурой является крупный писатель Фарах Антун (1861—1923), популяризатор произведений Ж.Э.Ренана, Ж. Симона, Л.Толстого. О широте его интересов говорит, например, перевод рассказа Горького «Мальва» (1897). В этом раннем горьковском рассказе не прямых революционных призывов, в центре стоит героиня, вызвавшая самое разное к себе отношение – от недоумения и восторга до цензурного запрещения. Русский критик Н.Михайловский сравнил Мальву с героинями Достоевского и увидел в ней отражение реальной жизненной среды, «где не стесняются в словах и жестах, поют откровенные песни, ругаются крепкими словами, походя дерутся и где поэтому известные душевные движения получают осязательное, почти животное выражение»¹⁷¹. Безусловно, переводчика в рассказе М.Горького заинтересовала нестандартная фигура героини и внимание Горького-реалиста к изображению среды.

С началом первой мировой войны кончился первый период знакомства арабов с Горьким, период количественно небогатый, но в некоторых отношениях очень важный и не похожий на последующий. Отметим несколько наиболее важных моментов:

1. Первые переводчики сразу признали в Горьком революционного писателя, защитника угнетенных классов. Выбранные ими произведения характеризовали главным образом эту сторону его творчества и должны были показать те выводы, которые может сделать из них Восток.

2. Важно и второе, хотя более внешнее обстоятельство: все переводчики были уроженцами одной страны – Сирии, все принадлежали к одной среде провинциальных учителей или журналистов.

---

¹⁷¹ Цит. по: Горький М. Т.3. С.587.

3. Наконец, почти все они основательно знали русский язык, а иногда были даже непосредственно знакомы с русской жизнью и всегда переводили произведения Горького с подлинника.

Во втором периоде знакомства арабского мира с творчеством М.Горького (конец 1920-х гг. – начало 1930-х гг.) переводы осуществлялись преимущественно с языков-посредников. Переводы русской литературы этих лет не ограничивались одним только Горьким, мы останавливаемся на нем как важной для нас в данном случае фигуре.

Сведения о дальнейших переводах Горького относятся только к концу 1920-х годов, главным образом после возвращения его в Советский Союз в 1928 г. Трудно предположить, чтобы за 15 лет совершенно ничего не переводилось, однако возможность этого исследователями не исключается.

Во втором этапе ознакомления арабов с произведениями Горького литературная гегемония переходит к Египту, что сильно меняет общую картину. Обращение к русским оригиналам исчезает почти совершенно, их заменяют главным образом французские, реже английские переводы-посредники. Революционность Горького как бы затушевывается тем, что он перестает считаться специфически русским писателем и переходит в разряд мировых. Появляется интерес ко всем его произведениям, без особого подчеркивания тех, которые имеют яркую революционную устремленность. Выбор становится более эклектичным и, на наш взгляд, иногда носит случайный характер. Переводятся, главным образом, рассказы дореволюционного периода. Только в 1930-е годы арабы доходят до перевода крупнейших произведений Горького. Это происходит в Сирии.

А пока в 1927 г. в Каире Фарадж Джебран (فرج جبران) выпускает сборник переводных рассказов. В состав его входят переводы произведений А.Доде, А. Франса, М. Прево и, как всегда, несколько анонимных произведений. Помимо французов, фигурирует здесь и Горький с рассказом «Болесь» (1897), озаглавленным здесь как «Болеслав».

Возвращение Горького в Советский Союз в 1928 г. вызвало, несомненно, новую вспышку интереса к нему, появились газетные и журнальные статьи не только в советской стране. С этого времени количество переводов растет: появляются переводчики, которые проявляют специальный интерес именно к произведениям Горького. Так, например, едва ли не наиболее интересной является статья С. Музы, помещенная в одном из самых популярных каирских литературных журналов «ал-Хилал» («Полумесяц») ¹⁷², – «Три русских писателя: Достоевский, Толстой, Горький». Автор статьи сразу подчеркивает, что Горький – человек революции, «великий пролетарий, который не забывает, что он был пролетарием». Поэтому и рассказы его – рассказы о простых людях, рабочих и крестьянах. Писатель с гневом взирает на социальный строй, вынуждающий людей к такой жизни. Автор статьи отмечает близкую связь Горького с революционерами, которые «считают его своим великим литературным вождем», и приводит о нем отзыв Кропоткина. Особую роль в становлении Горького С. Муса приписывает поездке в Америку. Статья заканчивается резюмирующей характеристикой всех трех писателей. Каждый из этих трех по-своему оригинален. Однако общим для них всех является искренность и то, что их литература тесно связана с жизнью.

Доктор ‘Абд ал-Фаттах ал-Кади (عبد الفتاح القاضي) в издаваемой им газете «Рух ал-‘аср» («Дух времени») в 1930 г. в очень короткий промежуток времени помещает перевод четырех рассказов Горького – «О чёрте» (1899), «Еще о чёрте» (1899), «Друзья детства», «Стачка в Неаполе 8 августа». Заглавия двух последних произведений изменены переводчиком. Так, последний рассказ, несомненно, из «Сказок об Италии» (1911), а третий, «Друзья детства», представляет, вероятно, перевод раннего рассказа «Товарищи» (1897).

---

¹⁷² Ал-Хилал, XXXVI, 1928, № 10, август, стр. 1184—1189: ثلاثة من ادباء الروس فيودر دستوفكسى ليون تولستوي غوركي Горькому посвящены стр. 1188—1189, портрет —.стр. 1195.

К середине 1930-х годов можно говорить о завершении второго периода ознакомления арабов с произведениями Горького. Во втором периоде, как мы видели, главную роль сыграл Египет. В переводах Горького принимали участие преимущественно писатели-профессионалы, по рождению принадлежавшие к 1890-м годам, по своему образованию связанные с Западной Европой, не только Францией или Англией, но даже и Германией. Они знали русский язык и литературу, но переводы осуществляли явно не с подлинника.

Выбор произведений Горького во второй период стал более разнообразным, но приобрел случайный характер и захватывал почти исключительно ранний, дореволюционный период его творчества.

В новом, третьем периоде, который можно считать продолжающимся и теперь, центр переводов Горького переходит опять в Сирию и Ливан. Руководящую роль взяли на себя возникшие здесь органы левого направления, иногда даже с ясно выраженными марксистскими тенденциями. Чаще они обнаруживали знакомство если не с Советским Союзом, то с советской печатью, однако едва ли непосредственно на русском языке. Симпатии их несомненны, излагаемые взгляды иногда звучат прямым отголоском того, что издавалось в СССР.

Горький в этот период рассматривается в арабском мире не только как революционный писатель и пропагандист. Особенно важно, что только теперь, в этом периоде, арабы начинают, хотя еще в отрывках, знакомиться с крупнейшими произведениями писателя. В эти годы (начиная с конца 1930-х гг.) появляются переводы ранее неизвестных произведений Горького, а также несколько серьезных статей, характеризующих его жизненный и творческий путь.

В 1932 г. в Бейруте начал выходить ежемесячный журнал «ад-Духур» («Эпохи») Издателями он характеризовался как «критический журнал по

литературе, науке и философии, издаваемый группой людей мысли»¹⁷³. Журнал обнаружил большой интерес к Советскому Союзу: в нем появились такие очерки, как «Религия в России», «Пресса в Стране Советов», «Советская Украина», некролог на смерть А. Луначарского, перевод некоторых статей И. Эренбурга и т. д. Из произведений М. Горького в том же 1934 г. был переведен заново под заглавием «Из картин жизни»¹⁷⁴ уже существовавший на арабском языке рассказ «Старик», который с 1913 г. был, очевидно, основательно забыт или просто остался неизвестным, так как первый перевод, о чем мы упоминали выше, появился в г. Хомсе – глухой, в смысле литературы, провинции. Работа нового переводчика рассказа Фу'ада Казана выполнена тщательно, но рассказ не сопровождался никакими пояснениями или отсылками к ранним переводам, хотя был, как и первый перевод А. Баллана, осуществлен с русского текста.

Больше всего для ознакомления арабов с творчеством М. Горького сделал другой аналогичный орган, возникший в Дамаске в 1935 г., «ат-Талиа» («Авангард»). Он называл себя органом «умственного освобождения» и свое внимание направлял в широкую гуманитарную область – в сторону науки, литературы и общественной жизни. Примечательно, что всего через несколько месяцев после смерти Горького журнал выпустил специальный двойной номер, половина которого посвящена ушедшему писателю¹⁷⁵, с его портретом на обложке и с эпитафией из речи Молотова, переданным по-арабски: «Советский Союз после смерти Горького стал беднее, чем был вчера». Вторую часть специального номера издатели посвятили происходившему в это время в Дамаске торжественному празднованию тысячелетия со дня смерти

---

¹⁷³ Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т.3. С.286.

¹⁷⁴ Ад-Духур, 1934, апрель, стр. 348-355: من صور الحياة للكاتب الروسي الأشهر مكسيم غوركي تعريب فؤاد قازان.

¹⁷⁵ Ат-Талиа, II, 1936, № 67, август-сентябрь, стр. 545-622.

знаменитого арабского поэта ал-Мутанаббй. Можно предположить, что это было сделано специально, чтобы подчеркнуть связь арабской традиции и современной мировой культуры.

Задачу свою – ознакомление арабских читателей с Горьким – редакторы сборника не ограничились переводом его произведений. Подзаголовок перечисляет те отделы, которые они хотели отразить: «Максим Горький. — Его биография. — Взгляды на жизнь. — Борьба на пути социализма. — Его гуманистическая литература. — Отрывки из его произведений. — Отзывы великих вождей мировой мысли о нем». Программа, как видим, широкая и показывает, насколько серьезно подходили составители к своей задаче.

Что касается других переводов произведений Горького, то можно сказать, что само количество переводчиков говорит о том, что в основе не мог лежать русский текст. Впервые мы встречаем здесь коллективный метод перевода, вероятно, объясняемый стремлением возможно скорее выполнить работу. Например, отрывки из повести «Мать» (1907) переведены четырьмя лицами.

Всего переведено пять отрывков, которым даны в арабском переводе следующие названия: «Переворот», «Бог, в которого мы верим», «Борец», «Первое мая», «Социалист на суде».¹⁷⁶ Они тоже сопровождаются краткими редакционными замечаниями, которые поясняют содержание переводимого текста и обозначают главную нить всей повести. Приблизительно такая же система использована при переводе отрывков из «Детства» (1913) Махмудом Сейф ад-дйн ал-Иранй: в несколько сокращенном виде даны части, рисующие обучение молитвам у Наташи, первая субботняя порка Алеши Пешкова, рассказы бабушки про Бога, смерть матери. Там же дан

---

¹⁷⁶ Стр. 581—592 الانقلاب (= VIII, 1933, стр. 39—46), перевод Раифа Хурй; стр. 593—596 الله الذى نؤمن به (= VIII, стр. 73—75), перевод 'Арифa ал-'Аззунй; стр. 596—598 المناضل (= VIII, стр. 131—133), перевод его же; стр. 598—610 اول ايار (= VIII, стр. 148—155), перевод Лийана Дейрани; стр. 610—613 شيوخى فى المحكمة (= VIII, стр. 284—286), перевод Халида Фахри Кутуруш.

перевод статьи из последнего периода творчества Горького: «О старом и новом человеке» (1932).

Сборник журнала «ат-Талиа» является, в сущности, единственным изданием, предложившим читателям значительное количество произведений Горького. Только теперь арабы имели возможность ознакомиться с двумя крупнейшими произведениями Горького – романом «Мать» и повестью «Детство» – пусть и не в целом виде, но все же в достаточно продуманном выборе отрывков.

И после этого «ат-Талиа» не прекращает своей деятельности по популяризации Горького на арабском Востоке. Уже в следующем номере печатается отрывок из «Исповеди» (1908) под названием «Народ чудотворец»¹⁷⁷ с очень характерным вводным замечанием редакции (или переводчика), подчеркивающим идеологическое значение повести: «В этом сильном отрывке из книги Горького “Исповедь сына народа” воплощается перед нами сердце писателя, переполненное любовью и прославлением народа. Перед нами предстает его глубокое убеждение в том, что народ может, если он объединится, сольет свою веру и чувство в единый поток и направит на определенную цель, – осуществить своей волей то, что мы считаем невозможным».

Произведение М. Горького «Исповедь» является одним из тех, в которых разрабатываются глубокие философские идеи о взаимосвязи между человеком и Богом и его отношения с духовенством и религией. В переводе на арабский оно появилось достаточно поздно¹⁷⁸. Переводчик Наофаль Ниоф(نوافل نيواف)¹⁷⁹, объясняя причины написания повести событиями в России

---

¹⁷⁷ Ат-Талиа, II, 1936, № 8, октябрь, стр. 705—713 الشعب صانع العجائب (= IX, 1933, стр. 144—148); переводчик Назир Зейтун.

¹⁷⁸ Горький М. Исповедь. Изд. Дар аль-Якада аль-Арабия, Сирия и Ливан, 1968. (перев. Назир Зейтун. Первый перевод повести был осуществлен им же в 1934 г., с французского языка); М. Горький. Исповедь. Дамаск: Изд. Дар аль-Таквин, 2008. (перев. Наофаль Ниоф, с русского языка).

¹⁷⁹ Наофаль Ниоф – сирийский поэт, родился в 1962 в Баняс, изучал русскую литературу в СССР.

после поражения 1905 года, говорит: «Царский режим усиливал контроль над культурными, политическими и социальными движениями в целом. Состоялись в этот период многие отзывы и интеллектуальные флуктуации, имели дело с философскими и идеологическими основами, в и которых русская интеллигенция пыталась обнаружить пригодность к местным условиям требованиям фазы разных и противоречие точек зрения»¹⁸⁰.

Переводчик в данном случае говорит о периоде идейной борьбы в русском социал-демократическом движении, о так называемом богоискательстве, увлечение которым М.Горький разделял с будущим советским наркомом А.В.Луначарским. Наофаль Ниоф переводит русский термин «богоискательство» как «ищущие Бога». Он считает, что повесть «Исповедь» отразила глубокий интеллектуальный и политический конфликт в левом движении России, видным деятелем которого был М.Горький. Будучи глубоким и вдумчивым мыслителем, считает Ниоф, М.Горький стремился распространять просвещение, чтобы сделать человека способным самостоятельно думать, принимать свободные решения. По мнению переводчика повести «Исповедь», писатель был «против церковников-шарлатанов и деспотов, которые обижали человека и во имя религии, и во имя власти». Не удивительно, что повесть «Исповедь» была воспринята в арабском мире не как часть русского общественного движения, а как призыв к духовной свободе в своих странах.

С помощью книги М.Горького Наофаль Ниоф стремился разбудить интеллектуальную и духовную жажду своих соотечественников. Так думал не он один. Идеи этой великой книги писателя, считал и Назир Зайтун, помогли многим молодым арабским читателям избавиться от мифов и традиций, в рамках которых они жили. Эти идеи для них, как солнце, пишет

---

¹⁸⁰ М. Горький. Исповедь. Дамаск: Изд. Дар аль-Таквин , 2008. (переведен. Наофалем Ниофом).

он, которое освещает путь к духовному и интеллектуальному освобождению¹⁸¹.

Эта цель представляется переводчику очень современной и своевременной, поэтому он обращается непосредственно к читателю: «Дорогие читатели, если вы слабы и трусливы, не можете бороться против дезинформации и лжи окружающей среды, не бойтесь получить травмы от мыслей Горького, потому что они, как скальпель хирурга, ампутируют только поврежденный орган. А если вы сильные и храбрые, хотите духовную интеграцию и правду, то этот роман укрепит и поднимет ваш энтузиазм и смелость, он откроет перед вами дорогу в небо и небесный свет, к людям, которые, как пророки, говорят правду.

«Мы выбрали эту повесть для перевода на арабский язык, предпочли ее романтическим и фантастическим романам, которые будят эмоции, но не онемелый ум и мышление, потому что мы как нация жили в темноте традиций и многолетних заблуждений, заражены токсинами предрассудков и находимся в тупике, контролируемые духовенством и властями, которые разрывают нас. Такой нации нужна интеллектуальная революция, которая уничтожит ограничения и возродит ее дух, чтобы стать настоящей нацией в этом мире»¹⁸².

Об этом же говорит Мухии аль- Дин аль-Дарвиш¹⁸³, автор вступительной статьи к переводу «Исповеди» Наофаля Ниофа 1968 года: «Арабская нация стала слабой, потому что некоторые люди из самозванцев и тиранов, захватили ее и лгали ей, чтобы контролировать силы народа. Наша нация находится между властью двух сил – духовенства, и власти. Эти две силы запятнали и уничтожили жизнь человека, поэтому народ должен восстановить свою волю и уничтожить традиционные кумиры

---

¹⁸¹ Горький М. Исповедь. Сирия – Ливан: Изд. Дар аль- Якада аль- Арабийя, 1968. Перев. Назира Зайтуна. Стр. 9.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Мухии аль- Дин аль-Дарвиш, сирийский поэт (1908 – 1988).

духовенства (во имя Бога) и тоже уничтожить власть феодальных лидеров и президентов (во имя власти и закона). Разве справедливо, что страдаем в жизни от того, чтобы Бог прославляется лицемерами и его именем выполняется несправедливый закон? Разве справедливо жить в унижении, чтобы прославлять колониализм в его различных формах?»¹⁸⁴.

Интересно отметить, что повесть «Исповедь», не самое известное произведение М.Горького на его родине, в арабском мире получило такой резонанс. Его популярность точно обозначает время обострения национального и религиозного противостояния.

«О народ! Твои предшественники разбили то, что строили идола их предшественников. Отказались от своих обычаев и традиций, чтобы очистить свои души от духовной грязи. Почему не отслеживаешь свои шаги и восстанешь в освобождении от контроля мифов, лжи и законов недобросовестных и слепых? <...>

Пора уничтожить идола, которые поработали и оскорбляли тебя... ты мастер Богов.

Настоящая смерть – это покорность политической и социальной несправедливости, настоящая жизнь – это интеллектуальная революция, которая спасает людей от невежества и унижения и восстановит свободу народа»¹⁸⁵.

Горький всегда привлекал арабских прогрессивных писателей, активных общественных деятелей точной и ясной позицией, не склонной к неоднозначности мыслей и слов. Сходную горьковскую позицию видят арабские критики и переводчики и в других произведениях писателя.

3.2. История публикации романа Горького «Мать». Восприятие романа американской и русской критикой.

---

¹⁸⁴ Горький М. Исповедь. Сирия – Ливан: Изд. Дар аль- Якада аль- Арабия, 1968. Вступит. ст. Мухи аль- Дин Дарвиша. Стр. 14.

¹⁸⁵ Там же. Стр. 10.

Роман Максима Горького «Мать» был написан и впервые опубликован в 1906 году. В декабре этого года в Нью-Йорке в массовом американском журнале «Appleton magazine» печатаются на английском языке первые главы романа «Мать». Это самая ранняя публикация первоначального текста. В апреле 1907 года в издании нью-йоркской фирмы «Appleton» роман выходит на английском языке отдельной книгой. Текст этого издания – перевод первоначального текста «Матери».

Историю изданий романа «Мать» достаточно подробно рассмотрел советский исследователь С.Касторский¹⁸⁶. Позже, с привлечением документальных источников и вариантов ее представили в т.8 ПСС (М.,1970) Э. Л. Ефременко (подготовка текста и примечания), Д.М.Урнов (сравнение текста романа с американской редакцией). Их материалы не отменяют сделанного С.Касторским, но добавляют важные детали и комментарии, к которым мы обращались в процессе нашей работы.

История переизданий и появления новых переводов романа – это история не только роста популярности М.Горького, но и распространения социалистических идей в мире. Вскоре после нью-йоркского издания роман вышел отдельными книгами на русском и немецком языках в Берлине¹⁸⁷. Текст этого издания был значительно переработан по сравнению с публикацией в «Appleton magazine». Над первой частью автор работал спешно, выполняя «договор с американской фирмой «Appleton and K^o», приобретшей у него право на издание «Матери» в Америке и во всех странах, где говорят по-английски»¹⁸⁸. Вот почему это издание Касторский назвал второй редакцией. В этой редакции «Мать» выходит затем в 1907–

---

¹⁸⁶ Касторский С.В. Повесть М.Горького "Мать", ее общественно-политическое и литературное значение — Л., 1954. Гл. «Из истории создания повести "Мать". О первоначальном тексте повести».

¹⁸⁷ Изд-во «Buhnen- und Buchverlag russischer Autoren, I. La- dyschnikow», 1907.

¹⁸⁸ Горький М. Т.8. С. 429.

1908 гг. отдельными изданиями на французском, итальянском, испанском, шведском и других языках.

Начиная с апреля 1907 г., «Мать» печатается в России в сборниках «Знание» с большими цензурными купюрами: в № 16, 17, 18, 19, 20, 21. Текст, опубликованный в «Знании», правился М. Горьким в корректуре. Таким образом, в этих сборниках мы имеем текст, отличающийся от второй редакции, поэтому его условно можно обозначить как третью редакцию «Матери». В полном виде книга была разрешена в России только в 1917 году.

Всего, как пишет С.Касторский, было шесть редакций романа «Мать»: последующие три выходили в 1908, 1913 и 1922-1923 годах. В 1922-1923 гг. М. Горький предпринимает издание полного собрания своих сочинений в Берлине в издательстве «Книга» и подвергает «Мать» наиболее тщательной переработке. Эта шестая редакция, как указывает исследователь, и является окончательным тестом романа.

Таким образом, стоит отметить, что текст «Матери», доступный современному читателю, является результатом огромной творческой работы М. Горького. Работа над «Матерью» в творческой деятельности писателя занимает период до двадцати лет – с 1902 по 1922 г. В основу романа легли действительные события: сормовская первомайская демонстрация 1902 года, арест ее участников и суд над ними. Горький начал собирать материалы к роману именно после сормовской демонстрации, события скромного в масштабах страны, но значительного для писателя тем, что оно представляло собой универсальную модель «начала». «Сюжетный повтор» в 1905 году событий 1902 года дал писателю ясную и вдохновляющую историческую позицию. Знаменательно, что заметки и первые наброски романа у Горького были изъяты при аресте в 1905 году. После своего освобождения из-под ареста Горький, не получивший обратно свой архив, уезжает в США и по дороге туда, на пароходе, снова начинает писать роман, по памяти. Первую часть он заканчивает в США, вторую – в Италии.

Сразу же после публикации в 1906 году роман Горького был переведен на многие языки мира и, конечно, книга сразу же получила «большую прессу». Мы думаем, что было бы интересно обратиться к истокам восприятия книги в той стране, в которой она была написана и впервые опубликована. Впервые критические отзывы американской прессы о романе «Мать» были опубликованы в русском переводе Е. Бобровой¹⁸⁹. В числе первых откликнулись на появление романа «Мать» «The North American Review», «New York Times», «Out Look», «Nation», «American Monthly Review», «Catholic World». Первые американские критики не только чутко уловили социальный пафос романа, но и решительно ввели его в контекст американской и мировой литературы, в контекст, порой удивляющий современного читателя и исследователя. Так, опубликованная на страницах «The North American Review» статья Л.К. Уилкоккс (L.K. Wilcox) «“Мать” Максима Горького» пронизана идеей противопоставления этого романа, как и творчества писателя в целом, бульварной литературе Америки, с ее кочующими из одного произведения в другое сюжетами о «подмене детей в детстве», «о преступнике, избежавшем каторги и получившем в наследство титул барона», о молодом человеке, постигшем «науку смелых спекуляций на бирже». Обращаясь к образу Ниловны, американский критик называет ее создателя «суровым психологом». «Мы, – пишет Л.К. Уилкоккс, – имеем дело не с сочинителем красивых сказок и романтических приключений. Автор внимательно следит за каждым движением героини, чтобы увидеть муки, в которых рождается сознательный дух»¹⁹⁰.

Неожиданным для современного читателя оказывается сопоставление Л. К. Уилкоккс таких, казалось бы, несопоставимых по своей художественной манере произведений, как «Мать» Горького и «Госпожа Бовари» Флобера. Тем более, что сопоставление это идет не на содержательном, а на

---

¹⁸⁹ См.: Боброва Е. Критические отзывы американской печати 1907 г. о повести «Мать» // Горький М. Материалы и исследования. Т. III / Под ред. С.Д. Балухатого и В.А. Десницкого. Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

¹⁹⁰ The North American Review. Vol. 85, 1907. July 19. P. 661.

стилистическом уровне. Сближают эти романы, с точки зрения американского критика, интерес обоих писателей к деталям, «подробностям», и специфика авторской позиции. Горький, как и Флобер, с точки зрения автора статьи, «отодвигает себя на задний план»¹⁹¹.

Первые американские критики романа «Мать» ввели этот роман не только в контекст американской, французской, но и английской литературы, творчества таких, принадлежащих к разным эпохам писателей, как Альфред Теннисон (Alfred Tennyson), Джордж Эллиот (George Eliot), Джон Голсуорси (John Galsworthy). Сопоставление творчества Горького с названными выше писателями идет не по магистральной для их творчества линиям. Оно выстраивается несколько неожиданно: «Мать» Горького и поэма Теннисона «Ризка» – роман Джордж Эллиот «Феликс Хольт, радикал» — повесть Джона Голсуорси «Усадьба».

Началом, объединяющим перечисленные произведения, является тема материнства. Именно эту тему как главную в романе Горького выделили рецензенты из «New York Times» и «Out Look». «В поэме Теннисона, — пишет рецензент «New York Times», — неистовая материнская любовь толкает мать в адское пламя рядом с сыном, который обречен на гибель. В повести Горького она заставляет ее разделить избранную сыном судьбу, полную отречений и опасности»¹⁹².

Этот же рецензент противопоставляет романы Горького «Мать» и Джордж Эллиот «Феликс Хольт, радикал». Рецензент «New York Times» противопоставляет матерей Павла Власова и Феликса Хольта. Одна из них, с его точки зрения, воплощает лучшие качества женщины-матери, другая, нарушив материнский долг, практически разрывает свои, предначертанные ей природой, связи с родным сыном. В отличие от миссис Трэнсом «Ниловна

---

¹⁹¹ Ibid. P. 396.

¹⁹² New York Times. Vol. 12. 1907. May 25. P. 333.

Горького, – подчеркивает автор рецензии, – вызывает не только жалость, но и гордость за человека»¹⁹³.

Интересный, нетрадиционный для русской критики ракурс рассмотрения романа «Мать» был предложен рецензентом «American Monthly Review of Review». Центральной проблемой романа он называет проблему русского национального характера с его сложностью и подчас противоречивостью, оговариваясь при этом, что, возможно, Горький и не ставил перед собой задачи акцентировать внимание читателей именно на этой проблеме¹⁹⁴.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что первые американские критики горьковского романа, откликнувшись на его появление по горячим следам, подошли к его оценке с общечеловеческих, гуманистических позиций, выделив в качестве основной темы вечную тему материнства, поставившую пролетарского писателя в один ряд с выдающимися мастерами мировой прозы. Рядом американских критиков «Мать» была оценена как «исторический роман о недавних событиях в России», как «документ, который сохранит свою значимость для изучающих социализм»¹⁹⁵. Речь, как видим, шла и о непреходящем познавательном значении горьковского романа, и о его вкладе в дело распространения социалистических идей

Конечно, сразу же, после опубликования в апреле 1907 года романа «Мать» в издательстве «Знание», появились и отклики на это произведение в русской критике. Более того, появление романа М.Горького «Мать» вызвало в критике острую полемику. Мы думаем, что будет очень полезно попытаться осмыслить отклики критики на «Мать» сразу после опубликования книги. На первый взгляд, это были весьма противоречивые

---

¹⁹³ New York Times. Op. cit. P. 398.

¹⁹⁴ American Monthly Review of Review. Vol. 35. 1907. June. P. 763.

¹⁹⁵ Catholic World. Vol. 85. 1907. P. 677.

отклики. Российское горьковедение делит их на две главные группы: «за» и «против» «Матери».

Позиция людей, принявших роман «Мать» М. Горького как замечательный памятник культуры, базировалась на том, что роман выполнил огромную общественно-политическую задачу, обозначил наступление новой эпохи в истории литературы. Уже в первом анонимном печатном отклике на появление «Матери» было сказано категорично: «Это – праздник литературы и народа».

В числе апологетов романа были прежде всего соратники по революционной работе. Их линию продолжили марксистская критика и советское литературоведение.

Огромное историческое значение повести отметил Владимир Ильич Ленин сразу, как только успел познакомиться с нею, еще до выхода из печати полного ее варианта: «Книга – нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают “Мать” с большой пользой для себя». «Очень своевременная книга!» – добавил Ленин и одобрил решение Горького ее написать и опубликовать.

В годы реакции «Мать» М. Горького помогала революционерам в сплочении пролетариата для новой борьбы, поднимала дух бодрости, мужества, пробуждала сознание у отсталых рабочих. Об этом убедительно говорят восторженные отзывы, например, «Открытое письмо М. Горькому», написанное группой рабочих-большевиков.

Сам Горький неоднократно выказывал собственное недовольство романом, однако не хотел мешать его успеху и авторитету, не хотел разрушать образ романа, сложившийся в сознании читателей.

Исследователи книжного чтения свидетельствуют, что среди читателей-рабочих уже в десятые годы Горький был одним из самых читаемых авторов. «Успех у Горького был совершенно особенный. Такого раболепного преклонения, такой сумасшедшей моды, такой безмерной лестии не видал ни Толстой, ни Чехов. Горький был герой дня, “любимец

публики»¹⁹⁶, – писал Д.В.Философов в 1907 году в журнале «Русская мысль». В середине двадцатых Горький прочно входил в ряд литературных «генералов» вслед за Пушкиным, Гоголем, Тургеневым, причем известность романа «Мать» превышала известность всех других его произведений.

Партийный критик, будущий нарком просвещения советской страны А.В.Луначарский также восторженно приветствовал книгу. В 1909 г. он одним из первых назвал «Мать» и «Враги» М. Горького «серьезными работами социального типа», «знаменательными произведениями, значение которых в развитии пролетарского искусства когда-нибудь учтётся»¹⁹⁷. Критик первым привлек внимание к ленинскому «принципу партийности» как определяющему в строительстве социалистической культуры. Однако много позже, оценивая ситуацию, Луначарский писал: «Этот роман был настолько очевидно «партийным», что уже не могло быть никакого сомнения: Горький – это не просто одиночка-бунтарь...».

Советское литературоведение развивало мысль об идеологическом значении романа. В 1932 году впервые появилось словосочетание «социалистический реализм» – в передовой статье «Литературной газеты» от 23 мая. Сталин подтвердил его на встрече с писателями у М. Горького 26 октября того же года, и с этого момента термин, получив широкое распространение, бытовал на протяжении почти шестидесяти лет.

С течением времени сложилось представление о социалистическом реализме как интернациональном художественном направлении и нормативном творческом методе литературы и искусства XX в., познавательная сфера которого регламентировалась задачей отражать революционные процессы переустройства мира в свете социалистического идеала. Как основной метод советской литературы он был призван официально запечатлеть этапы строительства социалистического общества в его движении к коммунизму. Роман Горького «Мать» с этого времени

---

¹⁹⁶ М.Горький. Pro et Contra. – СПб.: РХГИ, 1997. С. 697.

¹⁹⁷ Литературный распад. СПб.– 1909.– Кн. 2.– С. 88.

начинает рассматриваться как одна из наиболее ярких вершин нового стиля – реализма оптимистического, жизнеутверждающего, реализма социалистического.

Вторая точка зрения на роман «Мать» была представлена не столько литературными, сколько идейными противниками М.Горького и социализма. О неуспехе романа писали многие. Вот доказательство этому.

В журнале «Русская мысль» вскоре после появления романа в России (в 1907 году) была опубликована уже упоминавшаяся нами статья литературного критика и публициста Д.В. Философова «Конец Горького». Критик упрекает М.Горького не столько в недостатке художественности в его произведениях, сколько в неготовности воспринять европейскую реальность. Он пишет, что Горький «заблудился в двух соснах, в анархизме и социализме». Эта точка зрения, как мы видим, существенно не совпадает с высокой партийной оценкой произведения.

Уже с момента публикации, да и в дальнейшем горьковская «Мать» подвергалась нередко язвительным критическим нападкам. Зинаида Гиппиус, назвав свою рецензию недвусмысленно: «Братская могила», пояснила: «Какая уж это литература! Даже не революция, а русская социал-демократическая партия сжевала Горького без остатка...». Корней Чуковский издевательски назвал книгу Горького «манифестом о рабочих», добавив при этом, что Горький «ни одного российского коллектива не хочет... оставить без манифеста». Еще прежде о том же качестве книги по-своему писал А. В. Амфитеатров: «Мать» - книга голой социальной азбуки... Кроме черных и белых фигур – никаких...».

Художественные достоинства романа также подвергались критике. Отмечалась «неровность» авторского письма: начатый в реалистической манере, роман вскоре устремляется в область утопии. Даже доброжелательные критики (марксист В.Воровский), говоря о главной героине, замечали, что Горький впал в один из грехов романтизма. Потом, правда, этот грех объявили достоинством. Кроме того, критики отмечали то,

что образы романа не претендуют даже на минимальную психологическую и пластическую точность, персонажи с трудом отличимы один от другого.

«Конец Горького» – мотив этот муссировался на всех печатных перекрестках и на все лады. Среди причин «упадка гения» мелькали и такие: творческая усталость, отказ от общечеловеческого в пользу узкопартийного, тенденциозность, психологическая неадекватность. И.И.Игнатов и Л.Андреев в своих высказываниях о романе отмечали, что в нем талант художника потерпел урон – во имя «задачи времени», во имя «нового мироощущения».

Споры об этом романе не умолкают до сих пор. На рубеже XX и XXI веков М. Горький и мифы о нем опять стали в центре политических и литературных споров. Их мы касались во Введении к нашей работе. Обратимся к современным оценкам романа «Мать».

«Простое упоминание романа «Мать» может вызвать аллергию или даже чувства более сильные. Ведь должен же кто-то ответить и за миллионы бесполезно истраченных школьных часов, и за «образец соцреализма», и за горе исследователей, да и мало ли за что еще...», – так начинает свою статью «Обреченная? книга» современный петербургский исследователь творчества Горького Игорь Сухих¹⁹⁸.

Кажется, критик во всем прав. «Своевременную книгу» действительно не читают уже давно. В советское время, на протяжении долгих десятилетий интерес к этой повести, как правило, подогревался искусственно. Но что послужило причиной этого? Стоит отметить, что на восприятие романа «Мать» в советские годы наложился миф о М.Горьком, создателе метода социалистического реализма, родоначальнике пролетарской литературы. И в конце XX века, вместе с распадом Советского Союза, разрушению и отрицанию подвергся миф о «буревестнике революции». Опасности создания

---

¹⁹⁸ Сухих И. Обреченная? книга // Нева. 1993. № 3. С. 233.

нового мифа поможет избежать обращение к истории написания и публикации романа, прижизненная его критика.

Выше мы обозначили две точки зрения, сложившиеся в восприятии романа в России. Как известно, распространение социалистических идей в начале XX не только в Европе, но и во всем мире, революционные события в России обеспечили особую популярность романа «Мать». Что именно политическое, пропагандистское содержание романа было востребованным в начале XX века, показывает и восприятие романа в арабском мире, о чем уже шла речь в нашей работе. К этой мысли пытаются вернуться и современные российские критики, стремящиеся прочесть роман «наоборот», как «Евангелие от Максима», как историю пролетарского Христа и Богородицы¹⁹⁹.

Современное российское горьковедение возвращается к мысли об общественной востребованности романа, в котором М.Горький пытался формировать мировосприятие пролетарского интеллигента, совершенно нового героя, которого нельзя было оценивать по-старому. С точки зрения Генриха Митина («Евангелие от Максима»), пришла пора говорить о том, что для автора «Матери» революционная проблема была неотделима от проблемы поисков нового мировоззрения. В своей книге, считает Г.Митин, Горький попытался соединить духовную революцию начала I века с социальной революцией начала XX века. Современные, порой очень неожиданные трактовки романа «Мать» в русской критике говорят о том, что это произведение до сих пор не теряет своей актуальности. Генрих Митин приводит в своей статье факты, говорящие о возрождающейся популярности романа именно в том качестве, в каком его оценили современники. Например, в Минске в 1987 году он вышел с грифом «политический роман»,

---

¹⁹⁹ См.: Вайман С. Под руинами соцреализма: человек и идея в повести М. Горького «Мать» // Литературное обозрение. 1991. № 12; Вахрушев В. Максим Горький — канонический и неканонический (О разных редакциях романа «Мать» и очерка «В .И. Ленин») // Волга.1990. № 7; Мишин Г. Евангелие от Максима: [Заметки о романе А.М. Горького «Мать»] // Литература в школе. 1989. № 4; Спиридонова Л.А. А.М. Горький: диалог с историей. М., 1994; Сухих И. Между Марксом и Богородицей // Звезда. 1998. № 10.

а в Москве в 1986 – с грифом «книга поколений». Так в самых лаконичных и самых общих оценках произвольно выявилась двойственная природа романа: и временная, и вечная.

3.3. Об арабских переводах романа Горького «Мать». Влияние и истолкования

Роман «Мать» – одно из первых крупных произведений Горького, появившихся на арабском Востоке, – впервые был опубликован в отрывках на страницах прогрессивного дамасского журнала «الطليعة», («Ат-талиа», «Авангард») в 1936 г. (№ 6-7). Номер журнала, посвященный Горькому, вышел в момент, благоприятный с точки зрения цензурных условий: национально-патриотические силы Сирии только что добились подписания франко-сирийского договора об отмене мандата, шла подготовка к выборам в новый сирийский парламент, закончившийся в ноябре 1936 года победой Национального блока. Коммунистическая партия, деятельность которой фактически была легальной, развернула борьбу за демократический французский мандат в Сирии и Ливане. Это была отмена решений французско-британской Конференции в Сан-Ремо (1920 г.), утвержденных Лигой Наций 29 сентября 1923 года. Французский мандат распространялся на территорию современных государств Ливан, Сирия и турецкой провинции Хатай.

Сопrotивление действию французского мандата в Сирии сообщало общественной ситуации особую сложность. С одной стороны, конфликт между сирийскими интеллектуалами и профранцузским правительством носил ярко выраженный национальный характер, был направлен со стороны писателей на разоблачение планов французов, которые стремились сохранить контроль над Сирией на длительное время. Но с другой, он носил и классовый характер, потому что бедные и обездоленные люди страдали от французского владычества еще и материально. Им трудно было отделить борьбу за улучшение условий жизни от борьбы за национальные интересы. Переплетение этих двух конфликтов осложняло сирийское политическое

движение, которое не было единым. Соперничающие политические партии боролись между собой за поддержку народа. Например, в Сирийской коммунистической партии образовалось два крыла. Одно было лояльно Франции, второе, напротив, боролось с профранцузским правительством. В конфликт с ними обоими вступил Национальный блок под председательством Хакки аль-Азма (حقي العظمة) (1864–1955), первого премьер-министра Сирии.

Упоминание о политической обстановке в Ливане и Сирии первой половины XX века понадобилось нам для того, чтобы понять причины обращения к роману М. Горького «Мать» в арабских странах. Этот роман, написанный в 1900-е годы, отражал революционную ситуацию в России, характеризующуюся классовым расслоением, поляризацией общественных сил. Сознание рабочих в романе М. Горького формировалось под влиянием социалистических идей, получавших широкое распространение во всем мире. Этот процесс был интернациональным, типологичным. Такие сюжеты, какие предлагал роман М. Горького, были понятны в самых разных странах.

Ситуация в Сирии и Ливане после первой мировой войны в ее национальном, классовом выражении была сходной. Однако сходство самого общего порядка осложнялось особенностями развития арабских стран того периода. Помимо классового противостояния, историческая обстановка на арабском Востоке включала собственные религиозные (христианство и мусульманство), национальные (французский и английский мандаты и рост национального самосознания) сложности. К этому следует добавить и различия русской и арабской культурных традиций, которые, наряду с вышеперечисленными, следует учитывать, оценивая первые арабские переводы романа «Мать».

Время распространения романа «Мать» в арабской литературе было временем формирования собственной национальной идеи, отсюда – внимание к образу борца, идеолога, лидера Павла Власова, для которого реализация идеи является главным делом его жизни. Вернемся к первому

переводу романа «Мать» в журнале «Авангард». Его переводчики, сотрудники журнала Раиф Хури (رئيف خوري), Лиян Дейрани (ليان ديراني) и другие, тогда еще начинающие литераторы, внесли впоследствии немалый вклад в развитие демократической литературы Сирии и Ливана. Выбор отрывков для перевода, оценка романа, данная в редакционном предисловии, говорят о восприятии Горького как писателя-революционера, «преданного делу освобождения трудящихся»²⁰⁰. И это было сознательное использование мифа о «буревестнике революции» в арабском мире.

Переводчики утверждали: «Повесть М.Горького “Мать” считается, без сомнения, самым долговечным, сильным и глубоким его произведением. Она рисует действия революционеров в царской России, дает историю начала революции и описывает сердца уверовавших в нее первых героев авангарда рабочих и молодежи. Личность матери, давшей заглавие этой книги, не вымышлена и не является плодом фантазии. Это личность, существовавшая в действительности, она своими глазами увидела, как осуществляется ее великая мечта».

Журнал «Авангард» опубликовал лишь фрагменты романа, а публикация полного текста, как и в случае с первой, американской, редакцией «Матери», складывалась непросто.

Менее повезло в переводческой работе Лияну Дейрани. А.А. Долинина сообщает, что Лиян Дейрани уже в 1937 г. перевел «Мать» полностью. Переводчик был увлечен работой и позже писал об этом так: «Впервые я понял, что такое подлинное искусство, когда прочел сочинения Максима Горького, особенно его роман «Мать», который околдовал меня глубиной своего мастерства, силой выразительности, правдивостью. Я перечитывал его много раз, так что он стал моим постоянным и единственным спутником. Эта любовь заставила меня перевести роман на

---

²⁰⁰ Долинина А.А. Из истории арабских переводов романа М. Горького «Мать». /А.А. Долинина // Вестн. Ленингр. ун-та: Вып. 4. – 1980.– № 20. – С. 59.

арабский язык, и как же я был счастлив, выполнив этот перевод должным образом! Действительно, роман «Мать» – это шедевр, единственный в своем роде, потому что Горький правдиво изобразил события 1905 года. Он был писателем-реалистом; язык его героев – естественный, живой, полностью соответствующий их экономическому положению и условиям, которые их окружают. Это, клянусь жизнью, самая правдивая литература и самое ценное, что может создать писатель»²⁰¹.

Однако этот перевод не был издан ни сразу после его завершения, ни позже, хотя нет оснований считать его неудачным. О причинах, помешавших опубликованию перевода, сам Дейрани нигде не упоминает. А между тем А.А. Долинина отмечает, что в пятидесятые годы в Сирии было предпринято издание собрания сочинений Горького, роман «Мать» вошел в это собрание, но не в переводе Дейрани, хотя в это издание вошла переведенная им другая повесть М.Горького, «В людях».

В Ираке литераторы тоже интересовались произведениями Горького и перевели их в своей стране. Это произошло позже, чем в Ливане и Сирии. В 1941–1942 гг. причины обращения к роману «Мать» опять надо искать в политической обстановке страны. 1940-е годы иракской истории – время так называемой «мирной» оккупации английскими войсками, когда к власти вернулись английские ставленники во главе с Нури Аль-Саидом (نوري السعيد)²⁰², жестоко расправившиеся с участниками антианглийского восстания в апреле 1941 г. В этой ситуации нужно было обладать большим гражданским мужеством, чтоб перевести и напечатать такой роман, как «Мать».

Роман был опубликован в издательстве «Аль-Ахали» («الأهالي» – «Жители») в двух томах без указания имен переводчиков, со ссылкой на заказчика: «Перевод издательства Аль-Ахали». Это было прогрессивное

---

²⁰¹ Там же.

²⁰² Нури Аль-Саид (نوري السعيد) (1887—1958) – иракский политический и государственный деятель, премьер-министр Ирака. Убит восставшими жителями Багдада во время Иракской революции 1958 года // <http://ar.wikipedia.org/wiki>. – Дата обращения 09.10.12.

издание, выходящее в Ираке в 1938–1946 гг. под редакцией Зу-н-нуна Айюба (1908–1988). В нем сотрудничали известные новеллисты и романисты, считавшиеся зачинателями критического реализма в Ираке.

Появление романа «Мать» в этот период имело большое значение для иракских патриотов, которые были против вмешательства Великобритании в дела Ирака и против собственного правительства, которое способствовало английской интервенции. Этот роман выразил чувства многих слоев иракского общества и был одним из способов мотивировать их для свержения королевской власти, которое, наконец, и произошло в 1958 году.

Этим обстоятельством можно объяснить, почему во время войны цензура Нури Аль-Саида посмотрела на выход романа сквозь пальцы. Во-первых, журнал, его опубликовавший, был известен своей антифашистской направленностью и, вероятно, поэтому не подвергался чрезмерным преследованиям со стороны проанглийских кругов. Второе, не менее важное обстоятельство, по нашему мнению, могло заключаться в том, что роман «Мать», сосредоточенный на идеях классовой борьбы, по мнению цензуры, не мог быть прямо соотнесен с национальными задачами, стоящими перед иракским обществом.

Так или иначе, но издание было осуществлено поспешно. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в послесловии ко второму тому издатели и переводчики просят у читателей извинения за опечатки, языковые ошибки и некоторый стилистический разнобой в переводе различных частей романа, поскольку перевод осуществлялся несколькими авторами. Мало что сегодня объясняет и еще одна ссылка, вероятно, хорошо понятная современникам перевода – «необходимость окончить издание как можно быстрее с целью, которая не скрыта от читателя»²⁰³.

На важность иракского перевода романа 1940-х годов указывал и И.Ю. Крачковский, отметивший, что перевод нашел «вдумчивый отклик» в

---

²⁰³ Горький М. Аль-Умм الأم غوركي مكسيم («Мать»). Т. 2. М. Горький. مكسيم غوركي. – Багдад, 1942. – С. 271.

антифашистском ливанском журнале «الطريق» («Аттарик»). Это не значит, что перевод был безупречен в литературном отношении. И.Ю. Крачковский, оценивая переводы отрывков из «Матери» в «Аттарике», указывал на некоторые неточности и вставки в текст, отмечая, что они, вероятно, могли восходить к какому-либо опосредующему изданию, а не к русскому тексту горьковского романа. Более поздние исследования показали, что оба перевода — и сирийский, и иракский, — восходят к первой, английской, редакции романа. Это была первая публикация в издательстве «Appleton» (Нью-Йорк, 1907), о чем мы говорили в начале главы. Напомним, что она имела ряд существенных отличий от последующих редакций, не говоря уж о мелких эпизодах или о языковых и стилистических расхождениях. Сам Горький назвал эту редакцию «недостаточно демократичной»²⁰⁴.

В арабских, переводах можно отметить и несколько менее важных изменений, в которых повинны уже арабские переводчики, стремящиеся приблизить роман к пониманию читателя. Например, в русском тексте встречается незнакомая арабу реалья: «Из нас жмут кровь, как сок из клюквы!» — говорит Весовщиков, у Горького «...как сок из фиников», — переводит Лиян Дейрани. «...как сок из тутовых ягод», — поясняет переводчик из «Аль-Маджалли».) Кстати, у американского переводчика не клюква, а черника (huckleberries).

Следует сказать, что наиболее отличается от окончательного первый, американский, вариант романа. С одной стороны, объяснение этому можно увидеть в том, что М.Горький позже дорабатывал текст, обращая особое внимание на те сцены, в которых речь шла о психологии героев, об объяснении их позиции. Но, вероятно, причина и в качестве работы переводчика. Первый перевод осуществил Томас Зельцер, «по определению

---

²⁰⁴ См.: Горький М. Т.8.— С.435.

Горького – неплохой переводчик, но ловкий делец, получивший за перевод огромную сумму денег²⁰⁵».

«Ловкость» переводчика, невнимание к деталям в сравнении американского и окончательного вариантов обнаруживаются легко. Они касаются деталей, не меняющих основное содержание романа. Так, переводчик иногда неточен в передаче имен героев: «... he was *Yakob, the son of the factory watchman, Somov*»(p.31) // «...это племянник старого фабричного рабочего *Сизова – Федора*» (с. 24).²⁰⁶ Иногда встречаются расхождения в описании внешности героев, например: «... a head of thick, *dark hair*» (p.29) // «...с толстой косой *светлых* волос...» (с.25); «The other, with a *sharp-featured face, high forehead, and curly hair...*» (p.29) // «...другой, *гладко причесанный и скромный...*» (с. 27). Андрей Находка вместо «*Ukrainian*» везде именуется как «*the little Russian*».

Вместе с тем сравнение американского издания с окончательным вариантом позволяет обнаружить направление работы писателя над текстом романа, его ориентацию на читателя. Американский вариант и окончательный текст имеют разное число глав – XIX и XXIV соответственно. Перерабатывая роман для русского читателя М.Горький более внимателен к деталям обстановки, к пейзажным и зарисовкам. Но эти изменения можно охарактеризовать как стилистические, не меняющие замысел романа.

Более важными представляются те переделки, которые М.Горький делает в смысловых сценах. Так, в американском издании в главе IV М.Горький воспроизводит речь Сашеньки, обращенной к участникам сходки после фразы, испугавшей Ниловну: «Мы – социалисты!»: «...*Sashenka, half closing her eyes, said sternly and resolutely: «We must give up all our forces to the*

---

²⁰⁵ Там же. С. 430.

²⁰⁶ *Mother by Maxim Gorky. With 8 illustr. by Sigmund de Ivanovski, New York and London. D. Appleton and Company, 1916. 450 p. // Горький М. «Мать». Рассказы. Очерк. // М.Горький. Т.8., М.: Наука, 1970. При сравнении американского варианта и последнего русского издания стр. указываются в тексте работы в круглых скобках.*

cause of the regeneration of life; we must realize that we will receive no recompense» (p.44). В окончательном варианте эта фраза опущена. Можно предположить, что процитированная декларация Сашеньки удалена писателем из окончательного варианта романа, потому что М.Горький последовательно выдвигал на первый план внутреннее состояние матери Павла. Поэтому в VII главе (окончательный вариант) внимание читателя сосредоточено на том открытии, которое Ниловна сделала для себя, услышав от Сашеньки «Мы – социалисты». «Когда мать услышала это слово, она в молчаливом испуге уставилась в лицо барышни. Она слышала, что социалисты убили царя. Это было во дни ее молодости; тогда говорили, что помещики, желая отомстить царю за то, что он освободил крестьян, дали зарок не стричь себе волос до поры, пока крестьяне не убьют его, за это их и называли социалистами» (с. 35). Испуг матери получил объяснение. Ей еще предстоит узнать истинную правду сына.

Перерабатывал М.Горький и сцену, в которой Павел, Хохол и Ниловна обсуждают убийство Исаия.

«Come; give me your hand, Andrey. I want to shake hands with you. Upon my word, I understand how hard it is for you!»

«Wait!» said the Little Russian without looking at them, shaking his head, and tearing himself away from their grasp. When he succeeded in freeing his right hand from the mother's, Pavel caught it, pressing it vigorously and wringing it.

«And you mean to tell me you killed that man?» said the mother. «No, YOU didn't do it! If I saw it with my own eyes I wouldn't believe it.»

«Stop, Andrey! Mother is right. This thing is beyond our judgment» (p. 186-187. Chapter XVI)

«— Мать боится, что это ты...

— Я – не боюсь! Не верю! Видела бы – не поверила!

— Подождите! – говорил хохол, не глядя на них, мотая головой и все освобождая руку. – Это не я, – но я мог не позволить...

— Оставь, Андрей! — сказал Павел» (с. 128. Глава XXIV).

Обсуждение убийства Исая занимает в романе достаточное место, так как оно посвящено важному моменту в программе революционеров – можно ли убить во имя дела?

« “I don't regard myself as guilty; no, I don't “ said the Little Russian firmly. “But it's disgust. It disgusts me to carry such dirt inside of me. I had no need of it. It wasn't called for.”

“What do you think of doing?” asked Pavel, giving him a suspicious look.

«What am I going to do?» the Little Russian repeated thoughtfully, drooping his head. Then raising it again he said with a smile: «I am not afraid, of course, to say that it was I who struck him. But I am ashamed to say it. I am ashamed to go to prison, and even to hard labor, maybe, for such a – nothing. If someone else is accused, then I'll go and confess. But otherwise, go all of my own accords – I cannot!»

He waved his hands, rose, and repeated:

«I cannot! I am ashamed!»

(P.189. Chapter XVI)

В последнем варианте М.Горький значительно сокращает реплики и мотивацию Андрея, но делает более определенной и твердой позицию Павла.

«– Я не виню себя – нет! – твердо сказал хохол. – Но противно же мне это! Лишнее это для меня.

– Я плохо понимаю тебя! – сказал Павел, пожав плечами. — Убил — не ты, но если б даже...

– Брат, знать, что убивают, и не помешать...

Павел твердо сказал:

– Я этого совсем не понимаю...

И, подумав, прибавил:

– То есть понять могу, но почувствовать – нет»

(с. 130. Глава XXIV)

Как видим, эти важные сцены значительно сократилась, но существенно уточнились позиции автора и героев. Жесты героев заменили

пространное описание их состояния, резко обозначилась разница между Андреем и Павлом. Андрей не может справиться со своими чувствами, Павел руководствуется доводами рассудка.

Переработке подверглись и сцены в суде, которые можно считать главными в романе, так как в них высказаны не только позиции Павла и его друзей-социалистов, но и показаны состояние зрителей, судей, их реакция на происходящее.

Работая над романом, М.Горький, как мы уже отмечали, ставил в центр внимания образ матери. Это особенно наглядно показывает финал романа. В нем Горький не только детализирует сцену расправы с матерью, но и высказывает к ней отношение публики, на глазах которой все это происходит. В первой редакции читаем: «*Somebody*» seized her neck and began to choke her. There was a rattle in her throat.

«You poor, sorry creatures – (p. 499) //

«Жандарм схватил ее за горло и стал душить.

Она хрипела.

– Несчастные...

Кто-то ответил ей громким рыданием» (с. 346).

Курсивом выделены замена слов и вставка в текст. Последняя фраза, выражающая сочувствие матери и ее страданиям, появилась в окончательном варианте вместе с уточнением имени врага, противостоящего революционерам. Это государство с его жандармским аппаратом, но не люди, которые матери сочувствуют.

Характер тех изменений, которые вносил М.Горький в текст романа, уточняют не только замысел писателя, но и проясняют его позицию по отношению к читателю. Это же стремление донести до читателя главную мысль романа мы можем увидеть и в арабских переводах романа, стремящихся приблизить героев романа к реалиям жизни стран арабского Востока. В целом верно передавая сюжет произведения, переводчики отступают от него лишь в деталях.

Так, расхождения перевода с оригиналом возникают при воспроизведении деталей русского быта, воспроизведении имен собственных. Такие вмешательства в текст нельзя считать существенными. Содержательные изменения происходят, например, в передаче евангельской топонимики. Их природа уже иная, не связанная с вариантами текста романа. Так, в дамаском переводе Эммаус (III глава) превращается в Голгофу; исчезает упоминание имени Иуды (глава XII, в которой речь идет о возможных штрейкбрехерах, которые выйдут на работу вместо забастовщиков). Эти расхождения можно объяснить тем, что переводчик имеет в виду мусульманскую, а не христианскую аудиторию, и для него важно указание на библейский источник в целом, а не на те подробности, которые хорошо известны христианину.

Интересно отметить толерантность, если не сказать небрежность, арабских переводчиков к христианской составляющей горьковского романа, о чем спорили российские критики, как начала, так и конца XX века²⁰⁷. На наш взгляд, она объясняется принципиально не религиозным, а политическим, пропагандистским характером горьковского романа, его концепцией героя-революционера, создающего собственную веру.

Так, отсутствие в арабских переводах упоминания об Иуде связано с политической ситуацией на Ближнем Востоке: в тот период уже был создан Израиль. Конфликт между арабами и мусульманами – с одной стороны, и евреями – с другой, был политической реальностью. Вероятно, переводчик потому и не упомянул Иуду, что не хотел задеть чувствительность арабских и мусульманских читателей. Переводчик так же исключает рассуждения,

---

²⁰⁷ См., напр.: Львов–Рогачевский В. На пути в Эммаус (1907) // М. Горький / Pro et Contra. СПб, 1999; Сухих И. Между Марксом и Богородицей // Звезда.– 1998. – №10; Митин Г. Евангелие от Максима // Литература в школе.– 1989.– №4.

еретические не только с точки зрения мусульманина, как, например, слова Рыбина в гл. XI о фальшивости Бога и религии²⁰⁸.

Некоторые изменения, возможно, продиктованы цензурными соображениями. Например, в переводе речи Павла на суде вместо четко сформулированных в горьковском романе политических лозунгов: «...долгой частную собственность, все средства производства – народу, вся власть – народу, труд обязателен для всех» (т.8, с. 315), – приводится осовремененное, расплывчатое определение – «потому что власть принадлежит народу».

Интерес к «Горькому, как и вообще ко всей советской литературе, возрождается в 1950-е годы, когда арабские страны вступают в период освобождения от колониальной зависимости, становятся на путь демократических преобразований. И снова в центре внимания арабских переводчиков оказывается роман «Мать». Показательны цифры: всего за 12 лет, с 1954 по 1966 г., на арабском Востоке появилось пять переводов этого романа: один — в Сирии (1954), два — в Египте (1957), один — в Ливане (1958) и один — в Ираке (1966), причем сирийский перевод выдержал за это время пять изданий. В восьмитомном собрании сочинений Горького, выпущенном в Дамаске (1954), именно «Матери» отведен первый том – очевидно, как самому главному, с точки зрения издателей, произведению Горького. К переводу этого романа обращаются известные литераторы; среди них ливанский новеллист Ахмед Сувейд (أحمد سويد), сирийцы Сухейль и Фуад Айюбы (سهيل و فؤاد أيوب), авторы целого ряда трудов о русских писателях».²⁰⁹

Роман М. Горького по-прежнему высоко оценивается в многочисленных статьях, вновь подчеркивается его революционное значение. Однако теперь к роману стремятся подойти с точки зрения эстетической, оценить художественный метод, которым пользуется его

---

²⁰⁸ «Значит, по-твоему, с богом обманули нас? Так. Я тоже думаю, что религия наша – фальшивая» // М.Горький. Т.8. С.55.

²⁰⁹ Эти же сведения приводит и А. А. Долинина . См.: Указ. соч. С.61.

автор. В эти годы в арабской литературе формируется «новый реализм», несущий в себе, по мнению многих ученых, в том числе и арабских, черты социалистического реализма.

«Горький сильнее всех писателей мира повлиял на арабских писателей предшествующего поколения и особенно поколения нынешнего, которое вынесло на своих плечах народные страдания. Эти писатели выражают стремление нашего народа к свободе и поднимают знамя его побед», – пишет один из последователей «нового реализма» ливанский литературный критик, новеллист и главный редактор ливанского ежемесячного журнала «Аттарик» Мухаммед Ибрахим Дакруб (محمد إبراهيم دكروب) в статье, посвященной девяностолетию со дня рождения М. Горького²¹⁰.

Мишель Сулейман (журнал «Аттарик», Ливан) называет Горького «отцом социалистического реализма», утверждая, в частности, что Горький в своем романе «Мать» «впервые поднялся над миром в революционном порыве, с которого начинается новая эпоха в литературе»²¹¹.

Аналогичные утверждения мы найдем в предисловии к дамасскому переводу, включенному в собрание сочинений Горького. Автор предисловия Фуад Айюб связывает новаторство Горького прежде всего с этим романом. Именно здесь, пишет Айюб, Горький впервые сделал героем рабочего-революционера и показал духовный рост женщины, которая до сорока лет не представляла себе, зачем она живет, а потом обрела революционную цель²¹². Анализируя роман, Айюб делает вывод о соответствии социалистического реализма идеологии пролетариата.

---

210 الثقافة الوطنية («Национальная культура»). 1958.– № 4.– С. 22. I» Литературный журнал-الطريق 1958– № 3.–С. 23. I» الطريق, «Аттарик»1949, № 3–4. – С. 33. // Долинина А.А. Из истории арабских переводов романа М. Горького «Мать». / А.А. Долинина // Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 4. – 1980.– № 20. – С. 63.

211 «Аттарик» الطريق 1949, № 3–4.

212 Там же.

Образы героев М. Горького становятся для арабских писателей эталоном изображения характера революционного борца. Так, например, ливанский критик Михаил Савая (ميخائيل صوايا), оценивая первый ливанский роман, посвященный борцам за национальное освобождение, сравнивает его главного героя именно с Павлом Власовым. «Как далек Асым из романа «الرغيف» («Аль-Рагиф»), эта фантастическая личность, от Павла, героя романа Горького «Мать», если тут вообще возможно сравнение!».

Можно привести достаточно большой и убедительный список произведений арабских авторов, в которых в большей или меньшей степени нашли отражение мотивы горьковского романа. Так, например, в рассказе «Синие лампы» Ханна Мины, первого арабского писателя, в произведениях которого проявились особенности доктрины социалистического реализма, много сходства между главным героем Фарисом и героиней романа Горького, матерью Павла Власова. Оба героя не были никаким образом связаны с политикой, но тяжелые условия жизни и труда, положение в семье, заставили обоих искать пути выхода из сложившейся ситуации, и они нашли его в революционной борьбе. Желание показать ожесточенную борьбу народа за социальные преобразования и героя, борющегося против основ буржуазного общества, приближает Ханна к Максиму Горькому. Более подробно об этом шла речь в предыдущей главе.

В рассказе одного из популярнейших египетских новеллистов Абд ар-Рахмана аль-Хамиси (عبد الرحمن الخميسي) «Эта кровь не высохнет!» первый раз в истории современной арабской литературы говорится о судьбе арабской женщины, простой, скромной и неграмотной, из очень бедной семьи. В течение долгих веков она, ее родители, бабушки и дедушки, страдают от несправедливости, угнетения и эксплуатации. Но героиня рассказа становится на защиту своей земли от тирании англичан-колонизаторов, не боясь никаких последствий, бесстрашно сражается. Она даже не боится в любой момент умереть или потерять родного сына, потому что любовь к

своей стране в ней сильнее, чем любое другое чувство. Ее мужество имеет много общего с мужеством главной героини романа Горького «Мать».

Можно с достаточной определенностью говорить о длительном воздействии Горького на творчество ряда иракских писателей. Известный прозаик и литературовед Басим Абдель Хамид Хамуди (عبد الحميد حمدون) справедливо усматривает явное влияние «Матери» Горького на сюжет рассказа Абдурраззака аш-Шейха Али (عبد الرزاق الشيخ علي) «Долгая ночь» (1954). Судьба рабочего Саида, героя этого рассказа, во многих чертах напоминает жизненный путь Павла Власова. Художественным достижением новеллиста было создание им в те годы образа матери Саида. Эта женщина, всю жизнь, прожившая в замкнутом мире косных традиций и обычаев, где ни у кого не могло появиться даже сомнения в оправданности ношения мусульманками ритуальных покрывал, символа женского рабства, установленного феодальным бытом, к концу рассказа полностью разделяет убеждения своего сына-революционера. Этот рассказ построен как поток сознания женщины, сын которой был заключен в тюрьму за организацию политической демонстрации. Накануне тюремщики стреляли по восставшим заключенным, и мать проводит бессонную ночь в страхе за участь Саида и его товарищей. Легко заметить даже ситуативные переключки со второй частью романа «Мать» и с судьбой Пелагеи Ниловны.

Создание в 1954 г. образов женщин, поднявшихся до сознательной борьбы против правителей феодально-монархического Ирака, было новым словом в национальной литературе, отражавшим революционную действительность.

Но не только образ матери героя, Ниловны привлекал арабских писателей в романе Горького, но и образ самого Павла Власова. С развитием общества и образованием слоя пролетариата, арабские писатели стали показывать в своих произведениях образ пролетарского революционного героя. Писатель Саид Хуранея (سعيد حورانية) отразил в рассказе «Проект человека» духовный мир простого работника, постепенно осознавшего

необходимость сплоченной борьбы рабочего класса за свои законные права. Герой этого рассказа очень похож на героя романа «Мать» – Павла Власова.

Арабские писатели отразили в своих произведениях этапы формирования личности рабочего, приобретения ими знаний и понимания своих задач и обязанностей, как это сделал в свое время в романе «Мать» Максим Горький. Тема становления характера рабочего-революционера в Ираке впервые зазвучала на страницах повести «Самое отвратительное преступление в истории» (1953), принадлежавшей перу Хасана аль-Кяши (حسن الكياشي). Крайне скромное оформление этой книги – плохая газетная бумага, бледный шрифт – наводит на мысль о том, что выпуск ее в свет был сопряжен с большими материальными трудностями.

Под преступлением аль-Кяши в своей повести подразумевал правительственные постановления, направленные против организаций сторонников мира, которые были приняты после 26 ноября 1952 г. В это время в стране утвердился военный режим, были распущены все оппозиционные партии, массовые организации и профсоюзы и закрыты их печатные органы. Герой повести, молодой рабочий Набиль Махмуд, в это трудное для прогрессивных сил время, издает книгу «Вот она война», появление которой привлекло внимание общественности. Власти запрещают книгу и арестовывают ее автора. Полиция пыталась с помощью различных ухищрений сломить волю арестованного Набиля. Но герой проявил твердость. На суде он произносит длинную речь, рассказывая об ужасах войны, и призывает судей разделить его убеждения.

Как и в горьковской «Матери», речь героя этой повести воспроизводится целиком. В конце ее, подобно Павлу Власову, Набиль выражает свое сочувствие судьям, униженным служением реакционным силам. Аль-Кяши впервые в иракской литературе создал образ убежденного, хотя и настроенного религиозно, рабочего-революционера.

Таким образом, протест революционных сил иракского общества конкретизировался в беллетристике в образе героя повести –

самоотверженного борца за мир. Одна из тем горьковской «Матери» – рождение нового человека в процессе революционной борьбы – трансформировалась в полуколониальном Ираке начала 1950-х годов в тему рождения рабочего-революционера, занимающего свое место в едином потоке прогрессивных, революционных, антиимпериалистических сил иракского общества. В условиях не прекращавшегося полицейского террора аль-Кяши не мог издать художественное произведение, где бы содержался открытый призыв к социализму. Поэтому, показывая прогрессивные убеждения героя и его революционную деятельность, писатель был вынужден прибегать к намекам и недомолвкам.

Повесть «Самое отвратительное преступление в истории» – первое произведение в иракской литературе, в центре которого находится сознательный пролетарий, романтически приподнятый над будничным бытом, призывающий соотечественников к борьбе против внутренней и внешней реакции.

Из переводов произведений Горького, сделанных в послевоенные годы, отметим дамасский из собрания сочинений (1954) и багдадский (1966), демонстрирующие два разных подхода к переводу. Дамасский перевод, выполненный Фуадом и Сухейлем Айюбами, опубликован издательством «Дар Аль-Якза Аль-'Арабийя» (دار اليقظة العربية) в серии «Шедевры мировой литературы». Перевод, согласно указанию на титуле, сделан на основе английского и французского переводов, а затем сверен с русским оригиналом, — способ, часто используемый этим издательством. Сопоставление арабского текста с последней русской редакцией романа показывает, что такой способ приносит свои плоды: перевод сделан очень старательно, видно стремление переводчиков не пропустить и не исказить ни одной мысли Горького, ни одного образа.

Багдадский перевод — внешне типичный образец массового издания, с красочной обложкой, на которой изображена фигура матери на фоне группы рабочих во вполне современных комбинезонах и куртках с

«молниями». Как в типичном массовом издании, в нем не указано имени переводчика, нет каких-либо других комментариев. Судя по передаче имен собственных— Мишель Власов, Софи, Баладжи (بالاجي) (Пелагея), Сандрин (Сашенька) и др. — перевод сделан с французского языка. Встречаются отдельные неточности в передаче горьковских идей. Так, у Горького в разговоре об убийстве Исяя Андрей говорит: «Это не я, — но я *мог* не позволить...»²¹³. В арабском переводе: «Я *должен был* помешать совершиться этому событию»²¹⁴. В результате переосмысляется представления горьковского героя о долге революционера.

Большая часть купюр касается тех мест, где не идет речь о революционной деятельности героев, что, разумеется, искажает горьковский текст, но подчеркивает общую тенденцию отношения к нему только как к роману о рождении типа революционера. На первый план выдвигается Павел. Ниловна, несмотря на то, что роман назван М. Горьким «Мать», отодвигается на второй план. И это служит еще одним доказательством того, что роман в арабских странах воспринимается, прежде всего, в политическом, революционном контексте, отвечает общественным, а не эстетическим задачам.

---

²¹³ Горький М. Т.8. С. 128.

²¹⁴ М. Горький. Мать, переведен Ахмедом Сувайдом, изд. Мактабат аль-Маариф, Бейрут, 1988, С. 172. .172 ص, 1988, مكتبة المعارف بيروت, ام, ترجمة أحمد سويد, مكسييم غوركي

Заключение.

Как мы неоднократно отмечали в работе, в эпоху глобализма усиливается внимание во всех областях культуры к идеям межнационального сотрудничества. Не стали исключением и страны арабского мира. Мы изучали литературы Ирака, Сирии, Ливана и Египта и их связи с русской литературой и культурой. Творчество одного из крупнейших писателей XX века – М.Горького – было поставлено нами в центр исследования.

Фигура М.Горького привлекла наше внимание потому, что обращение к его творчеству арабских писателей диктовалось теми процессами национального формирования, которые переживали арабские страны в первой половине XX века. Ответ на вопрос, почему именно Горький стал маяком для многих писателей Арабского Востока первой половины XX века, дает общественная и культурная обстановка Ирака, Сирии, Ливана и Египта, тех стран, литература которых стала предметом нашего изучения.

Еще в самом начале XX века демократическая интеллигенция Ближнего Востока испытала сильное и плодотворное влияние русской реалистической литературы. Одним из побудительных мотивов обращения к ней было искусство воспроизведения обычной жизни, внимание к повседневной жизни обычных людей, гуманистический пафос русской демократической литературы.. Достаточно перечислить имена крупнейших арабских мастеров, которые ссылались на русскую классику как на источник идей и образов из сферы повседневности, чтобы понять направление их

художественных поисков, комплекс вопросов, на которые они искали ответы. Это Нагиб (Наджиб) Махфуз (Египта) نجيب محفوظ, Мухсен аль-Рамли (Ирак) محسن الرملي, Тауфик Юсеф Аввад (Ливан), Абд-ар-Рахман Муниф (Египта) عبد الرحمن منيف, Гассан Канафани, Орсан Окля Аклан (Сирия), Тахер Бенджеллун, Эмиль Хабиби, Абд ал-Азиз ал-Макалих, Махмуд Дарвиш, Дрис Шрайби и многие другие. На этом фоне становится ясным выбор арабских писателей первой половины XX века, периода формирования национальных литератур в странах, определяющих свою культурную идентичность.

Фигура М.Горького оказалась в данном случае востребованной потому, что в его творчестве внимание к русскому человеку, его истории и быту никогда не переходило в бытописание. К тому же горьковские герои, особенно предреволюционного периода, решали не национальные задачи. Внимание писателя привлекал человек, который мог подняться над провинциальным бытом до протеста. Горьковские герои не замыкались в границах своей жизни и собственных интересов. Простые рабочие в его романе «Мать» с восторгом говорят «...о французах, англичанах, и шведах», «...*The Germans, the Italians, the Englishmen, and the Swedes, of the working people of all countries*», успехи которых они приветствуют. Секрет особой популярности романа «Мать», еще в начале XX века переведенного на многие европейские языки, таится в очень простой мысли, что освобождение простого человека от любого гнета проходит по единому образцу и это роднит людей разных стран. Идеи духовного, нравственного освобождения человека, гуманистический пафос произведений М.Горького оказались актуальными и для арабского читателя.

Призывы «буревестника революции» преодолеть лень и пассивность, перейти к героическому действию на благо грядущих поколений нашли повсеместный отклик на Востоке не только в эпоху национально-освободительной борьбы, но и в последующие годы. Большую роль при этом играли связи арабской литературы с литературой советской, под сильным

воздействием которой находились многие арабские писатели, вовлеченные в национально-освободительную войну на Ближнем Востоке. Это было время наибольшего воздействия мифа о Горьком, основоположнике литературы социалистического реализма.

Как показало обращение к истории арабской литературы XX века, не только горьковские произведения, но и биографический миф имел большое воздействие на арабских писателей, которые видели в нем пример для строительства собственной биографии. Наиболее значительным оказалось воздействие биографического мифа о Максиме Горьком на Ханна Минну, о чем мы говорили во второй главе работы.

В истории переводов произведений Горького на арабский язык можно выделить несколько этапов: 1). С 1907 г. по 1914 г. (начало первой мировой войны) 2). Конец 1920-х гг. – начало 1930-х гг. 3). 1930-е годы – начало XXI вв. Столь неравномерный охват времени в каждом отдельном случае объясняется конкретными политическими причинами, складывавшимися на Арабском Востоке.

Период с 1907 г. до начала первой мировой войны характеризуется активизацией национально-освободительных процессов в арабских странах, о чем мы писали в первой главе. При всем сходстве общественно-политической обстановки литературы каждой из изучаемых нами стран отличаются по художественным результатам. Так, замкнутость литературной жизни в Ираке, власть в ней средневековых традиций, как мы увидели, обеспечили в ней преимущественное развитие и публицистических жанров, и влияние документальной стилистики. Поэтому в начале XX века в ней господствовал, как справедливо заметил советский арабист Б.Чуков, «публицистический жанр», как наиболее отвечающий и подготовленности арабского читателя, и внутренним запросам иракских писателей, освобождавшихся от власти средневековой традиции. А потому в литературе Ирака особой популярностью пользовались произведения М.Горького

дореволюционного периода его творчества – публицистические статьи, роман «Мать» с образом героя-революционера.

Иначе складывалась общественная и литературная обстановка в Египте, Сирии и Ливане. Литература этих стран стала складываться в эмиграции, в тесном контакте с культурными традициями западной литературы. Арабские интеллектуалы создали ряд арабских Ассоциаций в Египте, Франции, популяризировали культуру и арабский язык, работали в студенческой среде, среди офицеров, использовали религиозные влияния, театр. В истории арабской культуры зафиксирована сиро-ливанская «Ассоциация пера», созданной эмигрантами в Северной и Южной Америки. Благодаря ее работе в литературах Египта, Сирии и Ливана появляются новые для арабской литературы жанры – стихотворения в прозе, эссе.

Но жанровые различия и предпочтения не разделяют непроходимой границей литературы арабских стран. Их роднит в первую очередь неприятие иностранного вмешательства в жизнь их стран, вызывают отторжение ценности буржуазного мира, разрушающие базовые арабские ценности. Однако арабскую литературу периода борьбы за освобождение нельзя упрекнуть и в излишней консервативности. Опыт межнационального общения дал свои результаты. В арабских литературах первой половины XX века мы отмечаем избирательное отношение к традициям, в частности, во многих произведениях того периода высказывалось несогласие с угнетенным положением женщины на Востоке.

Вторая объединяющая особенность арабских литератур связана с необходимостью формирования образа сознательного борца, общественного деятеля, вышедшего из народной среды. Именно эта задача объединила арабские литературы во внимании к творчеству М. Горького и особенно к его роману «Мать». Показательны цифры: всего за 12 лет, с 1954 по 1966 г., на арабском Востоке появилось пять переводов этого романа: один — в Сирии (1954), два — в Египте (1957), один — в Ливане (1958) и один — в Ираке (1966), причем сирийский перевод выдержал за это время пять изданий. В

восьмитомном собрании сочинений Горького, выпущенном в Дамаске, именно «Матери» отведен первый том – очевидно, как самому главному, с точки зрения издателей, произведению Горького. К переводу этого романа обращаются известные литераторы; среди них ливанский новеллист Ахмед Сувейд (أحمد سويد), сирийцы Сухейль и Фуад Айюбы (سهيل و فؤاد أيوب), авторы целого ряда трудов о русских писателях».

Поскольку, как известно, роман «Мать» и написан, и впервые опубликован в Америке, то нас интересовало и восприятие романа американской критикой, обзор которой сделан в работе. Нас интересовал так же и тот текст, который был первым агентом горьковского влияния на арабском Востоке. Поэтому мы обратились к первому (американскому) варианту романа (Gorki M. Mother. New York and London. D. Appleton and Company, 1916. 450 p.), сверили его с академическим, помещенным в ПСС М.Горького (т.8, 1970) для того, чтобы увидеть направление работы М.Горького над текстом, который создавался в столь необычных условиях.

Сравнение первого и окончательного вариантов романа «Мать» показало, что М.Горький при последующих публикациях уточнял имена героев, детали их портрета, обращал внимание на детали психологического состояния персонажей в тех или иных важных сценах. Такими для писателя стали сцены первого разговора с матерью о правде., сцена, из которой мать узнает, что ее сын и его друзья социалисты. В ней монолог Сашеньки со стандартным изложением программы заменен мыслями и сомнениями Ниловны. Уточняет Горький и сцену суда, внося в нее целый ряд деталей психологического характера, переживания матери. В окончательном варианте романа усиливается мысль о том, что не только мать идет за Павлом и его друзьями, что самые разные люди испытывают к ним сочувствие. В окончательном (русском) варианте романа Ниловну за горло хватает жандарм (вместо «*Somebody seized...*» в первом), появляется финальная фраза, которой сегодня завершается роман: «Кто-то ответил ей громким рыданием» (т.8,с.346).

Наш анализ показал, что М.Горький усиливал от издания к изданию национальный колорит, разрабатывал психологическое наполнение отдельных сцен, наполняя его переживаниями матери, усиливая к ней сочувствие.

В первом, американском, издании романа на первом плане была идея, люди, живущие для ее реализации. Выбор отрывков для перевода на арабский язык первых переводчиков Раифа Хури (رئيف خوري), Лияна Дейрани (ليان ديراني) и других, тогда еще начинающих литераторов, говорит об особенностях восприятия романа Горького прежде всего как писателя-революционера, «преданного делу освобождения трудящихся», идеи которого оказались созвучными арабскому миру в период борьбы за национальное освобождение.

Арабские писатели отразили в своих произведениях этапы формирования личности рабочего, приобретения ими знаний и понимания своих задач и обязанностей, как это сделал в свое время в романе «Мать» Максим Горький. Одна из тем горьковской «Матери» – рождение нового человека в процессе революционной борьбы – трансформировалась в полуколониальном Ираке начала 50-х годов в тему рождения рабочего-революционера, занимающего свое место в едином потоке прогрессивных, революционный, антиимпериалистических сил иракского общества. Так, в качестве примера можно назвать повесть «Самое отвратительное преступление в истории» (1953) Хасана аль-Кяши (حسن الكياشي). – первое произведение иракской литературы, в центре которого находится сознательный пролетарий, романтически приподнятый над будничным бытом, призывающий соотечественников к борьбе против внутренней и внешней реакции. И это служит еще одним доказательством того, что роман в арабских странах воспринимался, прежде всего, в политическом, революционном контексте, отвечал общественным, а не эстетическим задачам.

В то же время, если говорить об эволюции восприятия Горького, то следует сказать, что он долгое время оставался писателем для интеллигенции. Это обстоятельство нельзя объяснять только неграмотностью арабского населения или культурными барьерами. Дело еще и в том, что повышения и спады интереса к Горькому объясняются и переменой мнений о судьбах арабского социализма, о влиянии ислама, о роли традиции и новаций в искусстве. В периоды, когда социализм критиковался, интерес к Горькому, как и к другим представителям социалистического реализма, падал. С подъемом мусульманства воздействие русской классики, тяготеющей к атеизму, тоже уменьшалось. Сегодня статус Горького высок, но не выше, чем статус таких авторов, как А. Солженицын, Ю. Бондарев или В. Астафьев. Однако интерес к проблемам маленького человека, провинциальной жизни и нравственного воспитания велик.

В заключение хотелось бы отметить, что, завоевав мир, М.Горький пришел и в арабские страны, где его, быть может, не столько знают, сколько любят. К концу XX века арабским читателям уже были доступны все повести и романы Горького, пьесы и большинство рассказов. К этому времени были переведены наиболее популярные в мировой литературе произведения – «Фома Гордеев», «Трое», «Детство», «Мои университеты», пьесы «Враги» и «Мещане», сборник рассказов «Сказки об Италии», многие публицистические сочинения, частично даже переписка.

Можно сказать, что число арабских писателей, на которых в той или иной мере повлияло творчество Горького, достаточно велико. Появляются даже работы, посвященные сопоставлению произведений некоторых арабских писателей и Максима Горького. В пример приведем статью Халафа Хамеда аль-Мусави (...) «Идейно-художественный смысл сходств и различий в рассказах “Челкаш” М.Горького и “Деревенский кентавр” М.-И.-ас-Сакр عيسى الصقر(Ирак)». Выявляя общее в схожих рассказах иракского и русского писателя, автор статьи пытается определить соотношение мировой художественной традиции и новаторства в современной прозе Ирака. Халаф

Хамед аль-Мусаби (حامد الموسوي خلف) обнаруживает сходство в сюжетной основе двух рассказов и общие черты в их персонажах.

Отмечая несомненную преемственность творчества М. И. ас-Сакра по отношению к раннему творчеству М. Горького, автор статьи считает нужным отметить, что рассказ «Деревенский кентавр» выходит за рамки использования сюжета рассказа «Челкаш», адаптированного для арабской культуры. Он несет на себе оригинальную печать времени и событий, неизвестных в пору Горького и не осмысленных еще ни российской, ни мировой художественной культурой. Дело в том, что в рассказе «Деревенский кентавр» нашли отражения события так называемой «шестидневной» арабо-израильской войны, случившейся в июне 1967 года. Эта война оказала огромное влияние на культуру арабского мира, в частности – на идейное содержание и образную структуру произведений художественной литературы. Персонажи ас-Сакра физически искалечены (один из них слеп, другой лишен возможности передвигаться на собственных ногах). Обстоятельства, искалечившие героев, не упоминаются в рассказе, но, по мнению Халафа Хамед аль-Мусаби, это могли быть последствия как раз «шестидневной гуманной» войны, во время которой применялось экономичное оружие, не убивающее противника, но делающее его калекой на всю оставшуюся жизнь.

Еще одно обстоятельство, отличающее рассказ ас-Сакра от горьковского «Челкаша» заключается в том, что разными персонажами «Деревенского кентавра» одни и те же события оцениваются по-разному. С точки зрения автора статьи, такой изобразительный прием, при котором герои произведения наделяются разным восприятием одних и тех же событий, не нов для литературы Востока. В пример он приводит роман Гаиб Тума Фурмана «Пять голосов». Однако в интенсивности использования данного приема ас-Сакр пошел дальше романистов Востока, что связано с выбором самого жанра рассказа. Таким образом, основная мысль статьи Халафа Хамед аль-Мусаби сводится к тому, что, несмотря на определенную

степень заимствования, рассказ «Деревенский кентавр» обладает и оригинальностью мысли, ведь он отражает события, непосредственно волнующие всех представителей арабской культуры.

Таким образом, оценка произведений М. Горького о русской революции зарубежной критикой представляет интерес и для русского литературоведения. К тому же произведения писателя, будучи переведенными на язык другой страны, как правило, становятся фактором ее общественной и культурной жизни, прямо или косвенно воздействуют на развитие ее национальной литературы, включаясь в более широкий контекст мировой литературы XX века.

Список использованной литературы

Раздел I

1. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты / М. Горький.— Ленинград : Худож. лит., 1974 .— 552 с.
2. Горький М. В.И.Ленин [Воспоминания]/ М.Горький.—Москва : Политиздат, 1981.— 95с.
3. Горький М. Васса Железнова : [роман, пьесы, повесть] / Максим Горький .— Москва : Эксмо, 2006 .— 404, [2] с
4. Горький М. Дело Артамоновых/ М.Горький.— Петрозаводск: Карелия, 1972.-256с.
5. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Сорок лет. : Повесть. Кн. 3 / М. Горький .— Москва : Сов. пис., 1947 .— 366 с.
6. Горький М. Материалы и исследования: в 4 т. / М. Горький. — Москва; Ленинград : Издание Академии Наук СССР, 1941. — Т. 3. — 462 с.
7. Горький М. Мать: Роман / М. Горький .— Свердловск : Сверд. обл. кн.изд., 1951 .— 258 с.
8. Горький М. На дне. Дачники: пьесы/ М.Горький; Ил. А.Веркау.— Москва : Дет. лит., 2001.-216с.
9. Горький М. На дне: Избранное / М. Горький.— Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001 .— 637,[2] с.
- 10.Горький М. Несвоевременные мысли / М. Горький // Литературное обозрение. — 1988. — № 10. — С. 112.
- 11.Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре; Рассказы/ М.Горький.- Москва : Современник, 1991.-128с.
- 12.Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 тт. Т. 25. Жизнь Клима Самгина. — Москва: Наука,1971. — 654с.
- 13.Горький М. Пьесы/ М.Горький; Предисл. и послесл. Б.А.Бялика.— Изд. 5—е.—Москва : Дет. лит., 1975.—320с.
- 14.Горький М. Ранние рассказы / М. Горький; Предисл. В.

Кургановой.— Москва : Сов. Россия, 1980 .— 79 с.

15. Горький М. Сказки об Италии/ М. Горький; Предисл. Б.А. Бялика; Ил. К. Безбородов.-2-е изд.—Москва : Дет. лит., 1987.—128с.

16. Горький М. Фома Гордеев/ М. Горький.—Печ. по изд. 1980г.— Москва : Сов. Россия, 1984.—254с.

17. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты / М. Горький.— Ленинград : Худож. лит., 1974 .— 552 с.

18. Горький М. На дне: Пьеса / М. Горький .— Москва : Стрекоза-Пресс, 2002 .— 154, [2] с.

19. Горький М. Песня о соколе. Песня о Буревестнике. Мать. 9-е января. В. И. Ленин. Романтические произведения, повесть, очерки. — Воронеж : Центр.— Чернозем. кн. изд-во, 1987 .— 382с. — 1,90.

20. Горький, Максим. Собрание сочинений : в 30 т., Т.30/ М. Горький. — Москва : Наука, 1970. 818, [1] с.

21. Максим Горький : pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей, 1890-1910-е гг.: антология / вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. — Санкт–Петербург : Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. — 895 с.

Раздел II

22. Авдеенко А. Отлучение / А Авдеенко // Знамя. — 1989. — № 3. — С. 5–73.

23. Али-Заде Э. А. История литературы Сирии XIX–XX веков / Али-Заде Э. А. — Москва : Восточная литература, 2007. — 414 с.

24. Аль-Мусави Х. Идеино-художественный смысл сходств и различий в рассказах «Челкаш» М. Горького и «Деревенский кентавр» М.-И. ас-Сакра (Ирак) / Х. Аль-Мусави // Казанская наука. — 2010. — № 10. — С. 236–240.

25. Андреевич В. «Вольница»: очерки текущей русской литературы / В. Андреевич // Жизнь. – 1900. – № 4. – С. 312–313.
26. Анненков Ю. П. Максим Горький / Ю. П. Анненков // Неман. – 1990. – № 2. – С. 145–150.
27. Анчиполовский З. Я. Времена Максима Горького : судьба драматургии писателя в провинциальных городах России начала XX века / З. Я. Анчиполовский. – Воронеж : Логос, 1993. – 202 с.
28. Арабская поэзия средних веков : пер. с араб. / сост. И. Фильштинский ; авт. предислов. К. Яшена. – Москва : Художественная литература, 1975. – 767 с.
29. Архив А. М. Горького : в 16 т. – Москва : Издательство АН СССР, 1960. – Т. 8 : Переписка Горького с зарубежными литераторами. – 446 с.
30. Баранов В. Горький без грима : Тайна смерти / В. Баранов. – Москва : Аграф, 1996. – 397 с.
31. Баранов В.И.: «Приватизированный» Горький / В. С. Барахов // Новое книжное обозрение. — 1996. — № 18–19. — С. 5–6.
32. Барахов В. С. А. М. Горький : последние дни жизни / В. С. Барахов // Литературная газета. – 1989. – № 28.
33. Басинский П. Логика гуманизма : об истоках трагедии Максима Горького / П. Басинский // Вопросы литературы. – 1991. – № 2. – С.129–137.
34. Басинский П. Трагедия Максима Горького / П. Басинский // Горький М. Проза. Драматургия. Публицистика. – Москва : АСТ ; Олимп, 1996. – С. 5–14.
35. Берберова Н. Н. Железная женщина : рассказ о жизни М. И. Закревской– Бенкендорф – Будберг, о ней самой и ее друзьях / Н. Н. Берберова // Дружба народов. – 1989. – № 9. – С. 107–159.
36. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Москва : Наука, 1990. – 220 с.
37. Боброва Е. Критические отзывы американской печати 1907 г. о

повести «Мать» // Горький М. Материалы и исследования. Т. III / Под ред. С.Д. Балухатого и В.А. Десницкого. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941.

38.Борисов В. Арабская литература после Второй мировой войны / В. Борисов // Вопросы литературы. – 1958. – Вып. 8. – С. 3–25.

39.Браун Э. Дж. Символистское влияние на «реалистический» стиль Горького / Э. Браун // Русская литература XX века : исследования американских ученых. – Санкт–Петербург, 1993.– С. 156–175.

40.Бурсов Б. Роман М. Горького «Мать» и вопросы социалистического реализма / Б. Бурсов. – Москва : Гослитиздат, 1955. – 226 с.

41.Быков Д. Л. Был ли Горький? : [биографический очерк] / Д. Быков – Москва : АСТ : Астрель, 2008. – 348 с.

42.Вайман С. Под руинами соцреализма : человек и идея в повести М. Горького «Мать» / С. Вайман // Литературное обозрение. – 1991. – № 12. – С. 26–33.

43.Вайнберг И. Во имя революции и культуры / И. Вайнберг // Литературное обозрение. – 1988. – № 9. – С. 93–100.

44.Вешнев В. Горькое лакомство / В. Вешнев // На литературном посту. – 1927. – № 20. – С. 41–55.

45.Воробьева З. А. Раннее творчество А. М. Горького : автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. А. Воробьева. – Ленинград, 1952. – 22 с.

46.Воровский В. Литературно-критические статьи / В. Воровский. – Москва : Гослитиздат, 1956. – 480 с.

47.Горбов Д. Путь М. Горького / Д. Горбов. – Москва: Артель писателей, 1928. – 138 с.

48.Горбов Д. Путь М. Горького / Д. Горбов. – Москва : Артель писателей, 1928. – 139 с.

49.Горький М. Полн. Собр. Соч. Т. 5 : Письма 1905-1906 / М. Горький.– Москва: Наука, 1999. – 575 с.

50. Григорьев Р. М. Горький / Р. Григорьев. – Москва : Госиздат, 1925. – 320 с.
51. Грюнебаум Г. Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры : статьи разных лет / Г. Э. Грюнебаум – Москва : Наука, 1981. – 227 с.
52. Д. Юсупов Иракская литература / Д. Юсупов // Краткая литературная энциклопедия. – Т. 3. – Москва, 1966. – С. 166–167.
53. Данциг Б. Ближний Восток в русской науке и литературе : дооктябрьский период / Б. Данциг. – Москва : Наука, 1973. – 434 с.
54. Долинина А. А. Из истории арабских переводов романа М. Горького «Мать» / А. А. Долинина // Вестник Ленинградского университета. Сер. История, языка, литературы. – 1980. – № 20. – Вып. 4. – С. 59–64.
55. Долинина А. А. Из предыстории реализма в новой арабской литературе / А. А. Долинина // Проблемы становления реализма в литературах Востока–Москва, 1964. – С. 278–292.
56. Долинина А. А. Мысли о современной арабской литературе / А. А. Долинина, М. Ал-Каяли // Современный Восток. – 1958. – № 9. – С. 64–65.
57. Долинина А. А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Просветительский роман 1870–1914 гг. / А. А. Долинина. – Москва: Наука, 1973. – 272 с.
58. Долинина А. А. Первый сборник произведений М. Горького на арабском языке / А. А. Долинина // Горький в литературе зарубежного Востока : сборник статей. – Москва, 1968. – С. 230–247.
59. Долинина А. А. Пушкин в арабской литературе / А. А. Долинина // Пушкин в странах зарубежного Востока : сборник статей. – Москва, 1979. – С. 9–24.
60. Долинина А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870–1914.- М.:Наука,1968.- 144 с.
61. Егорова Ю. Из истории текста повести М. Горького «Мать» / Ю.

Егорова // Русская литература XX века : актуальные вопросы текстологии источниковедения : материалы Первого Международного текстологического семинара. – Москва, 2009. – С. 226–230.

62.Зелинский К. Одна встреча у Горького : запись из дневника / К. Зелинский // Вопросы литературы. – 1991.–№ 5. – С. 145–170.

63.Зобнин Ю. В. По ту сторону истины (Случай Горького) / Ю. В. Зобнин // Максим Горький : Pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 6–40.

64.Имангулиева А. Н. «Ассоциация пера» и Михаил Нуайме / А. Н. Имангулиева. – Москва : Наука, 1975. – 146 с.

65.Касторский С. «Мать» М. Горького : творческая история повести / С. Касторский. – Москва : ГИЗ Худлит, 1940. – 224 с.

66.Касторский С. Повесть М.Горького «Мать» ее общественно-политическое и литературное значение / С. Касторский. — Ленинград : Министерства Просвещения РСФСР, 1954. – 216 с.

67.Келдыш В. А. О системе ценностей в раннем творчестве М. Горького / В. А. Келдыш // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 4. – С. 20–25.

68.Киреева И. В. «Мать» М. Горького в контексте европейской традиции (у истоков восприятия романа в американской периодике) / И. В. Киреева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. – 2002. – Вып. 1 (2). – С. 90–94.

69.Клюс Э. Ницше в России : революция морального сознания / Э. Клюс. – Санкт-Петербург : Академический проспект, 1999. – 240 с.

70.Колобаева Л. Горький и Ницше / Л. Колобаева // Вопросы литературы. – 1990. – № 10. – С. 162–173.

71.Конкверст Р. Большой террор / Р. Конкверст // Нева. –1989. – № 15. –С. 136–139.

72.Костиков В. В. Не будем проклипать изгнание : Пути и судьбы

русской эмиграции / В. В. Костиков. – Москва : Международные отношения, 1990. – 462 с.

73. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения : в 6 т. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1955–1956.

74. Крачковский И. Ю. Новая арабская работа по русской литературе / И. Ю. Крачковский // Избранные сочинения : в 6 т. – Москва ; Ленинград, 1956. – Т. 3. – С 326–335.

75. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики / И. Ю. Крачковский. – Москва : Издательство АН СССР, 1950. – 298 с.

76. Крымский А. Е. Арабская литература в очерках и образах / А. Е. Крымский. – Москва : Типография Ю. Венер, 1911. – 402 с.

77. Крымский А. Е. История новой арабской литературы XIX–начала XX вв. / А. Е. Крымский. – Москва : Наука, 1971. – 794 с.

78. Куделин А. Б. Арабская литература : поэтика, стилистика, типология взаимосвязи / А. Б. Куделин. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 511 с.

79. Кузнецов Ф. Ф. Максим Горький и современность [доклад директора Института мировой литературы АН СССР на торжественном заседании, посвященном 120-летию со дня рождения М. Горького] / Ф. Ф. Кузнецов. – Советская культура. – 1988. – 31 мар.

80. Кускова Е. Д. Трагедия Максима Горького / Е. Д. Кускова // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1954. – № 38. – С. 224–245.

81. Левин З. К характеристике арабского просвещения XIX в. / З. Левин // Вопросы философии. – 1968 – № 6. – С. 31–33.

82. Левин З. И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте : [новое время] / З. И. Левин. – Москва : Наука, 1972. – 268 с.

83. Лейдерман Н. Л. М. Горький в школе : новое прочтение : методическое пособие для учителя / Н. Л. Лейдерман, А. Сапир. – Москва : ВАКО, 2005. – 304 с.

84.Луначарский А. В. Статьи о Горьком / А. В. Луначарский. – Москва : Гослитиздат, 1957. – 109 с.

85.Луначарский А. В. Статьи о литературе : в 2 т. / А. В. Луначарский. – Москва : Художественная литература, 1988. – Т. 2 : Советская литература : теория и литературная критика. – 493 с.

86.Луцкий В. Б. Сирия и Ливан [Текст]: стенограмма публичной лекции канд. ист. наук В. Б. Луцкого, прочит. 18 июня 1945 г. в Лекционном зале в Москве / В. Б. Луцкий. – Москва: Правда, 1945. – 27 с. – (на правах рукописи).

87.Меньшиков М. О. Красивый цинизм / М. О. Меньшиков // Критические статьи о произведениях Максима Горького. – Санкт-Петербург, 1901. – С. 181–209.

88.Метченко А. Завещано Горьким : Роль Горького в развитии литературы социалистического реализма / А. Метченко. – Москва : Художественная литература, 1969. – 119 с.

89.Митин Г. А. Художник из Апсны / Г. А. Митин. – Сухуми : Алашара, 104 с.

90.Митин Г. Евангелие от Максима : [Заметки о романе А. М. Горького «Мать»] / Г. Митин // Литература в школе. – 1989.– № 4. – С. 48–65.

91.Михайлович С. М. Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии в VII–середине X в. / С. М. Михайлович. – Москва : Наука, 1980. – 247 с.

92.Михайловский Б. Творчество М. Горького / Б. Михайловский, Е. Тагер. – Москва : Учпедгиз, 1969. – 294 с.

93.Михайловский Н. К. О Максиме Горьком и его героях / Н. К. Михайловский // Русское богатство. – 1898. – № 9. – С. 55–75.

94.Муратова К. Д. М. Горький : семинарий / К. Д. Муратова. – Москва : Просвещение, 1981. – 206 с.

95.Муромский В. П. Все дальше от канона : новые труды о Горьком /

В. П. Муромский // Русская литература. – 1997. – № 1. – С. 250–256.

96. Набоков В. В. Лекции по русской литературе : Чехов. Достоевский. Гоголь. Горький. Толстой. Тургенев / В. В. Набоков. – Москва : Независимая Газета. – 1996. – 438 с.

97. Нестеров М. Из писем / М. Нестеров. – Ленинград : Искусство, 1968. – 450 с.

98. Никонова Т. А. «Новый человек» в русской литературе 1900–1930-х годов: Проективная модель и художественная практика / Т. А. Никонова. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2003. – 232 с.

99. Никонова Т. А. «Хочу, чтобы каждый из людей был человеком!» : Герой и «массовый человек» в творчестве М. Горького / Т. А. Никонова // Русская литература XX века: учебное пособие. – Воронеж, 1999. – С. 39–66.

100. Никонова Т. А. «Новый человек» в русской литературе 1900–1930-х годов: Проективная модель и художественная практика. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – С. 60–61.

101. Никонова Т. А. «Хочу, чтобы каждый из людей был человеком!» : Герой и «массовый человек» в творчестве М. Горького // Русская литература XX века. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 58–59.

102. Нуайме М. Мои семьдесят лет / М. Нуайме. – Москва : Наука, 1980. – 337 с.

103. Овчаренко А. И. О положительном герое в творчестве М. Горького, 1892 – 1907 : статьи / А. И. Овчаренко. – Москва : Советский писатель, 1957. – 584 с.

104. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений / А. Орлов. – Москва : Автор, 1991. – 351 с.

105. Петров С. М. Проблемы реализма в художественной литературе / С. М. Петров. – Москва : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1962. – 304 с.

106. Полякова Л.В. Горький Максим.// Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. Межвузовский региональный проект. Тамбов – Елец: Изд-во Елецкого ун-та, 2004. С.
107. Полякова Л.В. Две голгофы М. Горького: проблемы отношения писателя к русскому национальному характеру и литературе «декаданса» / Л.В. Полякова // Полякова Л.В. Русская литература: индивидуально-творческий колорит. Монография. Тамбов, 2012. С. 167-201.
108. Полякова Л.В. М. Горький о модернистской литературе: Ахматова / Л.В. Полякова // Максим Горький: взгляд из XXI века. Горьковские чтения 2008 года: Материалы международной конференции. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2010.
109. Полякова Л.В. М. Горький о русском крестьянстве. Контур проблемы / Л.В. Полякова // Вестник Тамбовского университета... 2002. Вып. II. С. 71-78.
110. Примочкина Н. Н. Антиномия «Восток – Запад» в мировоззрении и творчестве Горького / Н. Н. Примочкина // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. – Москва, 2009. – С. 41–81.
111. Роллан Р. Московский дневник / Р. Роллан // Вопросы литературы. – 1990. – № 3. – С. 181–183.
112. Сараскина Л. Страна для эксперимента : [О публицистике А. М. Горького] / Л. Сараскина // Октябрь. – 1990. – № 3. – С. 159–170.
113. Сердце женщины : повести и рассказы современных арабских писателей : перевод с арабского / авт. предисл. В. Кирпиченко ; сост. О. Фролова. – Ленинград : Художественная литература, 1988. – 461 с.
114. Слинько М.А. Российский "культурный ренессанс" и многообразие литературного развития на рубеже XIX-XX веков // Литературный процесс и судьбы цивилизации XX века. - Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2002. - С. 80-99.
115. Слинько М.А. Динамика литературного процесса рубежа XIX-

XX

116. Слинко М.А. Максим Горький // Из истории русской литературы и культуры конца XIX - начала XX веков (избранные страницы).- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2009. - С. 13-23.

117. Смирнова Л. А. Горький и Ленин : разрушение легенды / Л. А. Смирнова // Вопросы литературы. – 1993. – № 5. – С. 219–230.

118. Спиридонова Л. А. Максим Горький : новый взгляд / Л. А. Спиридонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2004. – 262 с.

119. Сталин И. Окружили мя тельцы мнози тучны / И. Сталин // Рабочий путь. – 1917. – 20 окт.

120. Стихи поэтов Египта / [сост. и общ. ред. А.И. Палладина ; предисл. Вл. Луговского]. – Москва : Гослитиздат, 1956. – 398 с.

121. Струве Г. П. Русская литература в изгнании : Краткий биографический словарь Русского Зарубежья / Г. П. Струве. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Русский путь, 1996. – 448 с.

122. Сухих И. Между Марксом и Богородицею (1906–1907. «Мать» М. Горького) / И. Сухих // Звезда. – 1998. – №10. – С. 227–235.

123. Сухих И. Обреченная (?) книга / И. Сухих // Нева. – 1993. – № 3. – С. 233–238.

124. Тарвердова Е. Арабские просветители – предшественники революционной демократии / Е. Тарвердова // Народы Азии и Африки. – 1980 – № 6.

125. Удодов А. Б. Горький : преодоление мифа / А. Б. Удодов // Литература в школе. – 1991. – № 4. – С.79–87.

126. Удодов А. Б. Творческое наследие М. Горького в процессах социально-эстетического функционирования : взгляд из XXI столетия / А. Б. Удодов // Известия Воронежского педагогического университета. – 2013. – №1 (260).

127. Удодов А. Б. Феномен М. Горького как эстетическая реальность

: генезис и функционирование (1880-е – начало 1900-х годов) / А. Б. Удодов. – Воронеж : Издательство ВГПУ, 1999. – 268 с.

128. Ульяновский Р. Научный социализм и освободившиеся страны / Р. Ульяновский // Коммунист. – 1968 – № 4. – С. 56–70.

129. Урюпин И.С. Национально-культурный архетип "русского бунта" в творчестве М. Горького и литературе революционной эпохи / И.С. Урюпин // Литературный текст XX века: проблемы поэтики. – Челябинск: Цицеро, 2012. - С. 387-393.

130. Урюпин И.С. Национально-культурный архетип "русского бунта" в творчестве М. Горького и литературе революционной эпохи // Литературный текст XX века: проблемы поэтики. - Челябинск: Цицеро, 2012. - С. 387-393.

131. Фахури Ханна. История арабской литературы : в 2 т. / Ханна Ф. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1961. – Т. 2. – 483 с.

132. Философов Д. Конец Горького / Д. Философов // Русская мысль. – 1907. – № 4. – С. 122–124.

133. Философов Д. Конец Горького // Русская мысль. – 1907. – № 4. – С. 122–141.

134. Фильштинский И. М. Арабская классическая литература / И. М. Фильштинский. – Москва : Наука, 1965. – 311 с.

135. Фильштинский И. М. Арабская литература в средние века : словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье / И. М. Фильштинский. – Москва : Наука, 1977. – 291 с.

136. Фильштинский И. М. Арабская литература в средние века. (VIII -IX вв.) / И. М. Фильштинский. – Москва : Наука, 1978. – 256 с.

137. Ходасевич В. Воспоминания о Горьком / В. Ходасевич. – Москва : Правда, 1989. – 46 с.

138. Хьетсо Г. Максим Горький : судьба писателя / Г. Хьетсо. – Москва : Наследие, 1997. – 343 с.

139. Чуков Б. В. Возникновение социальной утопии в иракской

литературе / Б. В. Чуков // Народы Азии и Африки. – 1978. – № 6. – С. 79–85.

140. Чуков Б. В. Общественное сознание и идейно-художественная эволюция литературы в Ираке XIX в. / Б. В. Чуков // Народы Азии и Африки. – 1977. – № 6. – С. 109–119.

141. Чуков Б. В. Социалистические идеи в иракской прозе / Б. В. Чуков // Народы Азии и Африки. – 1974. – № 1. – С. 94–120.

142. Чуков Б. В. Статья с веком наравне : История арабской литературы в Ираке / Б. В. Чуков. – Москва : Институт Востоковедения РАН, 1997. – 351 с.

143. Чуковский Н. Дневник / Н. Чуковский // Новый мир. – 1990. – № 7. – С. 162.

144. Шкловский В. Литературные заметки: по поводу книги Горького «Заметки из дневника» / В. Шкловский // Жизнь искусства. – 1924. – № 28. – С. 10–18.

145. Шум О. Ю. Новый взгляд на творчество М. Горького : обзор научных публикаций последнего пятнадцатилетия / О. Ю. Шум // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 52. – С. 102–105.

146. Биографии писателей. – URL: <http://www.litra.ru/> (дата обращения: 17.09.2013).

147. Биографии писателей. Горький М. – URL: <http://www.litra.ru/> (дата обращения: 07.12.2011).

148. Иосиф Сталин (биографические материалы). – URL: <http://www.hrono.ru/> (дата обращения: 02.02.2012).

149. История литературы восточной Азии. – URL: <http://www.textologia.ru/> (дата обращения: 08.12.2013).

150. Революция в России 1905-1907. – URL: <http://www.hrono.ru/> (дата обращения: 10.06.2013).

151. Список всех произведений Горького. – URL: <http://maksimka-38.ucoz.ru/index/0-6> (дата обращения: 02.02.2012).

152. Список всех произведений Горького. – URL: <http://maksimka-38.ucoz.ru/index/0-6> (дата обращения: 03.04.2013).

153. Суздальцев а. История коммунистического и рабочего движения и национально-освободительных движений / а.суздальцев:url: – URL:<http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 10.09.2012).

раздел III

154. 2009. دمشق, الثانية الطبعة, التكوين دار, نيوف فيروز, اعتراف, مكسيم غوركي. 2009. (Горький М. Исповедь, изд. Дар аль- Таквин, 2-ое издание, Дамаск, 2009).

155. 2007. بيروت, العربي الحرف دار, عكاوي رحاب, الام, مكسيم غوركي. 2007. (Горький М. Мать, Дар аль Харф аль Араби, Бейрут, 2007).

156. 2002. بيروت, البحار دار, الام, مكسيم غوركي. 2002 (Горький М. «аль Ум» (Мать), изд. Дар аль- Бихар, Бейрут, 2002).

157. 1999. بيروت, الجيل دار, عطية محمود أحمد, جامعياتي, مكسيم غوركي. 1999. (Горький М. Мои университеты, , изд. Дар аль- Джиль, Бейрут, 1999).

158. الثقافة وزارة, (دراسة مقارنة) المغامرة والصدى - الواقعية الاشتراكية, وائل بركات. 1997. دمشق, السورية العربية الجمهورية (Баракат Ваиль Социалистический Реализм- Приключения и Эхо (Сравнительное изучение), Изд. Министерство культуры в Сирийской Арабской Республике, Дамаск, 1997).

159. 1990. بغداد, الادبية المذاهب, جميل التكريتي. 1990 (Литературные Доктрины, Джамил Насиф аль- Тикрити, Багдад, 1990).

160. 1990. بغداد, الواقعية في المسرح العراقي, مهدي عقيل يوسف. 1990 (Юсиф Акиль Махди, Реализм в Иракском Театре, Багдад, 1990).

161. 1989. بيروت, الفارابي دار, مجموعة مسرحيات, مكسيم غوركي. 1989. (Горький М. Пьесы, Дар аль- Фараби, Бейрут, 1989).

162. رادوغا دار, الام, الخامس المجلد, مجلدات ستة في الكاملة المؤلفات, مكسيم غوركي. 1988. موسكو (Горький М. Собрание сочинение в 6-ти томах, Т-5 «Мать», изд. Радуга, М., 1988).

163. 1892 - أقاصيص ,الثالث المجلد ,مجلدات ستة في الكاملة المؤلفات ,مكسيم غوركي .1906 - 1906, (Горький М. Собрание сочинение в 6-ти томах, Т-3, Рассказы 1892- 1906, (Макар [HYPERLINK "http://www.alko-no.ru/makar_chudra.htm"](http://www.alko-no.ru/makar_chudra.htm)Чудра, Мой Спутник, Бабушкин Скворец, Старуха [HYPERLINK "http://www.alko-no.ru/staruha_izergil.htm"](http://www.alko-no.ru/staruha_izergil.htm)Изергиль, Челкаш, Однажды Осенью, Песня [HYPERLINK "http://www.alko-no.ru/sokol.htm"](http://www.alko-no.ru/sokol.htm) О [HYPERLINK "http://www.alko-no.ru/sokol.htm"](http://www.alko-no.ru/sokol.htm) Соколе, Коновалов, Мальва, Двадцать Шесть И Одна, Город Желтого Дьявола, Песня О Буревестнике), изд. Радуга, М., 1988).

164. جامعياتي ,الناس بين ,الثاني المجلد ,مجلدات ستة في الكاملة المؤلفات ,مكسيم غوركي .1988 (Горький М. Собрание сочинение в 6-ти томах, Т-2, В людях, Мои университеты, изд. Радуга, М., 1988)

165. رادوغا دار ,طفولتي ,السادس المجلد ,مجلدات ستة في الكاملة المؤلفات ,مكسيم غوركي .1988 (Горький М. Собрание сочинение в 6-ти томах, Т-1 (Детство), изд. Радуга, М., 1988).

166. 1912 - أقاصيص ,الرابع المجلد ,مجلدات ستة في الكاملة المؤلفات ,مكسيم غوركي .1931 - 1931 (Горький М. Горький М. Собрание сочинение в 6-ти томах, Т-4, Рассказы 1912- 1931(Сказки об Италии, Рождение Человека, Ледоход , [OHYPERLINK "http://www.alko-no.ru/love.htm"](http://www.alko-no.ru/love.htm) П [HYPERLINK "http://www.alko-no.ru/love.htm"](http://www.alko-no.ru/love.htm)ервой Любви, Рассказ О Герое, А. П. Чехов, Лев Толстой, В. И. Ленин, изд. Радуга, М., 1988).

167. دار ,مسرحيات ,السادس المجلد ,مجلدات ستة في الكاملة المؤلفات ,مكسيم غوركي .1988 (Горький М. Собрание сочинение в 6-ти томах, Т-6, Пьесы (Мещане, На Дне, Враги, Егор [HYPERLINK "http://www.alko-no.ru/PESY/egor_b.htm"](http://www.alko-no.ru/PESY/egor_b.htm)Булычов [HYPERLINK "http://www.alko-no.ru/PESY/egor_b.htm"](http://www.alko-no.ru/PESY/egor_b.htm) И [HYPERLINK "http://www.alko-no.ru/PESY/egor_b.htm"](http://www.alko-no.ru/PESY/egor_b.htm) Другие, Васса [HYPERLINK "http://www.alko-no.ru/PESY/zheleznova02.htm"](http://www.alko-no.ru/PESY/zheleznova02.htm) Железнова), изд. Радуга, М., 1988).

168. 1985 .بغداد ,الاحياء دار مكتبة ,أخرى وقصص الحب ,مكسيم غوركي .1985 (Горький М.

- Любовь и другие рассказы, Мактабат Дар Ихя, Багдад, 1985).
169. 1985. الحصاد دار, صقور مالك, أخرى ومقالات الكتابة تعلمت كيف, مكسيم غوركي. دمشق (Горький М. Как научился писать и другие очерки, изд. Дар аль Хасад, Дамаск, 1985).
170. 1985. بيروت, المعرفة دار, حسني خليل, الناس بين, مكسيم غوركي (Горький М. В Людях, изд. Дар аль- Маарифа, Бейрут, 1985).
171. 1985. بغداد, العربي والادب الروس الكلاسيكيون, محمد يونس, (Юнис Мухаммед, Классические Русские Писатели и арабская литература, Багдад, 1985)
172. 1984. دمشق, والسوفييتي العربي الادبين في الواقعية, ماجد الدين علاء (Альа Аль - Дин Маджид, Реализм в Советской и Арабской Литературах, первое издание, Дамаск, 1984).
173. 1983. موسكو, رادوغا دار, الام, مكسيم غوركي (Горький М. Мать, изд. Радуга, М., 1983).
174. 1982. موسكو, التقدم دار, لبني وصفي ترجمة, الثلاثة الاصدقاء, مكسيم غوركي (Горький М. Торе, изд. Дар аль- Тагаддум, М., 1982).
175. 1981. دمشق, السورية الثقافة وزارة, جيلزنوفا فاسا, مكسيم غوركي (Горький М. Васса Железнова, изд. Министерство культуры, Дамаск, 1981).
176. 1980. موسكو, السبعين سنيني, ميخائيل نعيمة (Нуайме М. Мои семьдесят лет. М., 1980).
177. 1978. بيروت, القلم دار, الام, مكسيم غوركي (Горький М. Мать, изд. Дар аль Калям, Бейрут, 1978).
178. 1978. موسكو, التقدم دار, فرمان طعمة غائب ترجمة, (مختارة قصص) انسان مولد, (Горький М. Рождение Человека (избранные рассказы), Гаиб Тома Фурман, изд. Дар аль Тагаддум, Москва, 1978)
179. 1976. القاهرة, العربي الادب في التجديد حركة. (Движение Обновления в Арабской Литературе, Каир, 1976).
180. 1975. بيروت, العربية المؤسسة, العربية الاقاصيص في غوركي نتاجات, جليل الدين كمال (Камаль аль- Дин Джалиль, Произведения М. Горького в арабских пересказах, аль Муасаса аль Аравиа лиль Дирасат валь Нашр, Бейрут, 1975).

195. 1969, بغداد, 1939 – 1908, العراق في وتطورها القصة نشأة, الاله عبد احمد (Ахмед Абдель Иллах, возникновение и развитие прозы в Ираке, 1908 – 1939), Багдад, 1969).
196. مجلة (Журнал «Знание», 17 ص, 88 العدد, 1969, تموز, دمشق, المعرفة, 17).
 1969, № 88, стр.17).
 197. (Сабри Эдмон., Когда жизнь была дешевой, Багдад, 1968), ادمون صبري 1968, بغداد, رخيصة الحياة كانت عندما.
198. لبنان – سوريا, العربية اليقظة دار, زيتون نظير, اعتراف, مكسيم غوركي 1968. (Горький М. Исповедь, изд. Дар аль- Яказа аль- Арабия, Сирия – Ливан, 1968).
199. («Ат-Таахы») («التآخي») 1968, الرابعة السنة, 19 العدد, 19. IV. 1968).
200. (Сабри Эдмон, Дни безработицы, Багдад, 1967), ادمون صبري 1967, بغداد, العطلة ايام, ادمون صبري.
201. (Farman G. Five Voices, بغداد, 1967), أصوات خمسة, طعمة غايب فرمان (Farman G. Five Voices, Багдад, 1967).
202. (Farman G. Palm and Neighbors, بغداد, 1966), والجيران النخلة, طعمة غايب فرمان (Farman G. Palm and Neighbors, Багдад, 1966).
203. (Mina H. Parus and Storm, بيروت, 1965), والعاصفة الشراع, ميخائيل نعيمة (Mina H. Parus and Storm, Бейрут, 1965).
204. (Gali Shukri, المعاصر العربي الادب في الثورية الافكار, شكري غالي 1965. (Гали Шукри, Революционные смыслы в Современной Арабской Литературе, Каир, 1965).
205. (Gali Shukri, المعاصر العربي الادب في الثورية الافكار, شكري غالي 1965. (Гали Шукри, Революционные смыслы в Современной Арабской Литературе, Каир, 1965).
206. (Kunzul Ilyas, دمشق, العرب المهاجرين ادب, الياس قنصل 1963. (Кунсуль Иляс Литература Арабских Мигрантов, Дамаск, 1963).
207. (Gori M. Old Man, القاهرة, مصر مكتبة, البشلاوي الحليم عبد ترجمة, العجوز, مكسيم غوركي 1963. (Горький М. Старик, изд. Мактабат Маср, Каир, 1963).
208. (Edmon Sabri, Widow, بغداد, المرحوم زوجة, صبري ادمون 1962. (Эдмон. Сабри, Вдова,

Багдад, 1962).

209. القاهرة, مصر مكتبة, البشلاوي الحليم عبد, الحضيض في, مكسيم غوركي 1962 (Горький М. На дне, изд. Мактабат Маср, Каир, 1962).

210. 1962. القاهرة, المعاصر العربي الادب (Современная Арабская Литература, Каир, 1962).

211. 1961, بغداد, العراقية القصة في, الحميد عبد باسم حمودي (Хамуди Басим Абдел Хамид, Об иракской прозе, Багдад, 1961).

212. القاهرة دار, خشبة دريني ترجمة, غوردييف فوما, مكسيم غوركي, القاهرة. 1960 (Горький М. Фома Гордеев, изд. Дар аль Кахира, Каир, 1960).

213. 1960, بغداد, الظلم من هارب, ادمون (Сабри Эдмон, Бегущий из мрака, Багдад, 1960).

214. 1959, موسكو, اللبنانية الرواية, نعيمة ميخائيل (Nuayme M. Ливанские новеллы. М., 1959).

215. 1959, بغداد, المصائب خضم في, ادمون صبري (Сабри Эдмон, В море несчастий, Багдад, 1959).

216. 1959, بيروت, المعاصر العربي الادب في الجديد, حنا فاخوري (Фахури Ханна, Новое в Современной Арабской Литературе, Бейрут, 1959).

217. 1959, القاهرة, العربي الادب في الاتجاهات عن, محمود تيمور (Таимур, Махмуд, О Тенденциях в Арабской Литературе, Каир, 1959).

218. القاهرة, (1850 – 1950) سوريا في المعاصر العربي الادب, سامي الكيالي, 1959 (аль-Каяли Сами, Современная Литература в Сирии (1850 – 1950), Каир, 1959).

219. 1958, دمشق, العربي الادب على وتاثيرها سوريا في الادبية الاتجاهات, جميل صليبي (Салибия Джамиль Литературные Тенденции в Сирии и их влияние на арабской литературе, Дамаск, 1958).

220. 1958, بيروت, الجديدة المعاصر العربي الادب مشاكل, محمد منذور (Мандур Мухаммед, Новые Проблемы Современной Арабской Литературы, Бейрут, 1958).

221. 1958, بيروت, المعاصر العربي الشعر عن ميخائيل ماطنيوس (Матанюс Михаил, О Современной Арабской Поэзии, Бейрут, 1958).

222. 1956. بغداد, المعاصر العراقي الادب في الاقاصيص, امين القادر عبد حسن (Хасан Абдуль Кадир Амин, Рассказы в Современной Иракской Литературе, Багдад, 1956).
223. 1956(Сабри Эдмон, («Хлеб Правительства» Багдад, 1956). ادمون صبري, الحكومة خبز, بغداد,
224. 1955 (Хасан Абдель Кадер Амин, Проза в новой иракской литературе, Багдад, 1955). بغداد, الحديث العراق في القصة, امين القادر عبد حسن,
225. 1954. بيروت, المعاصر العربي الادب عن, الوهاب عبد البياتي (аль- Бянти Абдуль Ваххаб, О Современной Арабской Литературе, Бейрут, 1954).
226. 1954 (Таимур Махмуд, О Современной Арабской Литературе, Бейрут, 1954). بيروت, المعاصر العربي الادب عن, محمود تيمور,
227. 1954(مينا Х. Синие лампы, Бейрут,,1954). بيروت, الزرق المصابيح, ميخائيل نعيمة)
228. العربية اليقظة دار, الشريف فاروق جلال, وتشيوخوف غوركي مراسلات, مكسيم غوركي, 1954 (Горький М. Письма Горького и Чехова, Джаляль Фарук аль Шариф, изд. Дар аль- Яказа аль- Арабия, Сирия, 1954).
229. 1954. بيروت, للنشر بيروت دار, شعبان بهيج ترجمة, غوردييف فوما, مكسيم غوركي, 1954. (Горький М. Ф Горький М. Фома Гордеев, изд. Дар Байрут Лильнашр, Бейрут, 1954).
230. 1953 الكاشي (Хассан ал-Кяши, Самое омерзительное преступление в истории, [Б. м.], 1953). بغداد, التاريخ في جريمة ابشع, حسان,
231. 1953 (Горький М. На дне, Каир,1953). القاهرة, دواره فؤاد, الحضيض في, مكسيم غوركي,
232. 1953 (Горький М. Мещане, Фуад Давара, Каир, 1953). القاهرة, دواره فؤاد, الصغار البرجوازيون, مكسيم غوركي,
233. 1952(Аль Шариф Джаляль Фарук, Интервью с Максимом Горьким, изд. Дар аль- Руад, Дамаск, 1952). دمشق, الرواد دار, غوركي مكسيم مع مقابلة, فاروق جليل الشريف,
234. 1952. القاهرة (Аль Хусайни Исхак, Введение в Современной Арабской Литературе, Каир, 1952). اسحاق الحسيني,

235. 1951, بيروت, المعاصر العربي الادب عن, ميخائيل نعيمة (Нуайма Михаил О Современной Арабской Литературе, , Бейрут, 1951).
236. 1949, № 3—4. 1958 العدد الطريق مجلة (Ат-Тарик, 1958, № 3).
237. 1947, دمشق, (غوركي مكسيم و فاخوري عمر), سوفيتي وآخر عربي كاتب, اياد كمال (Камиль Ияд, Арабский Писатель и Другой Советский (Умар Фахури и Максим Горький), Дамаск, 1947).
238. 1942. 1942. ام, مكسيم غوركي (Горький М. Мать, Багдад, 1942).
239. 1939 (Ал-Хилал («Полумесяца»), июль, 1939).
240. 1934 (Ад-Духур, 1934, апрель).
241. 1932 (М. Горький, Челкаш, Багдад, 1932).
242. 1932 (Горький М. Челкаш, Багдад, 1932).
243. 1930, 20 ايلول (Ас-сийаса, , № 237, 20 сентября, 1930).
244. 1936 (Ат-Талиа, № 6—7, 1936).
245. 1943 («Ат Тарик», 1943 № 8).
246. 1887 (Бустани Салим, Россия; ее язык и литература, Даират аль Маариф, Бейрут, 1887).
247. Журнал «Литературы», № 9, 1969, стр. 14.
248. URL: <http://www.iraqiwritersunion.com/> (дата обращения: 22.02.2012).
249. URL: <http://www.iraqnla-iq.com/> (дата обращения: 13.4.2012).
250. URL: <http://www.spo.sy/> (дата обращения: 08.09.2012).
251. URL: <http://www.syrianstory.com/> (дата обращения: 08.02.2013).

Раздел IV

252. Luise Collier Willcox, Novel “Mother” by Maxim Gorky / Collier

Willcox Luise // American Monthly Review of Review, vol.35, 1907, June, p.763-764.

253. "Mother" by Maxim Gorky // Catholic World, vol. 85, 1907, August, p. 677.

254. Creatures that once were men. Translate by J. K. M. Shirasi. – Funk, N.-Y., 1906.

255. Maxim Gorky, Foma Gordeyef / translate from the Russian by Isabel F. Hapgood, with illustration and a biographical preface. – Scribner N.-Y. – Chicago, 1901. – 10, 448 p.

256. Maxim Gorky, Foma Gordeyev. A. Novel, illustration and unabridged from the Russian by Hermann Bernstein. Ogilvie Publ. C, N.-Y., 1901 – 8, 436 p.

257. Gorki M. Mother. – New York, 1907. –???

258. Maxim Gorky tales, his picture and biography. From the Russian by C. Alexandroff. International Library Publishing C, N.-Y., 1903, 93 p. illustration Text in Jiddish.

259. Mother by Maxim Gorky with 8 illustr. by Sigmund de Ivanovski, New York and London. D. Appleton and Company, 1916. 450 p.

260. Mother. Appleton. N.-Y. – L., 1907. –With 8 illustr. by Sigmund de Ivanovski, new ed. Appleton, N.-Y, 1907.

261. То же . New York and London. D. Appleton and Company, 1916. 450 p.

262. Mother by Maxim Gorky // Nation. – vol. 84. – № 2189. – June 13. – p. 544.

263. Mother by Maxim Gorky // New York Times. – vol.12. – 1907. – April 27. – p. 272.

264. Mother by Maxim Gorky // Putnam's Monthly and the Critic. – vol. 3. – 1907. – October. – p. 111.

265. Twenty six and one, and others stories from the "Vagabond series". Translate from the Russian, preface by Ivan Strannik. Taylor, N.-Y., 1902. –

242 p.

266. Tales from Gorky. From the Russian with a biographical notice of the author by R. Nisbet Bain, 3rd ed. Funk and Wagnalls. – N.-Y., 1902. – 3, 385p.